

ОГОНЁК
№ 41 ОКТЯБРЬ 1955
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Париж. Вид на реку Сену с Собора Парижской богоматери.

Фото А. Новикова.

На первой странице обложки: Первоклассница Айболек Союнова. Школа-семилетка в поселке Бахардок (центральные Каракумы, Туркменская ССР).

Фото И. Тункеля.

На последней странице обложки: Сцена из второго акта оперы «Шасенем и Гариб» в Туркменском государственном театре оперы и балета. В роли Шасенем народная артистка Туркменской ССР Мая Кулиева, Гариб — артист Бяшим Артыков.

ОГОНЁК № 41 (1478) 9 ОКТЯБРЯ 1955

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

33-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НАКАНУНЕ

Эти 10-тонные бетонные пирамиды будут сбрасываться в воду.

Волге в этом году приходится туговато. В августе ее перекрыли каменным банкетом строители Горьковской гидростанции, а через несколько дней это же проделают строители Куйбышевской.

Характер работ и тут и там примерно схожий, но их масштаб различен. Ведь одно — иметь дело с Волгой под Горьким, где она не набрала еще всей силы, и другое — с Волгой в Жигулях, к которой примкнули и Ока и Кама...

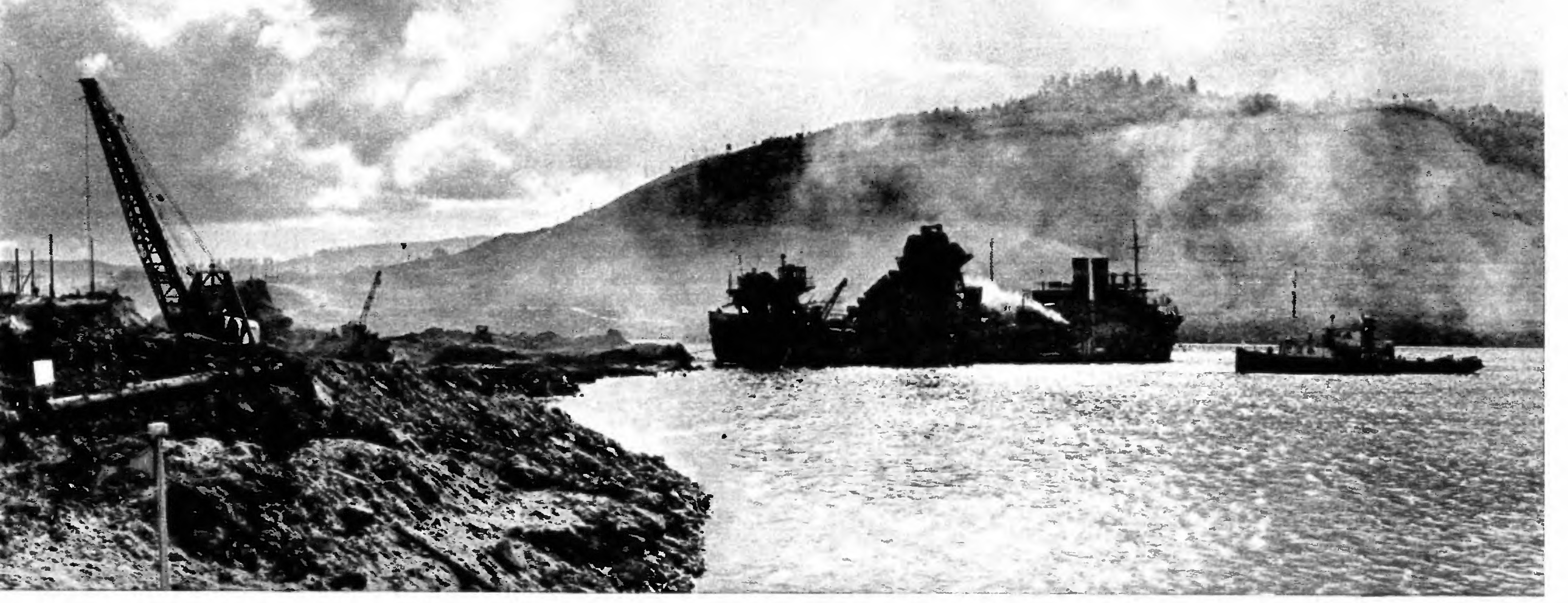
Сейчас на стройке наступила пора, когда здешние сооружения с каждым днем все явственней, все отчетливей приобретают те очертания, ту форму, которые задали им на бумаге проектировщики. А некоторые уже готовы или вступили в пусковой период.

Первыми вошли в строй нижние шлюзы. С ними спешили потому, что нужно было поскорее открыть новую дорогу волжским судам. Старая, в основном русле реки, стиснута до предела и доживает последние дни. Сжимать ее начали давно, еще года четыре назад, когда на правом берегу рыли котлован под здание ГЭС. Это здание на две трети своей длины, на четыреста метров, будет вдаваться в Волгу. И значит, котлован должен был захватить не только берег, но и реку.

Левая часть русла в отличие от правой была свободной. Относительно, правда, свободной. Здесь поставили одну из стальных опор, поддерживающих воздушную канатную дорогу. Но эта опора не очень мешала судоходству. Угроза начала нависать над ним к весне нынешнего года. Земляная плотина, которую гидромеханизаторы намывали в пойме, пересекла Телячий остров и приблизилась вплотную к реке. А за лето земснаряды намыли ее до опоры, оставив в распоряжении Волги узенький кусочек — какие-нибудь триста пятьдесят метров. Казалось, ничего не стоит преодолеть их. Почему же плотина не двинулась сразу дальше? Почему замерли работы на реке? Нет, они не замерли. Это тишина перед боем. Идет накопление сил, сосредоточиваются резервы, готовится завершающий удар. Перекрыть такую сильную реку, как Волга, да к тому же еще разъяренную, вынужденную развивать колоссальную скорость, чтобы пробиться сквозь узкий проход, перекрыть такую реку трудно. Тут нельзя упустить ни единого звена в огромной цепи больших и малых дел, тесно связанных одно с другим.

Перегородив реку, надо дать ей какую-то другую дорогу. Но где? Железобетонная водосливная плотина, строящаяся у левого берега, будет готова лишь будущей весной. А пока куда деваться воде? Она пойдет через водосбросные отверстия в здании ГЭС. Не ошиблись ли мы? До сих пор такие отверстия бывали, как правило, в плотинах, а не в гидростанциях. Вот именно, до сих пор. В здании Куйбышевской ГЭС запроектировано восемьдесят водосбросов, через которые, как это явствует из самого названия, будет сбрасываться часть воды во время весенних разливов. Это новшество внесено в проект главным образом для того, чтобы укоротить железобетонную плотину метров на триста.

Так вот, Волга после того, как ее перекроют, потечет через донные отверстия в здании гидростанции. Ну, а для этого вся его подводная часть должна быть к моменту перекрытия полностью готова. Вот почему так спешат в эти дни в котловане. И бетон тут идет сейчас особый — тематический. И это значит, что кладется не вообще бетон, а тот, который

Разбирают перемычку.

приближает затопление котлована, приближает перекрытие реки. В частности, бетонируются те места, где установят затворы водосбросов. Реке ведь не разрешат течь здесь так, как ей заблагорассудится. Рекой с помощью затворов будут управлять: когда надо — откроют дорогу, когда надо — закроют.

Мы упомянули о затоплении котлована. Как же его затопят, если он огражден перемычкой? Ее разберут, вернее, уже разбирают. Изнутри этим заняты экскаваторы. Те самые, что в свое время рыли этот котлован. Вон машина № 1. Знакомая нам машина. Она была среди самых первых экскаваторов, начинавших копать здесь грунт. И управлял ею Михаил Юрьевич Евец, человек, работавший когда-то землекопом на Магнитке. Да вот же он, попрежнему в кабине, над которой висит плакат: «Механизаторы! Берегите технику!» Можно было бы продолжить: «Как бережет ее хозяин этой машины...» Она ни разу не была в ремонте. Между прочим, в дни перекрытия Волги Евец отметит юбилей: число кубометров земли, поднятой им в Жигулях, приближается к двум миллионам.

С воды перемычку разбирают землечерпалки. Тут как-то вместе с грунтом они начали поднимать со дна мешок за мешком. Клад, что ли, какой? Но старожилов это не удивило. Они знали, что это мешки с песком и что их сбрасывали в реку в мае 1953 года, когда прорвало перемычку. Сейчас старожилы улыбались: беда забылась. Но тогда это было катастрофой. Хорошо, что Сергей Милеант, старшина водолазов, быстро нашел место, где пробилась вода. Он, Сергей, и сейчас со своими ребятами здесь, на перемычке. Только они уже не ищут, где просачивается вода. Наоборот, помогают пошире дать ей дорогу, помогают вытаскивать шпунтины. Эти железные корытообразные доски, которые вдвигаются одна в другую, с трудом удавалось вколачивать в каменистое волжское дно. А теперь их с таким же трудом приходится вытаскивать. Они не поддаются иногда даже сваевыдергивателю — маленькой, но удивительно упрямой и сильной машинке. Когда и ей не справиться со шпунтами, в воду лезет Сергей Милеант, уходят в воду другие водолазы и режут железо с помощью электрической дуги. Сверху виден мерцающий в темной воде робкий голубовато-розовый огонек, перед которым не может устоять сталь...

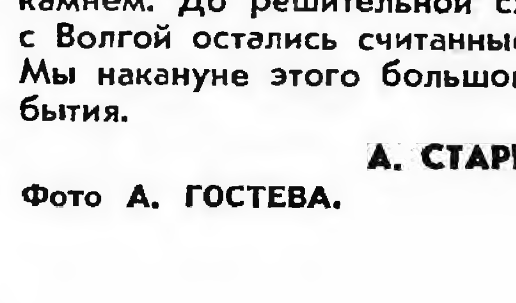
План работ таков: разбираются нижняя и верхняя части перемычки, а продольная останется, она сольется позже с земляной плотиной. Но затопить котлован нужно медленно и осторожно. Если воду пустить сверху, да еще и сразу, то она нанесет земли, бревен и может повредить здание ГЭС. Поэтому и снизу и сверху в перемычке оставят тонкие стенки, которые будут пока сдерживать воду. Потом сделают так: в нижнем бьефе прорежут узенький, шириной в пять метров, канальчик, и водичка начнет медленно вливаться. Когда ее станет в котловане достаточно, землечерпалки прорвут обе стенки, войдут внутрь котлована и будут все расширять и расширять дорогу воде.

Мы несколько подробней остановились на затоплении котлована, потому что успех этого дела решит успех всей работы, которая развернулась в эти дни в Жигулях.

Теперь о самом перекрытии реки. Оно начнется сразу после того, как затопят котлован, и, таким образом, напряжение в русле реки немного ослабнет. Гидротехники считают, что к моменту перекрытия она будет нести пять — шесть тысяч кубометров воды в секунду. Если же пройдут дожди где-нибудь, скажем, на Каме, тогда расход может подняться до десяти и даже до двенадцати тысяч. Но и это не застанет строителей врасплох: они подготовились, что называется, с запасом.

Вот лежат на берегу предназначенные к сбрасыванию в воду бетонные глыбы. Им придана форма пирамид. Этих пирамид три тысячи, каждая весит десять тонн. Воде трудно будет справиться с ними. К тому же благодаря своей форме они улягутся все вместе так, что для воды останется много щелочек. И она, находя для себя лазейки, не будет поначалу особенно бушевать. Затем сбросят более ста тысяч кубометров камней разного веса и размера. Постепенно вырастет и поднимется на метр из воды дамба, банкет, призванный перекрыть Волгу. Хотя это не совсем точно. Река будет перегорожена, но у банкета, собственно, подсобная роль. Он заставит течение отвернуть в сторону, и под защитой банкета начнут намывать земляную плотину. Вот она-то окончательно, навечно перекроет Волгу и создаст напор воды, способный вращать турбины. А первый свой оборот рабочее колесо первой турбины должно сделать еще в этом году — в декабре...

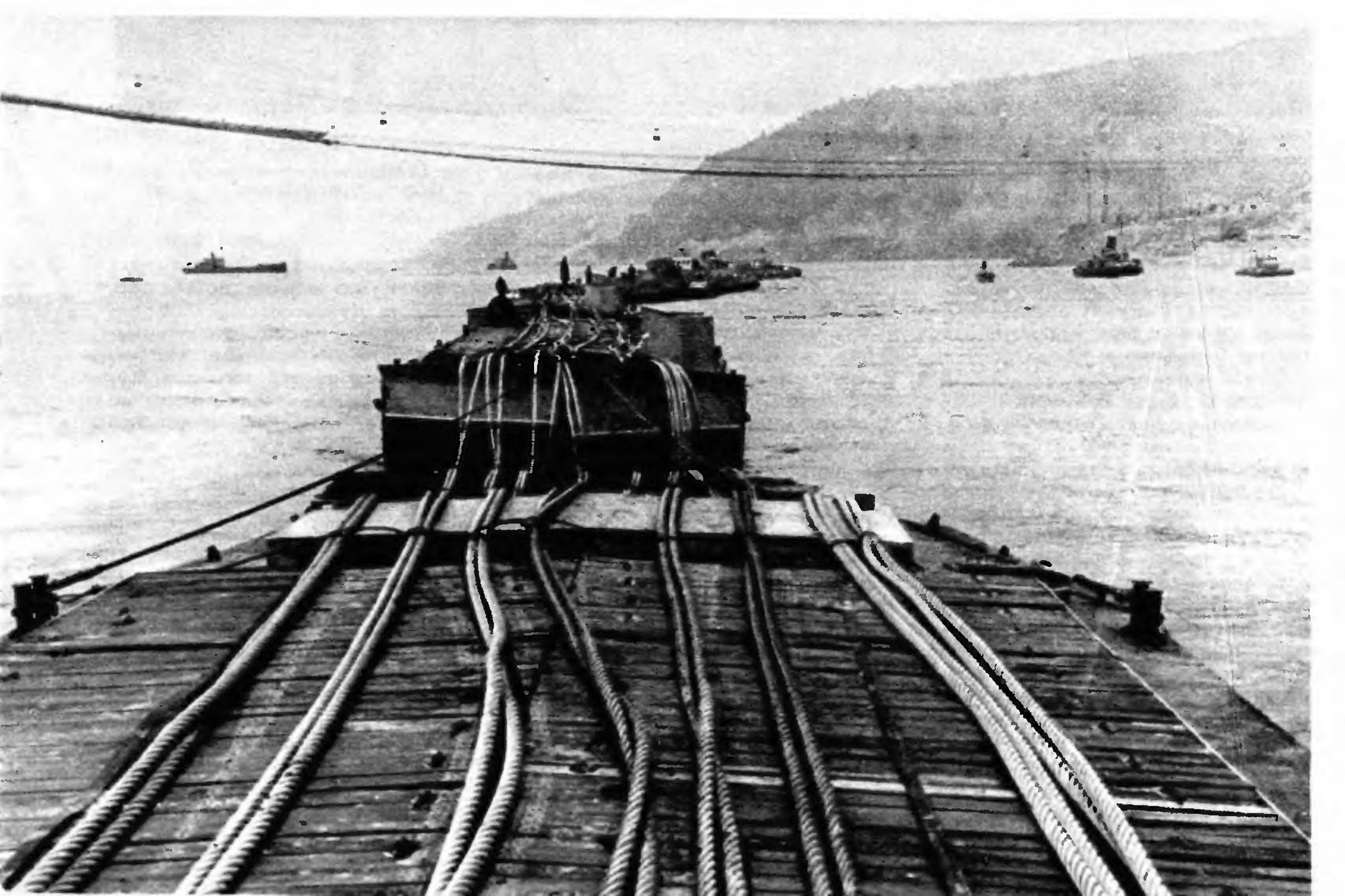
В то время, когда пишутся эти строки, из тихой волжской бухты мощные буксиры выводят баржи, связанные попарно. Они вытянутся от берега к берегу, и никакая волна не сумеет сбить их. Стальной канат, переброшенный над Волгой, будет крепко держать эти соединенные между собой баржи, этот наплавной мост, по настилу которого покатят самосвалы с бетонными пирамидами, с камнем. До решительной схватки с Волгой остались считанные дни. Мы накануне этого большого события.

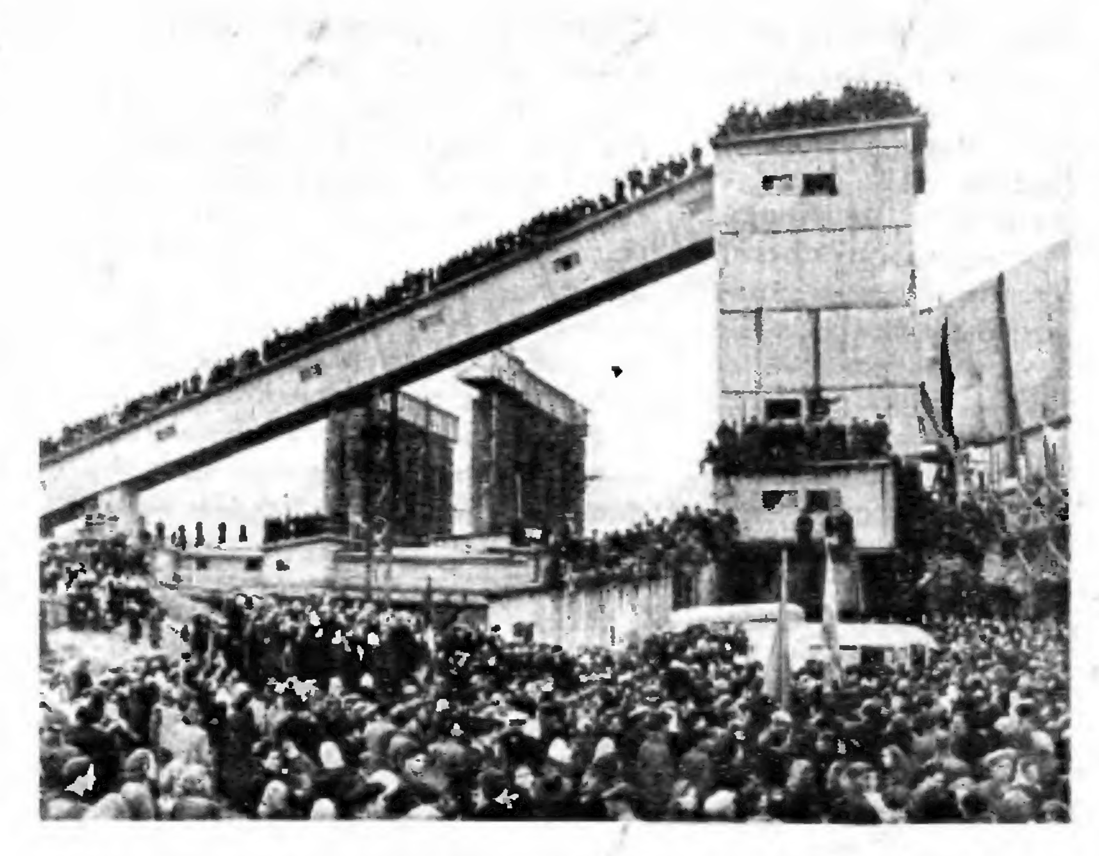

А. СТАРКОВ

Фото А. ГОСТЕВА.

Буксиры выводят наплавной мост.

Митинг, посвященный пуску первого гидроагрегата.
Фото С. Розенфельда.

Нарвская ГЭС дала ток

Дочь седого Чудь-озера, река Нарва на коротком своем восьмидесятикилометровом пути спускается почти на тридцать метров, и это делает ее много мощнее некоторых длинных, но спокойных и медленных рек.

И вот советские люди овладели этой кипучей силой.

Белое здание ГЭС как бы соединяет своими крыльями стоящий на русской земле Ивангород и эстонский город Нарву. Свершилась давняя мечта русского и эстонского народов: буйная и могучая река покорена.

...У пульта управления ГЭС дежурство несет инженер Петр Васильевич Махалкин. Ему доверена первая вахта на Нарвской ГЭС. Он приехал сюда с Нижне-Свирской гидроэлектростанции имени Г. О. Графтио, где прошел большую практику управления станцией. Вместе с инженером Махалкиным на почетной вахте — Василий Трубецкий и Анна Яковлева. Они прибыли с Волховской ГЭС имени В. И. Ленина.

Трубецкий поворачивает ключ пускового механизма. На панели пульта вспыхнул зеленый глазок. Рабочее колесо турбины пришло в движение.

Первый гидроагрегат, изготовленный рабочими и инженерами на ленинградских заводах, пущен!

Н. ХРАБРОВА,
К. КОНСТАНТИНОВ

Харькову 300 лет

На одной из клумб в центре города сделана надпись из цветов: «300 лет Харькову».
Фото Н. Гурова.

В сентябре нынешнего года Харьков отметил свое 300-летие.

Оказавшись на большой дороге из Москвы в Крым, Харьков быстро вырос. К концу XIX века Харьков — уже крупный промышленный центр, в котором сосредоточены большие массы пролетариата. Наиболее бурно стал развиваться город после Великого Октября. Только с 1920 по 1940 год его население выросло почти в четыре раза. В настоящее время город занимает территорию около 300 квадратных километров; чтобы проехать его с севера на юг и с востока на запад, нужно в первом случае проделать путь в 19, а во втором случае — в 25 километров.

— За всю свою трехвековую историю Харьков не строился так стремительно, как сейчас,— говорит председатель исполкома городского Совета депутатов трудящихся Алексей Федосеевич Михайлик.— Сейчас в нашем городе строятся десятки многоэтажных жилых зданий. Генеральный проект планировки Харькова, осуществление которого уже начато, предусматривает создание новых и расширение ряда старых магистралей. Все это преобразит город, сделает его еще более благоустроенным и красивым.

А. КАШТАНЬЕР

Молодежь Москвы торжественно отметила знаменательную дату — 35-летие со дня выступления В. И. Ленина на III съезде Российского Коммунистического Союза молодежи. В здании, в котором выступал В. И. Ленин (ныне здесь театр имени Ленинского комсомола), состоялось собрание молодежи столицы.

С воспоминаниями о незабываемом дне перед молодыми москвичами выступили представители первого комсомольского поколения — делегаты исторического III съезда.

На снимке: участники собрания беседуют с поэтом Александром Жаровым и профессором В. Ф. Васютиным — делегатами III съезда комсомола.

Фото С. Косырева.

ВИЗИТЫ ДРУЖБЫ

В результате состоявшихся недавно переговоров между представителями советского военно-морского командования и британского Адмиралтейства отряд советских военных кораблей посетит главную военно-морскую базу Англии Портсмут, а отряд английских военных кораблей — Ленинград.

Как известно, обмен мнениями об этих визитах впервые состоялся в Женеве во время Совещания Глав правительств четырех держав между Н. А. Булганиным и Антони Иденом.

Отряд советских военных кораблей под флагом Командующего Балтийским флотом адмирала А. Г. Головко пробудет в Англии пять дней — с 12 по 17 октября. В это же время британские корабли под флагом Командующего флотом метрополии адмирала М. Денни посетят Ленинград.

На снимках: входящий в состав советского отряда крейсер «Свердлов» и один из кораблей английского отряда, минный заградитель «Аполлоу».

СЛАВНОЕ ШЕСТИЛЕТИЕ

Отто НУШКЕ,
заместитель премьер-министра Германской Демократической Республики

Германская Демократическая Республика празднует шестую годовщину своего существования.

Широкие демократические силы под руководством Социалистической единой партии Германии, партии рабочего класса, шесть лет назад ответили на образование сепаратного Боннского государства основанием истинно демократического и мирного германского государства. Это государство ставило своей целью воссоединение Германии. Премьер-министр Отто Гротеволь и Председатель Народной палаты доктор Иоганнес Дикман неоднократно обращались с призывом к Бонну начать переговоры о национальном воссоединении. Все партии постоянно требовали воссоединения. Но Бонн отвергал эти требования. Постепенно выявлялась истинная причина западногерманской политики раскола. Западная Германия обязалась предоставить свои войска для осуществления агрессивных планов. Империалисты объединенными усилиями осуществляли перевооружение Западной Германии. Американцы решительно отвергали предложения Советского правительства о выводе всех оккупационных войск. Французский парламент отклонил, правда, договор о европейском оборонительном сообществе, но зато западным державам удалось осуществить принятие Западной Германии в НАТО и присоединить ее к Брюссельскому договору.

Несмотря на это, Германская Демократическая Республика неуклонно проводила свою мирную политику. Она присоединилась к великому лагерю мира, руководимому Советским Союзом. Она стала участником Варшавского договора, а затем заключила с Советским Союзом в Москве Договор об отношениях между СССР и ГДР. Защита мира является высшей целью политики Германской Демократической Республики. Поэтому она заявляет о своей готовности принять участие в конференции по заключению пакта о европейской безопасности. ГДР может принять участие в такой конференции, так как ее суверенитет определяется международным правом. Все немецкие патриоты благодарны Советскому Союзу за то, что он заключил с нами договор, закрепляющий по международному праву наш суверенитет. На основе Варшавского и Московского договоров можно теперь более успешно вести борьбу за мир и единство. Это, конечно, не нравится господину Аденауэру. ГДР искренне приветствовала установление дипломатических отношений между ГФР и Советским Союзом. Тем самым вновь было доказано, что переговоры ведут к разрядке международной напряженности и к взаимопониманию.

Но доктор Аденауэр хочет остановиться на полпути. Он не хочет отказаться от парижских военных договоров, хотя точно знает, что тем самым он в наибольшей степени затрудняет воссоединение Германии. Он не хочет признать реальность существования двух немецких государств с различной общественной и экономической основой. Он не хочет вести переговоры с ГДР.

Поэтому необходимо, чтобы Германская Демократическая Республика решительно продолжала борьбу за свои высокие цели. Наше государство создано на социалистической основе. Это—государство рабочих и крестьян. Восемьдесят процентов промышленной продукции производится на наших народных предприятиях. Мы смогли увеличить вывоз машин и оборудования на шестьсот процентов

ГЛАВНОЕ

Германской Демократической Республике исполнилось шесть лет. Все эти годы молодое государство рабочих и крестьян шло по пути становления и развития. Путь этот был полон трудностей и борьбы. И в дни, когда республика празднует свою шестилетнюю годовщину, ее граждане с особой гордостью думают о достижениях, завоеванных в борьбе за новую жизнь.

В предпраздничные дни я обратился ко многим немцам разных профессий с вопросом: «Каковы, по-вашему, главные достижения республики за шесть лет?»

Привожу некоторые ответы.

М. ПОДКЛЮЧНИКОВ

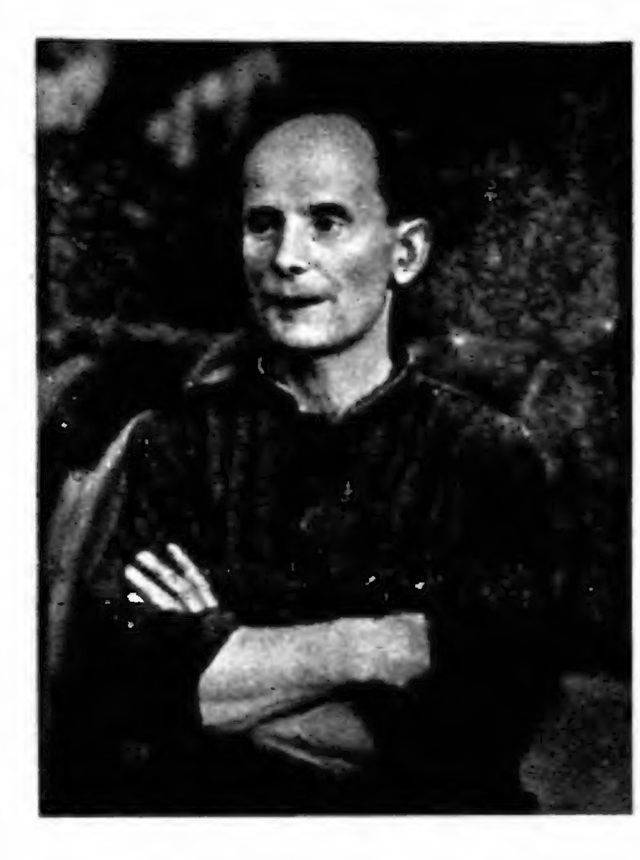
Эрнст Фогель, рабочий берлинского кабельного завода

— Наш завод — народная собственность. Это значит, что у нас есть,— Фогель раскрыл ладонь и начал один за другим загибать потемневшие от машинного масла пальцы,— прекрасная, великолепно оборудованная поликлиника — раз! Детский сад — два! Детские ясли — три! Клуб, новый и красивый, как дворец,— четыре! Дом отдыха на Балтийском море, я там был и ничего лучшего себе представить не могу,— пять!..

Пальцы на руке кончились, но Фогель продолжал перечислять. Он называл и новую столовую на заводе и спортивную площадку для молодежи, припомнил пионерский лагерь и возможность для каждого учиться и повышать свою квалификацию.

— Сам я, правда, староват уже для учения, в мои годы это трудно. Для меня главное, что у нас нет безработицы, что никто не выбросит меня за заводские ворота. У меня есть хороший, прочный заработок, жизнь наша из года в год улучшается.

И еще я хочу обязательно добавить,— сказал Фогель на прощание,— мы все страстно желаем воссоединения Германии. Но в воссоединенной Германии наши народные предприятия должны остаться народной собственностью и должно быть сохранено все, что я перечислил, все наши достижения. Того, что мы построили своими руками, мы никогда не отдадим капиталистам.

Вилли Бендт, вагоновожатый трамвайного парка берлинского района Кёпеник

— Наше правительство сделало очень много за последние годы. Я уверен, что ни при каком другом правительстве наша республика не смогла бы добиться таких успехов. Для меня самое главное — это то, что оно всей своей политикой постоянно укрепляет мир. Насколько это важно лично для меня, вы поймете, если я скажу, что во время войны у меня погиб единственный сын. Да разве у меня одного! Миллионы людей погибли!

Бендт тяжело задумался, потом добавил:

— Есть у меня еще внуки. Я не хочу, чтобы с ними повторилось то же, что с сыном. Войны не хочет никто из нас. И поэтому мы все стоим за наше правительство.

Рут Фретцер, служащая районного совета Берлина

— Каковы главные достижения? — переспросила она. — Это для меня немного трудный вопрос, потому что об очень многом надо говорить. У меня была смелая по прошлым временам мечта: стать фотолаборанткой. Но из этого ничего не вышло: отец долгое время оставался без рабо-

по сравнению с 1950 годом. Германская Демократическая Республика ведет в настоящее время торговлю более чем с сотней стран.

В деревне также произошли громадные изменения. Сейчас же по окончании войны была проведена демократическая земельная реформа — 2,5 миллиона безземельных крестьян, батраков и сельских ремесленников получили землю. Мы благодарны Советскому Союзу за щедрую помощь, за присылку комбайнов и других новейших машин и за постоянные советы и поддержку. В настоящее время мы имеем более пяти тысяч сельскохозяйственных производственных кооперативов, более тридцати тысяч тракторов и бесчисленное множество других сельскохозяйственных машин и инвентаря.

Деревня обогатилась и в духовном отношении. На всех шестистах пяти машинно-тракторных станциях имеются сейчас дома культуры, в которых регулярно ставятся спектакли, идут кинофильмы. Во всех деревнях значительно улучшена постановка образования. Отставание сельского населения в образовании в настоящее время ликвидировано.

Половина всех студентов в наших университетах и высших учебных заведениях — дети рабочих и крестьян. Они получают достаточную стипендию, что дает им возможность беспрепятственно учиться. Большие успехи достигнуты в республике в восстановлении городов, а также в строительстве новых промышленных и жилых центров. Яркими примерами этих успехов являются Аллея Сталина в Берлине и первый социалистический город Сталинштадт около Фюрстенберга на Одере.

Воссоединение Германии может быть осуществлено только в результате договоренности самих немцев. Но оно никогда не может осуществиться за счет достижений Германской Демократической Республики. ГДР требует Германию без милитаристов, юнкеров и банкиров. Она безоговорочно требует воссоединения Германии в единое, миролюбивое и демократическое государство.

Наш президент Вильгельм Пик призывает к тому, чтобы каждый честный немец был другом Советского Союза и чтобы в душе каждого честного немца жила идея германо-советской дружбы. Этой идеей вдохновлена Германская Демократическая Республика сегодня, в шестую годовщину своего существования.

Поэтому в день нашего великого праздника мы, немцы, шлем горячий привет народам Советского Союза, вместе с которыми мы боремся за мир, социальный прогресс и коллективную безопасность.

Берлин (по телеграфу).

ты, и платить за обучение было нечем. А теперь я равноправная государственная служащая, мне доверена серьезная самостоятельная работа. У нас в республике есть женщины и адвокаты, и бургомистры, и даже министры!

Трудно перечислить все, что делается в нашей республике для трудящихся женщин,— продолжала она.— Да вот вам пример из моей жизни. Так как я работаю, у меня остается не так уж много времени для сына. Поэтому я отдала его в интернат при школе. Там за детьми хороший уход. Самой мне приходится платить немного. Большую часть расходов берет на себя профсоюз. Такие интернаты есть во многих районах, при крупных предприятиях. Разве могло все это быть в старой Германии? А теперь есть. И иначе теперь не может быть. Вот вам и ответ на ваш вопрос.

Гюнтер Мамеров, бригадир полеводческой бригады сельскохозяйственного производственного кооператива имени Артура Герца под Берлином

— Это наши поля. — Гюнтер Мамеров сделал широкий жест рукой, показывая на большое поле, на краю которого мы стояли. По полю быстро полз трактор с плугом, выворачивая на поверхность густые клубни картофеля.— Никогда еще мы не получали таких урожаев. Никогда еще работа не была для крестьян такой радостью, как теперь.

При демократическом строе жизнь в деревне совершенно переменилась,— продолжал он.— По земельной реформе пятнадцать крестьян нашей деревни получили землю, многим дали добавочные наделы. Государство помогает крестьянам во всем. На полях работают машины МТС, банк дает кредиты для постройки новых домов. Доходы крестьян быстро повышаются. Особенно высоки они у членов кооператива. Не удивительно, что за четыре года число членов кооператива увеличилось в четыре раза. И это понятно: никто не отказывается от лучшего.

Государство у нас еще молодое, как это дерево.— Мамеров кивнул головой на растущий у дороги тополь.— Но у него крепкие корни в народе, потому что трудящиеся хорошо знают, что это государство рабочих и крестьян, правительство которого борется за интересы народа. Кто помнит, что было здесь в 1945 году, тот ясно видит, кому служит наша власть. Я помню, что здесь было. Поэтому я всей душой поддерживаю наше рабоче-крестьянское правительство.

«ЭРНСТ ТЕЛЬМАН — СЫН СВОЕГО КЛАССА»

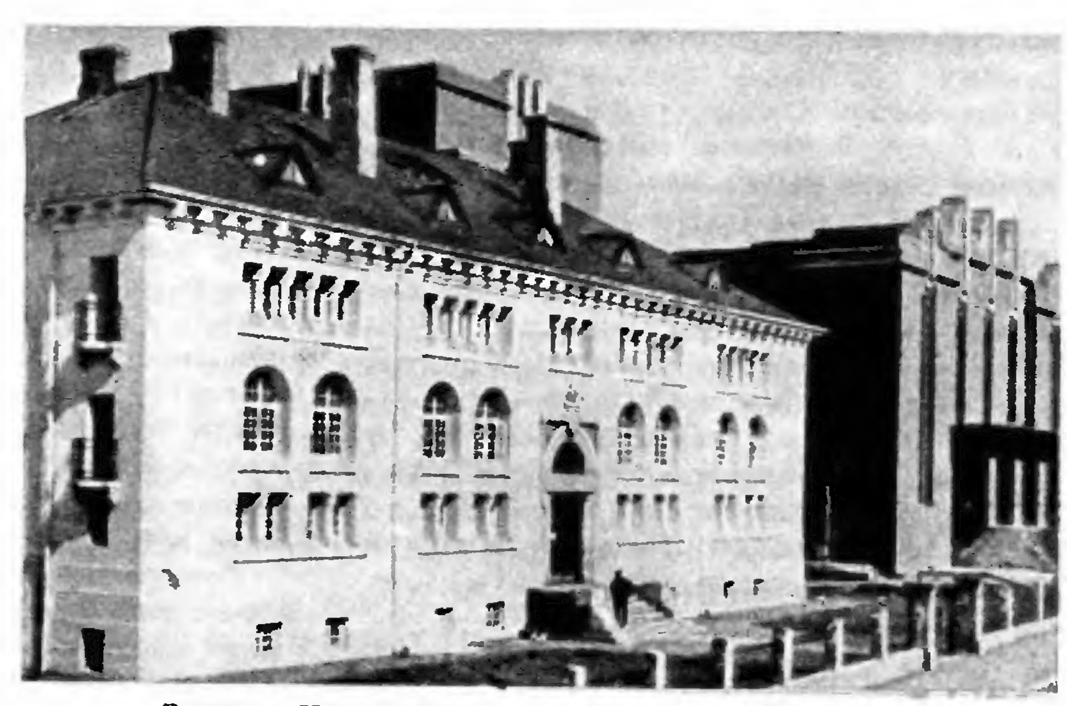

На снимках: кадры из фильма.

В ГДР на студии «Дефа» закончилось производство второй серии фильма «Эрнст Тельман — сын своего класса». Создание образа Тельмана — большая творческая удача артиста Гюнтера Симона. В съемках принимали участие советские киноактеры. В дни шестой годовщины Германской Демократической Республики новый фильм вышел на экраны кинотеатров Берлина.

Дар Национальной библиотеке Исландии

Здание Национальной библиотеки Исландии.

Летом этого года в Исландии с большим успехом экспонировалась советско-чехословацкая промышленная и сельскохозяйственная выставка. Здесь в большом количестве были представлены советские книги: произведения русских и советских писателей, классиков иностранной литературы и современных зарубежных писателей. На выставке была представлена также политическая и научная литература, произведения русских, советских и зарубежных композиторов, а также литература, изданная в Советском Союзе на английском, немецком, французском и шведском языках.

После закрытия выставки экспонировавшиеся на ней советские книги (всего более 800 экземпляров) были переданы в дар Национальной библиотеке Исландии.

Представитель Национальной библиотеки Исландии Аусгейр Хьяртарссон поблагодарил за подарок, который, как он заявил, является крупнейшим даром Национальной библиотеке. А. Хьяртарссон подчеркнул, что этот подарок особенно ценен потому, что в Исландии с каждым днем растет интерес к Советскому Союзу.

Как сообщалось исландской прессой, в Национальной библиотеке будет организована выставка советской литературы и позднее при Национальной библиотеке Исландии создадут отдел русской книги.

А. ХОДАРЕВА

Праздник
НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

С. БАБАЕВ,
секретарь ЦК КП Туркмении

Выступление Туркменского государственного оркестра народных инструментов.

Фото И. Тункеля.

Работники искусств Туркменской республики с чувством глубокой радости готовились к знаменательному событию — декаде в Москве. Декада туркменского искусства и литературы в Москве будет наглядно свидетельствовать о небывалом росте нашей национальной культуры в дружной семье братских народов Советского Союза.

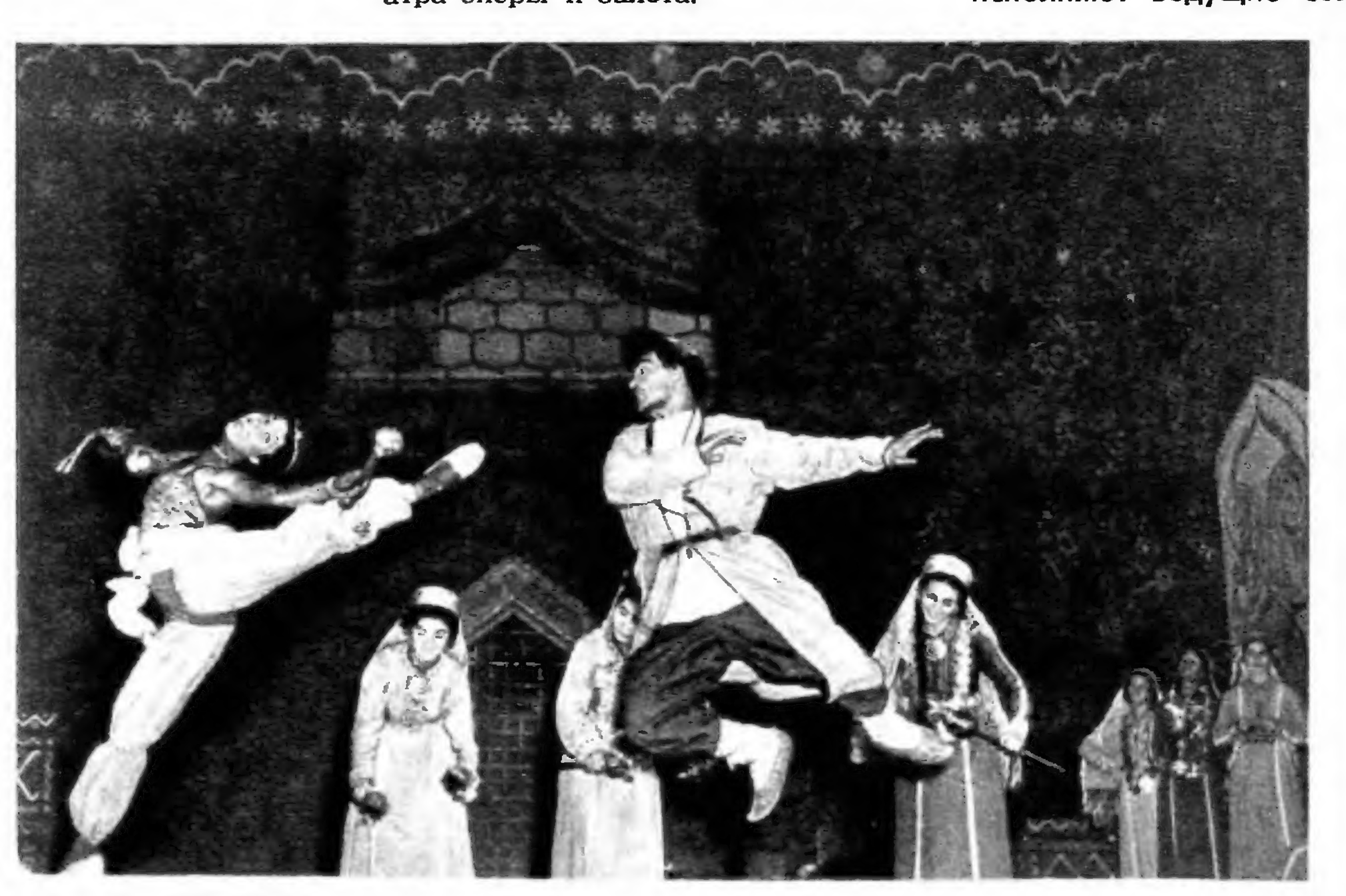
Могли ли раньше туркмены, испытывавшие двойной гнет — царского самодержавия и местных ханов и баев,— почти поголовно неграмотные, не имевшие никаких условий для развития своих народных талантов, мечтать о подъеме своей национальной культуры? Только советский социалистический строй, только постоянная забота родной Коммунистической партии и братская помощь русского народа обеспечили столь бурное развитие культуры Советского Туркменистана — национальной по форме и социалистической по содержанию.

Поистине гигантские шаги сделало наше молодое искусство, прошедшее путь от творчества народных песенников — бахши, передававших из уст в уста, из поколения в поколение свои поэтические и музыкальные произведения, к таким вершинам, как национальная опера, балет, драматические театры, симфонические произведения, как появление широких литературных полотен — романов о жизни народа, повестей и поэм о вдохновенном его труде. В дни декады будет показано все наиболее яркое, наиболее зрелое из созданий нашей культуры.

Республиканский театр оперы и балета отобрал для показа из своего репертуара любимый спектакль туркменского зрителя — оперу «Шасенем и Гариб». Основные партии в ней исполняют ведущие солисты театра — народные артисты Туркменской ССР М. Кулиева и А. Аннакулиева, заслуженный артист республики Х. Аннаев, артист Б. Артыков и другие. Спектакль этот создан в результате творческого содружества молодого туркменского композитора Д. Овезова с опытным русским композитором А. Шапошниковым, заслуженным деятелем искусств нашей республики.

Москвичи увидят и балет «Алдар Косе», написанный композитором К. Корчмаревым, заслуженным деятелем искусств Туркменской ССР, по мотивам народных сказаний. В главных ролях выступают солисты балета: заслуженные артисты республики М. Ахундов, Х. Мурадов, артисты Б. Мамедова, И. Гельдыев, Х. Измаилов. На туркменском языке будет исполнена бессмертная классическая опера П. И. Чайковского «Евгений Онегин».

За последние годы нашими композиторами

Сцена из балета «Алдар Косе» К. Корчмарева. Постановка Туркменского государственного театра оперы и балета.

Сцена из спектакля «Ревизор» Н. В. Гоголя в Туркменском государственном драматическом театре имени И. В. Сталина. Земляника — заслуженный артист ТССР Назар Бекмиев. Хлестаков — народный артист ТССР Алты Карлиев.

Опера «Евгений Онегин» П. И. Чайковского в Туркменском государственном театре оперы и балета. Народная артистка республики Аннагуль Аннакулиева в роли Татьяны Лариной.

создано немало значительных произведений: симфоническая поэма «Моя Родина» и «Туркменская сюита» Вели Мухатова.

Значительно окреп в идейно-художественном отношении Туркменский драматический театр имени И. В. Сталина. В его стенах расцвел талант народного артиста СССР Амана Кульмамедова, народных артистов Туркменской ССР Базар Аманова, Алты Карлиева, Клыч Бердыева, Сона Мурадовой, Сурай Мурадовой и многих, многих других. Наряду с пьесой современного драматурга Г. Мухтарова «Семья Аллана» коллектив театра покажет исполняемые на туркменском языке спектакли «Ревизор» и «Отелло».

В столице республики Ашхабаде успешно работает Русский драматический театр имени А. С. Пушкина. В содружестве с драматургами к декаде здесь подготовлены современные спектакли: «Веселый гость» Г. Мухтарова и «Джахан» К. Сейтлиева. Из произведений русской классики театр покажет в Москве «Три сестры» А. П. Чехова.

В концертах в Москве примут участие лучшие наши музыкальные коллективы: оркестр народных инструментов под управлением дирижера Курбан Кулиева, национальный ансамбль танца, туркменский хор, а также отдельные солисты, певцы, исполнители. Среди них заслуженные артисты республики Маргарита Фараджева и Курбан Джамал Аннаниязова, народные бахши Сахи Джапаров, Пурли Сарыев, Гичгельды Аманов, Курбан Дурды Дженов. Участие в концертах ряда коллективов художественной самодеятельности и ансамбля пограничников под руководством заслуженного деятеля искусств ТССР А. М. Леонова расширит представление о нашем народном искусстве.

Художники Туркменистана в последнее время стали чаще обращаться к современной теме. Они создали ряд интересных, выразительных полотен. Таковы картины «В пустыне Кара-Кум» и «Книжный базар» И. Клычева, «Попал в «Токмак» А. Кулиева, а также лучшие произведения А. Хаджиева, Е. Адамовой, Н. Доводова, И. Ильина. Москвичи познакомятся не только с работами наших живописцев и графиков, но и с произведениями народно-прикладного искусства. Достойно внимания творчество наших замечательных мастериц-ковровщиц, пользующееся особой любовью народа. Созданные ими ковры — композиции и портреты — будут также представлены на выставке в столице. Необыкновенно красочен огромный, только что сотканный ковер-панно «Дружба народов СССР». Его создали по эскизу художников Г. Брусенцева и Г. Соснина умелые руки лучших ковровщиц республики.

Общий расцвет экономики и культуры нашего народа обусловил и невиданно быстрый рост туркменской литературы, являющейся во многом детищем Великого Октября. Глубоко осмысливая путь, пройденный туркменским народом в братской семье народов СССР, отображая нашу действительность в ее развитии, писатели черпают вдохновение в своей любви к народу, в горячей преданности партии.

Заслуженной популярностью пользуются книги Берды Кербабаева «Решающий шаг» и «Айсолтан из страны белого золота», Ата Каушутова «У подножья Копет-Дага» и «Семья охотника Кандыма». Широкий круг читателей находят повести и рассказы Нурмурада Сарыханова, Беки Сейтакова, Курбандурды Курбансахатова, а также поэзия Ата Салиха, Чары Аширова, Кара Сейтлиева, Тоушан Эсеновой, Анна Ковусова, пьесы Караджа Бурунова, Гусейна Мухтарова. Произведения наших писателей и поэтов издаются на родном языке массовыми тиражами. Многие из них известны за пределами республики — среди братских народов и в дружественных странах.

Наше молодое искусство, наша литература расцветают дружно и уверенно. Посланцы туркменского народа, представители большого отряда работников искусства и литературы республики едут в Москву с большим воодушевлением. Нет сомнения в том, что их встречи с выдающимися мастерами искусств столицы, критические замечания друзей, товарищеская помощь будут способствовать новому творческому росту нашего национального искусства и нашей литературы.

Сцена из спектакля «Отелло» В. Шекспира в Туркменском государственном драматическом театре имени И. В. Сталина. Отелло — народный артист СССР Аман Кульмамедов, Дездемона — Фахрия Алиева.

Поэты Советской Туркмении

Соловей

Аллаберды ХАИДОВ

Над пиалами пар струится...
Отец и сын вдвоем сидят.
— Отец, я слышал пенье птицы,
Когда входил сегодня в сад.
Уснул я только ночью поздней:
Не мог забыть, как средь ветвей,
За виноградником колхозным,
Свистел и щелкал соловей.
О чем он пел! О дальних странах!
О ярких сказочных цветах!
Или о синих океанах,
Что повидал я лишь в мечтах!
— О нет, мой сын, он пел о крае,
Где раньше не было воды
И где большие урожаи
Теперь приносят нам сады.
Он пел о том колхозном поле,
Где хлопок мы растим сейчас,
Он пел о вашей новой школе,
Он песни пел, сынок, про нас.
Взгляни, сады одеты цветом,
Блестит вдали асфальт дорог,
И птицы, видя все, об этом
Не петь не могут, мой сынок!

Перевел Б. КЛИМЫЧЕВ.

Дружба

Ш. БОРДЖАКОВ

Я приехал учиться
из города предков моих,
Что у Каспия высится,
из года в год вырастая.

Он приехал в Москву
из далеких провинций своих,
Из кующего новую жизнь
молодого Китая.

Сколько б мы ни старались,
на первых порах нам — увы! —
Объяснить было трудно
движение сердца любое.

...Шли недели и месяцы,
жили мы жизнью Москвы.
И язык наш стал общим,
понятным и близким обоим.

Мы на том языке
повторяли, скандируя, хором
Дорогие для каждого сердца
простые слова...

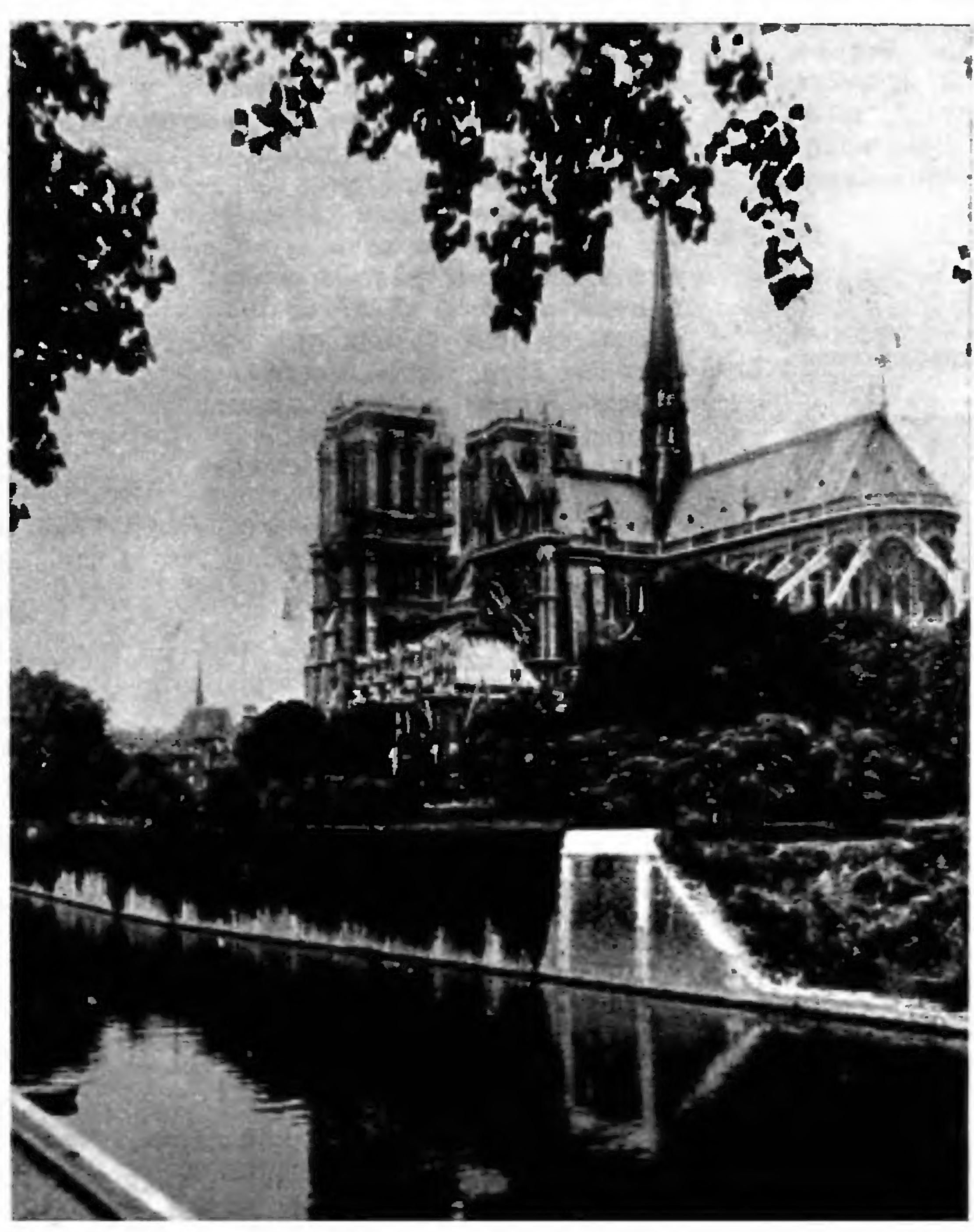
То был русский язык,
тот язык, говорили которым
Ленин, Сталин, друзья их,
чья правда навеки жива.

— Знаешь, не удивляйся, —
сказал мне студент из Китая, —
И пойми необычную
исповедь эту мою:

На советской земле
иностранцем себя я считаю
В очень редкие дни,
когда паспорт лишь свой достаю.

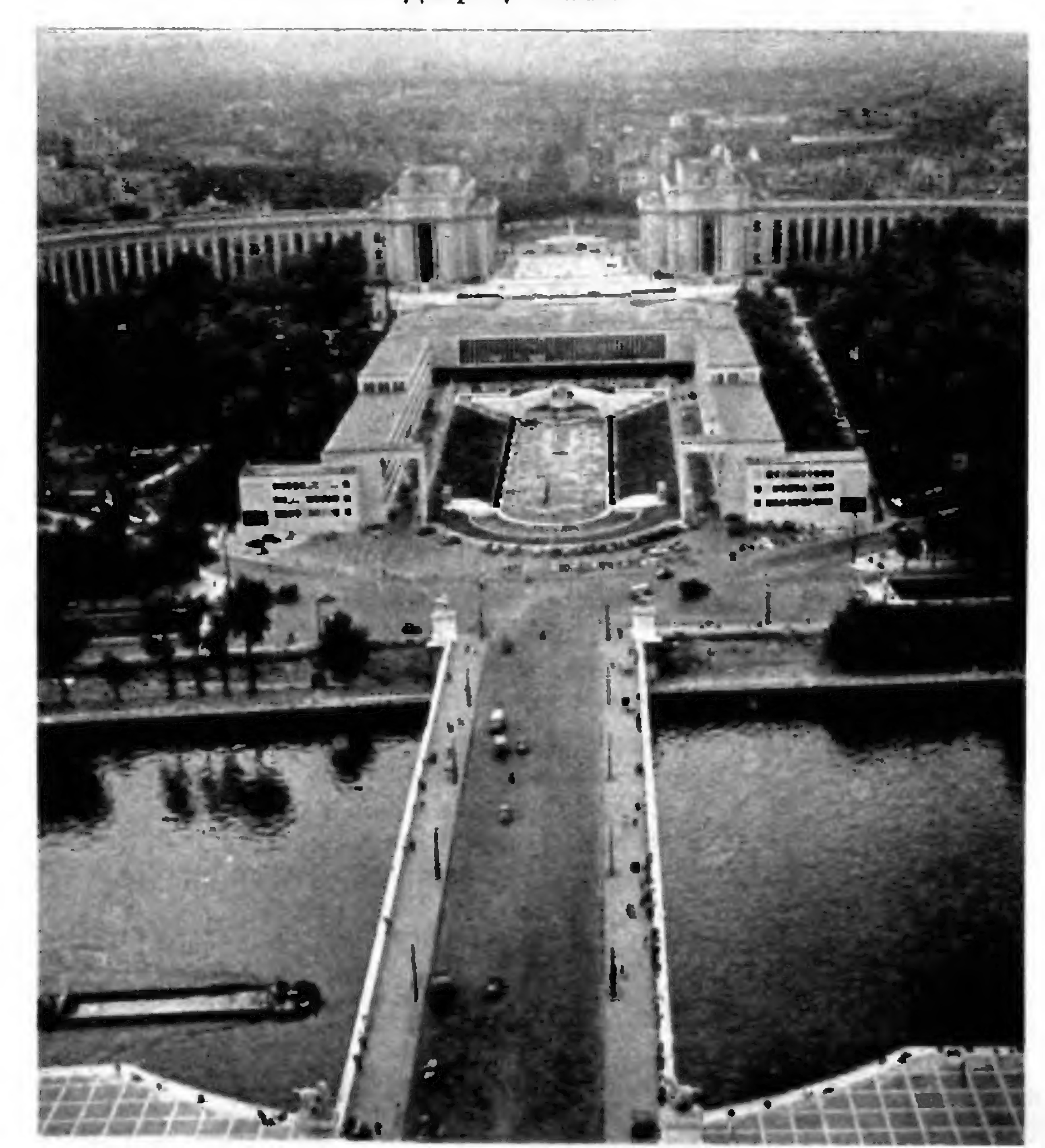
Перевел Ю. ГОРДИЕНКО.

Улицы Парижа

Собор Парижской богоматери.

Дворец Шайо.

Много книг написано о столице Франции. О ней писали Бальзак и Гюго, Золя и Мопассан, Анатоль Франс; не только французы, но и англичане, американцы, немцы и русские...

Заслуженное восхищение вызывает одаренность народа-созидателя, его вкус, его умение украсить свою столицу величественными, монументальными зданиями и вместе с тем сохранить уют, милое своеобразие. Великолепные широкие авеню, сходящиеся лучами к площади Звезды, и тесные улички, взбирающиеся на Монмартрский холм; огромная площадь Согласия и где-нибудь вдали маленькая площадка, окруженная столетними домами с мансардами.

Обыкновенно с городом знакомишься с какой-нибудь высокой его точки. Отсюда можно получить общее впечатление. Париж открывается с высоты трехсотметровой Эйфелевой башни, с Монмартрского холма, с башен Собора Парижской богоматери, прославленного в романе Виктора Гюго.

Что прежде всего поражает нас в этом городе, когда видишь его с высоты? Особый, мягкий, пепельно-серый колорит его аспидных кровель, почти сиреневый цвет неба, особенно на закате. Среди невысоких домов с мансардами поднимаются громады знаменитых зданий: «Отель де Вилль» — Ратуша, купол Дома инвалидов, который Наполеон приказал позолотить после того, как увидел купола древних московских соборов, башня Сен-Жак, гигантский прямоугольник Луврского музея, Триумфальная арка — к ней сходятся двенадцать улиц, — зеленая даль Булонского леса, Сена, разрезающая огромный город, удаляющиеся в перспективу ее мосты.

Гость из-за границы, знакомясь с Парижем, почти всегда вспоминает своих соотечественников, жизнь которых как-то была связана со столицей Франции. Люди нашей страны считают долгом побывать на улице Мари-Роз, в скромной квартирке, где жил и работал Владимир Ильич Ленин, в парке Мон-Сури, где в тени платанов он любил сидеть с книгой.

Здесь, в Париже, вспоминаешь многое для нас дорогое, близкое: Гоголя, Белинского, Герцена, Тургенева; вспоминается рассказ, который мне пришлось услышать из уст Ильи Ефимовича Репина, рассказ о том, как вокруг серебряного самовара (подарок русских почитателей) у знаменитой певицы Полины Виардо собирались Флобер, Мопассан, Золя, Тургенев, Репин. Неразрывными нитями связана передовая культура великих народов.

Русских художников привлекал Париж не только сокровищами Лувра, не только творениями Давида, Делакруа и творениями барбизонцев, импрессионистов, затем Матисса, Гогэна, Ван-Гога и Пикассо, но атмосферой творчества, которой проникнут этот город ученых, писателей, музыкантов, художников. Париж замечателен и тем, что он принимает и искренне восхищается тем, что приходит к нему из-за рубежа, если это действительно талантливо и своеобразно. В молодости мы видели триумф русского оперного искусства на берегах Сены, триумф Шаляпина в «Борисе Годунове», русского балета, в наше время — триумф молодых и зрелых советских музыкантов-исполнителей, успех Петрова в том же «Борисе Годунове».

Главное сокровище Парижа — парижане с их жизнерадостностью, юмором, темпераментом, свободолюбием. Этот мирный, трудолюбивый, гостеприимный народ сохранил мужественный дух своих предков — участников трех революций. Этот народ поднялся вместе со всей Францией на борьбу с немецкими фашистами в трагические годы второй мировой войны. Этот народ борется против войны в напряженные дни мира...

Прекрасен Париж в ранние утренние часы, когда город еще спит, когда одинокий велосипедист, не торопясь, пересекает просторы улиц и площадей за два часа до того, как эти улицы заполнят лавины автомобилей. Но не везде такая идиллическая тишина в этот ранний час утра. У Центрального рынка уже кипит жизнь, улицы вокруг рынка загромождены ящиками с зеленью, фруктами, овощами, грохочут грузовики, звонко переклинаются продавцы и продавщицы, появились первые покупатели: старые парижане предпочитают побывать на рынке в ранний час.

День в разгаре. На левом берегу Сены, в Латинском квартале, на языках многих стран переговариваются студенты, в Люксембургском саду детвора пускает кораблики в обширном водоеме фонтана, на Монмартре художники в сотый раз рисуют один и тот же уголок, лестницу, ведущую к вершине холма.

На набережных у ларьков букинистов, выстроившихся чуть не на километр, бродят заезжие собиратели книг и гравюр в мечтах о том, что среди пыльных фолиантов они найдут редчайшее издание, которым можно будет похвастаться на родине.

В часы завтрака и обеда улицы Парижа пустеют, в рабочих предместьях трудящийся народ с аппетитом поглощает скромную пищу в маленьких дешевых ресторанчиках и кафе; в дорогих ресторанах богатые гости Парижа пробуют деликатесы прославленной французской кухни.

Незаметно подкрадывается вечер, зажигаются огни тысяч реклам, открываются двери театров, вспыхивает световая феерия разноцветных неоновых огней на Елисейских полях. На террасах кафе люди сидят лицом к улице, потому что улица, прохожие представляют сами по себе разнообразное, пестрое зрелище.

Париж прекрасен в первые весенние дни, когда на улицах продают фиалки; он красив и золотой осенью, когда осыпаются листья в Булонском лесу.

Тот, кто видел Париж в суровые, грозные дни войны, когда траурная тень легла на город, когда в глазах женщин Парижа, с их грацией и ласковой прелестью, были печаль и страх, тот понимает, как умеют ценить мир жители этого города, видевшие много горя, перенесшие столько испытаний.

Люди нашей страны, строящей новую жизнь, знающие, что такое война, ценят и любят прекрасную столицу французского народа в ее мирном, жизнерадостном облике. «Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли — Москва», — писал Маяковский. «Земля Москва» умеет ценить и почитать прекрасную столицу Франции, детище французского народа.

Л. НИКУЛИН

Фото А. НОВИКОВА.

Вечером на Елисейских полях.

Набережная Сены. Уголок букинистов.

ПАРИЖ

Фото А. Новикова.

Художники на Монмартре.

В Люксембургском саду.

ПАРИЖ

В кафе на площади Оперы.

На рынке цветов.

ТРУДНАЯ ПРОФЕССИЯ

Рассказ

Андрей МЕРКУЛОВ

Рисунки В. Высоцкого.

Василий помнил, что ушел он на войну из этого дома озорным рабочим парнем: любил он тогда с гармошкой посидеть вечером во дворе с девчонками; школы не кончил; пошел на завод подсобным рабочим; жил весело, не оглядываясь, не думая о том, что будет завтра. Вернулся через много лет в опустевшую комнату на четвертом этаже. Мать умерла, в комнате было пыльно и пусто. И сам Василий стал не таким, как был: неторопливы, медленны были все его движения, говорил уверенно, не спеша, знал себе цену. Чисто, по-солдатски, прибрал в своей комнате, долго смотрел на выцветшую карточку матери — последний раз видал ее в 1943 году, когда два дня был проездом. Надел гимнастерку с медалями и орденами. Перед разбитым зеркалом причесал светлые волосы, подкрутил лихие усы. Посмотрел на себя в зеркало: вернулся с войны не парень Васька-большой, а сержант Василий Плотников, степенный мужчина. Жизнь приучила ко всему. Всю войну прослужил он в саперах.

Нюрка в то время, когда Василий уходил на войну, была совсем еще девчонкой. Василий помнил ее еще такой, когда она сама себе нос вытирать не умела, а перед войной была она козлоногим подростком, прыгала с девчонками через веревку; чтобы обращать на нее внимание,— до этого она еще не доросла.

В первый вечер, когда вернулся из армии, вышел Василий во двор и сел на скамейке. Собрался вокруг народ. Подсели к нему бабы, старухи, пришел инвалид Женька Заслонов на одном костыле, сгрудились вокруг скамейки ребятишки. Подошли еще два фронтовика, начались разговоры: где служил и что теперь думаешь делать? Вот тогда и заметил Василий Нюру. Сидела она со всеми и слушала разговоры. Василий огляделся и ахнул про себя: неужели Нюрка? Выросла она тонкой и быстрой; темные глаза с мягкой и теплой глубиной; вокруг похорошевшего, как в весеннем цвету, лица — тяжелые темные косы. Кофточка была узкой, видно, не успела еще перешить. Не отрываясь, смотрела она на Василия, слушала его рассказы, подняв стрелками удивленные брови,— и не удержался Василий, чтобы немного не прихвастнуть. И только потом досадливо сморщился: стыдно стало перед ребятами-фронтовиками... Но фронтовики ухом не повели, смотрели одобрительно: ври себе, служивый, пока девки и бабы слушают; правды всей про войну все равно не скажешь, она и так понятна, без слов. На тех же бабьих лицах слезами была она написана... Рассказывал Василий, как лихо наводили они мост через Хопер, но ничего не сказал о том, как однажды ночью по пустынному ровному полю ползли, прижимая голову к земле, когда взмахивал косым лучом прожектор; ползли в гимнастерках, липких на спине от страха, очищали поле от мин, открывая дорогу своей пехоте...

Стемнело, когда Василий кончил свои рассказы; закурили цыгарки, скрученные из привычной солдатской махорки в желтых пачках, сыпали на землю искры. Тогда только встал солдат, звякнув медалями, и пошли они с друзьями-фронтовиками и инвалидом Женькой за ворота через улицу. А бабы вздохнули вслед: чего только не натерпелся человек на войне!

Вечером пришел домой Василий, а комната пустая. Мать не подойдет, одеяло не поправит. Да и отвык от этого. До сих пор он все жил в шуме, среди народа в своей роте или в знакомой бегучей сутолоке солдатского эшелона. А тут, в комнате, тихо. Ходики проклятые так заросли пылью, что маятник с места не сдвинешь. Надо бы их промыть в керосине. Сел Василий на подоконник и все курил до рассвета, пока небо не просветлело. Спать ему не хотелось.

Утром вышел во двор и увидел Нюру. Она около лестницы собралась колоть дрова.

— Давай помогу,— сказал Василий. Она засмущалась, но отдала топор.

С той поры пошла у них любовь, да такая крепкая, что вскоре Нюра, не спросив никого, вышла за Василия замуж. Все заслонил ей с тех пор ладный и крепкий солдат со светлыми подкрученными усами. Василий был сильный, с охочими до работы руками. Привел он в порядок свою комнату, сам покрасил, подправил рамы на окнах; стали они жить. Жили мирно. Соседи завидовали такому житью. Василий Нюру любил: придет с работы, возьмет на руки, она не знает, как от него отбиться. Был он спокойный, смирный. Больше всего любил детей. На двор после получки приходил с дешевыми конфетами в кульке, раздавал конфеты, разбирал запутанные ребячьи ссоры. Нюра о нем заботилась: и шила ему, и стирала, и стряпала, а если пьяный из гостей придет, спать уложит. Родился у них ребенок — девочка. Со вторым ребенком решили подождать, чтобы Нюра смогла курсы кончить.

Не любила только Нюра его профессию. Иногда придет после дежурства подпаленный с пожара, в ссадинах. Такой страх рассказывает, что Нюра потом долго не спит, жалеет его.

Профессию Василий после войны выбирал недолго: как только отгулял положенный отпуск, свадьбу с Нюрой сыграли, так сразу же пошел в райвоенкомат посоветоваться насчет работы.

— Вы в саперных войсках служили. Умеете лазить быстро, топором работать... Огонь тушить приходилось?— спросил у него майор в военкомате.— Нам нужно направить фронтовиков бойцами пожарной охраны. Дело серьезное, опасное. Немирная работа в мирное время. Подумайте.

Василий нахмурился, вспомнил.

— Как же, огонь тушить приходилось. Давайте я пойду, мне не привыкать,— сказал он.

За время работы в пожарной дружине получил Василий грамоту и путевку в санаторий — в премию. Грамоту они на стенке повесили, а из санатория Василий сбежал, вернулся праздновать День Победы домой, к Нюре. Курсы свои она кончила, и с тех пор мечтали они иметь еще одного ребенка — обязательно мальчика.

Когда Нюра снова собралась родить, отвел ее Василий в родильный дом. Теперь он был уже опытный отец и снисходительно посматривал на неопытных, которые прибегали в родильный дом взлохмаченные, растерянные. Даже не знали, какие гостинцы можно передавать и в какое время; суетились по комнате, места себе не находили. Василий, как опытный человек, сразу подошел к доске, где были вывешены ярлычки с фамилиями и номерами коек рожениц. Белые — у тех, кто еще не родил, розовые — кто родил девочку, голубые — если мальчика. Василий посмотрел — нет, не родила еще Нюра. На всякий

случай дождался, спросил у нянечки. Передал гостинцы, пошел домой. На другой день опять ничего не было. На третий день пришлось ему дежурить, и думал он, что как раз в этот день Нюра обязательно должна родить.

Они сидели в своей дежурной комнате и играли в шашки.

— Ну как, Василь Петрович, нынче прибавление будет?—спросил у Плотникова приятель, немолодой уже пожарный Садовников.

— Да кто ж его знает.

— А кого ждете?

— Доктор обещал мальчика. Да вот задержалась она что-то. Третий день. В первый раз она в тот же день родила.

— Ну, сегодня как раз родит.

— Я тоже так думаю,— сказал Василий.

Ему было беспокойно, жалко Нюру. «Может, неладно что,— думал он.— Что-то она задержалась. Как бы плохо с ней не было, всякое бывает. Я вот тут в шашки играю, а она мучается. Так уж женщина устроена, тут ничем не поможешь»,— думал он.

— Ты ведь любишь детишек?— спросил приятель.

— А как же? От них самая радость. Если бы не нюрины курсы, их бы у нас трое уже было. Но мы подождали, надо было все же женщину поучить...— важно сказал Василий.

Вдруг раздался сигнал тревоги. В несколько секунд все были на дворе, вскочили в машину. Василию, несмотря на опасность, нравился весь этот стремительный уклад, напоминавший привычную военную жизнь — как у танкистов, когда внезапно скомандуют: «По машинам!»

С бешеным воем сирены машина прошла по улицам. Круто развернулась поперек движения на перекрестке, пока все застыло, пропуская пожарных. У большого пятиэтажного дома в широком переулке сгрудилась толпа. Огонь был виден из окон пятого этажа. С вызовом запоздали, пламя длинными языками вилось уже из окон квартиры, цеплялось за крышу. На лестничной клетке из раскрытых дверей брошенной в панике квартиры вырвался огонь и захватил стены: горела краска на стенах, нельзя было подойти. Василий был около рукава на улице, и ему видно было пламя, плескавшееся из окон, и дым, уже просачивавшийся из окон соседней квартиры. Вдруг на улице раздался крик: женщина в пальто, уронив сумку с покупками, билась о мостовую. В толпе зашумели, задвигались.

— Ребенка забыли. В той квартире ребенок заперт... Девочку забыли... Там уже дым виден, того и гляди, загорится,— говорили в толпе.— А лестница-то в огне, не пройдешь! Ах ты, батюшки! Мать пришла с базара, а в доме — пожар, страх-то какой. Бедная, она уж и себя не помнит...

Василий посмотрел вверх— дым начинал выползать из окон квартиры, где остался ребенок. Страшно было подумать, что будет, если не успеют. Командир нервничал, смотрел на часы: ждали машину с большой раздвижной лестницей, а ее все не было.

— Разрешите, я попробую,— сказал Василий, подходя к командиру.

— Как доберешься? Тут ничего не сделаешь.

— Я из соседней квартиры, с другой лестничной клетки. По карнизу.

— Иди, если хочешь. Может быть, уже поздно: задохлась в дыму. Смотри, только сам будь осторожней, Плотников! — быстро сказал ему командир.

Он посмотрел наверх. Дело было почти безнадежное. Приходилось рисковать хорошим бойцом. Может быть, сейчас подойдет машина.

Взяв с собой двух бойцов, Василий быстро взбежал по лестнице. Квартира на верхнем этаже оказалась закрытой, вещи были вынесены — валялись на лестничной клетке, но дверь впопыхах захлопнули снова. «Чудные бывают люди, совсем теряют голову в трудное время»,— подумал Василий. За ключом ходить было некогда, они быстро сломали дверь, вошли. В последней комнате Василий подошел к окну и открыл его: внизу была большая толпа народа, и там же стояли машины яркокрасного цвета, но все это было видно, как бывает с пятого этажа. Василий с минуту стоял в окне и смотрел на карниз — он был шириной в подошву — почти невозможное дело. И все-таки он ступил на карниз, все еще держась за окно: было очень трудно сразу отпустить это окно и больше уже ни за что не держаться. Садовников, который был вместе с ним, перекрестил его — пожилой уже человек, он был единственный верующий в их команде. Василий рассчитывал только на себя, он знал, что бог по карнизу не проведет, надо самому пройти.

Пройти надо было десять метров вдоль глухой стены. Встав на карниз, Василий медленно двинулся вдоль этой глухой стены. Вниз смотреть было нельзя, но он знал, что внизу стоит толпа и все смотрят на него и все молчат. Сам он видел перед собой только кирпичную стену; никогда он еще не видел кирпичной стены так хорошо; он замечал в ней каждую выбоину, каждый паз между кирпичами, промазанный сероватым раствором, давно уже высохшим, покрытым набившейся в щели уличной пылью... Он очень хорошо видел эту стену, и ему казалось, что ни один кирпич в ней не похож на другой. Пройдя половину пути, он остановился отдохнуть, но сразу понял, что этого делать нельзя. И тогда он пошел дальше. Ногти, которыми он держался за стену, распластавшись на ней, давно уже были сорваны, из-под них шла кровь. В это время он вдруг почувствовал, как его со всего размаха внезапно хлестнули хлыстом по лицу — он покачнулся. Слепящая острая боль заставила его сразу вздрогнуть. А это было концом: ноги его на секунду, казалось, потеряли всякую опору. Так ему показалось, но он все же удержался, вися в воздухе почти на одних пальцах, вцепившихся в небольшую шероховатость стены. Он понял, что это была искра, ударившая его в щеку. Хорошо, что не в глаз. Через минуту он уже дошел до окна той квартиры, куда иначе нельзя было попасть. Взявшись крепко рукой за окно, он, наконец, почувствовал себя в безопасности. Окно открывалось внутрь. Он надел на руку толстую рукавицу и разбил его; потом отодвинул шпингалет и вскочил в комнату. В это время ему почудился вздох — он услышал, как вместе вздыхает много людей, сразу больше тысячи.

В этой комнате было совсем еще немного дыма, в других — больше. Василий обошел квартиру и не нашел девочку. Сквозь дверь было слышно, как на лестнице загудел пожар. Квартира была отдельная, из трех комнат, с кухней. Он обыскал ее всю. В комнате, где жила девочка, стояла кроватка и столик с игрушками, но ее нигде не было. Вдруг в той первой комнате, куда он вскочил через окно, он заметил, как что-то шевельнулось за длинной занавеской. Он поднял занавеску и увидел девочку лет пяти, с большими черными глазами, а может быть, они стали теперь только такими большими. В глазах ее был бездонный детский страх. Но детский страх проходит быстро.

Она с любопытством потрогала пуговицы на куртке Василия.

— Мы теперь с тобой вместе будем вылезать?— спросила она.

— Конечно, вместе,— сказал Василий и почувствовал, что ему хочется заплакать. Он быстро нагнулся и поцеловал девочку. Потом взял ее на руки, привязал себя к батарее под окном веревкой, другой конец которой был прикреплен к поясу. Спустившись с ребенком на руках этажом ниже, он через окно вошел в другую квартиру и оттуда сбежал по лестнице вместе с девочкой.

Внизу, у выхода, его ждали. Мать девочки стояла около парадного, и ее держали за руки, потому что она все хотела бежать в огонь. Он отдал ей ребенка, и она даже не посмотрела на Василия, только схватила свою девочку.

Одна рука у девочки была в крови.

— Что с ней?— спросила мать.

— Это ничего, это у меня из ногтей кровь идет,— смущенно сказал Василий.

Василий пошел к своему рукаву, около которого должен был находиться по боевому расписанию. Потом его послали во двор, потому что пожар все еще разрастался. Приехала машина с лестницей. Василий работал брандспойтом, стоя на лестнице во дворе. Дым из окна слепил ему глаза, пламя жгло все тело сквозь комбинезон, и было все еще очень трудно. Вскоре пожар начал стихать.

В это время мать спасенного им ребенка опомнилась и стала искать Василия, но она его нигде не могла найти. «Мы тут все одинаковые, выбирай любого»,— смеялись пожарные. Они все были очень похожи в своих серых брезентовых комбинезонах и круглых касках, выкрашенных в темнозеленый цвет. Только у командира каска ярко блестела, как хромированные части автомашины. Мать ребенка подошла к нему. Он сказал ей фамилию Василия, потом пошарил по карманам и подарил девочке никелированный портсигар. Девочка на все смотрела с любопытством. Ей теперь было очень весело.

Когда они вернулись с пожара и кончилось дежурство, Василий забежал домой умыться и переодеться, а потом заторопился к Нюре. По дороге он очень волновался. В родильном доме он подошел к доске с табличками и не нашел нюриной таблички среди еще неродивших. Он посмотрел тогда на таблички лежавших с осложнениями — это было бы очень плохо, но Нюры здесь тоже не было. Потом он посмотрел розовые таблички девочек — здесь тоже не было. Еще не веря себе, он посмотрел на голубые таблички мальчиков — здесь Нюра была, и был указан вес: 3 800. Это был совсем здоровенный парень. Ясно, что Нюра сразу не могла его родить. Василий даже вспотел от радости. Он передал ей гостинцы и записку, где было написано: «Дорогая жена моя Нюра, ты теперь только скорей поправляйся и выходи домой, а я тебя

буду любить еще больше. Твой муж Василий Плотников».

Василий был свободен от работы на следующий день, и у него родился сын, поэтому он купил пол-литра и пошел к соседу по квартире. Степан, его сосед, работал слесарем на заводе. У него тоже назавтра приходился свободный день. Это было очень удачное совпадение. Жена у Степана была хорошая и добрая женщина. Она дружила с Нюрой и теперь взяла к себе их Танюшку, потому что Василий во время работы не мог присматривать сам за дочкой. Когда они сели за стол, дочка Танюшка сначала обняла его за сапог, а потом вовсе забралась к нему на колени. Он дазно обещал ей купить лошадку, и теперь она решила, что настала минута напомнить об этом.

— Папка, что ты мне скоро принесешь?— спросила она.

— Я тебе скоро братика принесу. Вот придет мамка домой, и с ней приедет к тебе братик. Ты хочешь братика?— Василий ласково гладил ее по голове, не замечая, что рукавом попал в горчицу.

— Принеси его поскорей,— сказала Танюшка.— Только ты игрушки всегда мне первой покупай.

Василий вспомнил, что произошло на пожаре, и ему захотелось сказать об этом.

— Трудное у меня дежурство было,— сказал он.— Немного брови пожгло, ногти вот поломал...

Сказать обо всем подробней он постеснялся.

— Тяжелая твоя работа, Вася. Как на войне,— сказал сочувственно слесарь.

Он пригорюнился и печально посмотрел на Василия.

На другой день, когда Василий приехал за Нюрой в родильный дом, она вынесла ему сына и посмотрела на него так, что он обнял ее и поцеловал при всех. Потом она спросила:

— А что у тебя с бровями? И руки у тебя какие-то побитые. Опять на пожаре был?

— Было тут одно дело. Теперь уже все кончилось. Руки скоро пройдут,— сказал он, не желая ее расстраивать.

Но Нюра все равно скоро узнала, потому что однажды пришла женщина, чью девочку Василий вытащил из горящего дома. Она разыскала адрес и все хотела сделать подарок. Она говорила, что Анна Семеновна — так она называла все время Нюру — сама мать и должна понимать, что сделал ее муж, пожарный Василий Плотников.

— Ну, разрешите принести вам хотя бы куклу для вашей дочки? Мы с мужем были на работе в Германии и привезли оттуда хорошую куклу, большую куклу с закрывающимися глазами. Может ведь в конце концов моя дочка подарить вашей дочке куклу?

Тогда Танюшка дернула Нюру сзади за подол и сказала сердито:

— Ты, мама, бери скорей эту куклу, пока они совсем не передумали.

— А тебя тут не спрашивают,— сказала Нюра, но против куклы уже не стала спорить.

Куклу принесли, и Танюшка сразу молча потащила ее в свой угол, еще не очень убежденная в том, что кукла принадлежит ей окончательно.

За спасение ребенка Василия Плотникова наградили орденом.

Когда Василия спросили, как он спас ребенка,— страшно ведь было,— он сказал:

— Я детишек очень люблю, меня они во дворе все знают. Придешь с работы — они соберутся, дядей Васей зовут... Я оттого в пожарные пошел, что меня в райвоенкомате, когда направляли на работу, спросили, приходилось ли огонь тушить. А я вспомнил, как в войну мы школу тушили, где дети остались. Я тогда на всю жизнь наслушался, как они кричат. Я совсем переносить не могу, если ребенок в огне остался. Такое наше дело: если надо через огонь идти, значит, идешь через огонь...

Музыкальная школа взрослых

Виктор Птицин занимается по классу фортепиано.

Фото Б. Уткина.

По вечерам в этот угловой дом в небольшом переулке в Ленинграде входят люди с нотными папками, скрипками, фаготами, баянами, тромбонами. Они спешат на занятия в музыкальную школу для взрослых имени Н. А. Римского-Корсакова. Среди ее учащихся — обувщики и токари, штукатуры и механики, инженеры и врачи — люди самых различных профессий.

Музыкальная школа взрослых возникла в суровый 1919 год. Немало известных музыкантов получили здесь первую подготовку.

Сейчас в школе взрослых тысяча учащихся. Расписание составлено так, что заниматься можно утром, днем и вечером. Занятия ведут около ста педагогов. Вот в учебном классе у рояля Виктор Птицин — сын молотобойца и ткачихи, рабочий Кировского завода. Его руки привычно скользят по клавишам. После урока Виктор поедет прямо на завод: он сегодня работает в ночную смену. До поступления в музыкальную школу взрослых Птицин три года пел в заводском хоре, учился играть на пианино. На вопрос: «Какой имеете инструмент?» — в анкете рабочего дан ответ: «Рояль».

Зайдем в класс, откуда доносятся звуки трубы. У пюпитра стоит паровозный машинист Валентин Алексеевич Андреев. Два часа назад он еще был на паровозе, привел поезд из Выборга. Когда Валентин Алексеевич отправляется в рейс, начальник депо в шутку говорит: «Андреев не подведет, во-время доставит поезд: ему надо поспеть на занятия».

В этой школе нет звонков. Студенты появляются в классах бесшумно, и, если преподаватель занят, они садятся и ожидают. Но так редко бывает. Каждый приходит точно по расписанию.

Вот в класс гитары входит рабочий картонажной фабрики Дмитрий Крылов. Он раскрывает ноты и берет в руки гитару:

— Менуэт Баха!

— Послушаем,— говорит педагог Петр Иванович Исаков и, склонив набок седовласую голову, выжидательно смотрит на ученика. Исаков — один из старейших преподавателей музыкальной школы взрослых. Он аккомпанировал на гитаре выдающимся русским певцам — Шаляпину, Собинову, Фигнеру, выступал в концертах, ансамблях, руководил самодеятельностью. Полвека отдал любимому искусству Петр Иванович.

В большом зале в несколько рядов уселись девяносто баянистов. Руководитель класса Павел Иванович Смирнов начинает занятия. Исполняются произведения Мусоргского, Листа, Хачатуряна. В этом ансамбле — люди разных профессий и возрастов. Мы познакомились с одним из баянистов — Николаем Никандровым, обувщиком с фабрики № 2 «Пролетарская победа». Он начал, как и многие, с самодеятельного коллектива, а теперь продолжает совершенствовать свое мастерство в школе.

В других классах занимаются скрипачи, певцы, слышны звуки тромбонов, фаготов, домр, балалаек, флейт.

К. ЧЕРЕВКОВ

Экзамен на признание выдержан

Председатель колхоза «Память Ильича» Степан Лукич Махлай начал знакомить нас со своим хозяйством с самого нового — с той культуры, которая в нынешнем году, как он сказал, держит экзамен на народное признание.

Кукурузу раньше здесь не сеяли. Ее считали южным растением, производство которого в этих местах якобы нецелесообразно. Уже минувший год показал полную несостоятельность этих доводов. Тогда в артели «Память Ильича» Слуцкого района впервые посеяли кукурузу на нескольких гектарах. Ценная кормовая культура дала богатый урожай початков и зеленой массы.

В текущем году кукурузные плантации в колхозе расширились до 120 гектаров. А погода выдалась капризная. Весна была холодная, потом зачастили ливни, кукурузные поля были так повреждены, что кое-где пришлось сеять заново. Затем наступили засушливые дни. Только теплая, с умеренными осадками осень поддержала нынче сельских тружеников. И ни одна культура не воспользовалась этой скупой лаской природы так, как кукуруза.

Самые скромные подсчеты показывают, что колхоз с каждого гектара получит в среднем восемь тонн початков и тридцать тонн зеленой массы. А на отдельных участках, как, например, на шести гектарах комсомольско-молодежного звена Тамары Новик, будет собрано около ста тонн початков и 360 тонн зеленой массы.

То, что произошло в колхозе «Память Ильича», характерно для многих районов Белоруссии. Кукурузы в республике посеяно в шесть раз больше прошлогоднего. И там, где за ней прилежно ухаживали, она дала хороший урожай даже в нынешнем, неблагоприятном для нее году.

В. ПОНОМАРЕВ

Звеньевая Тамара Новик, Степан Лукич Махлай и колхозница Евгения Туровец осматривают кукурузу перед уборкой.

ПИСЬМО ИЗ АНГЛИИ

Моника **ФЕЛТОН**,
лауреат международной Сталинской премии

После окончания Конгресса матерей в Лозанне я провела четыре замечательные недели в Москве, встречаясь со старыми друзьями, знакомясь с новыми, наблюдая, как изменилась жизнь советских людей со времени моего последнего визита в СССР три года тому назад. Эти впечатления меня очень ободрили. В особенности потому, что женевская встреча глав четырех великих держав послужила небывалому росту оптимизма у всех народов и, как мне кажется, побудила их к дискуссиям, которые рождают надежды на установление более прочного мира. Я разделяю эти надежды. Я знаю, что советский народ, так же как и простые люди Англии и любой другой страны, страстно желает мира, который был бы действительно прочным и продолжительным; но, зная также осторожную, а зачастую скептическую позицию, занимаемую многими кругами Британии до Женевы, я иногда задумывалась: не был ли чрезмерным оптимизм моих советских друзей и сможет ли в действительности совещание министров иностранных дел в октябре разрешить вопросы, поставленные в июле, достигнув практически исполнимых соглашений? Значительная часть проблем построения мира, как все мы понимаем, еще ждет своего разрешения, и это во многом будет зависеть от того, что будет сделано для улучшения международных отношений за время между июлем и октябрем и насколько настойчиво народы выразят свою волю.

Приблизительно в середине августа я вернулась в Англию, и мне не стоило большого труда убедиться, что Англия, в которую я возвратилась, во многом отличается от Англии, из которой я так недавно уезжала.

Во-первых, было еще лето, первое лето за многие годы. Есть старая английская шутка: «Лето? Лето было в прошлый вторник (или любой другой день, когда показывалось солнце), да я как раз работал в тот день, так что у меня в этом году лета не было».

Но в это удивительное лето 1955 года безоблачные дни следуют у нас один за другим, так что даже фермеры стали оптимистами, а горожане, планируя свой отдых, верят, что завтра будет, во всяком случае, так же хорошо, как сегодня, а возможно, и лучше. Наступил сентябрь, а чудо все еще продолжалось. Лица лондонских рабочих, теснящихся в автобусах и поездах метро, покрыты загаром, что в прошлые годы было особой привилегией богатых, имеющих возможность праздно провести месяц на французской Ривьере.

Может быть, все это звучит банально и не имеет прямого отношения к делу. И уж, конечно, этот необычный период ясной погоды не решит будущего человечества. Однако нельзя пройти мимо тех перемен, которые произошли в мировоззрении людей, усилив их активность. Доверие, достигнутое в Женеве, пролило яркий свет на повседневную жизнь, но в то же время оно породило опасную тенденцию предоставить будущее самому себе. Укреплять это доверие и в то же время помогать людям понять, что для успеха в октябре необходима всемерная мобилизация общественного мнения, — основная задача движения за мир в ближайшие недели.

В первый раз я столкнулась с новым настроением на следующее утро после возвращения в Лондон, когда зашла в маленькую книжную лавку, где ежедневно покупаю газеты. Владелец лавки, как и многие занимающие подобное положение,— консерватор, и время от времени мы с ним подружески спорим по разным политическим вопросам. На этот раз он встретил меня вопросом, где я провела свой отпуск. И когда услышал, что я только что вернулась из Москвы, его лицо просветлело. «А ведь русские действительно хотят мира, не так ли?» — спросил он, горя желанием из первых рук получить подтверждение всему тому, что недавно прочел. Я уверила его, что воля советских людей к миру не менее сильна, чем у жителей Британии, и рассказала кое-что из моих личных впечатлений. Он слушал с большим интересом, тщательно обдумывая все, что я говорила, а потом заметил: «Они были нам прекрасными друзьями во время войны, и я часто удивлялся, почему так случилось, что мы разошлись потом. Мне кажется, что основное сейчас — стать ближе друг к другу, чем мы были последнее время, и создать уверенность, что никогда не вернется подозрительность последних лет... Скажите, миссис Фелтон, а вы были на футбольном матче? О, как бы я хотел увидеть его!..»

Эта короткая беседа дала мне первое представление о том, как изменилось настроение среднего англичанина после Женевы. Воспоминания о борьбе против немецкого фашизма сохранились слишком живо, чтобы даже в годы наиболее ожесточенной «холодной войны» пассивно принимать политику, которая все больше и больше отдаляла английский народ от его советских союзников. Сталинград и другие великие битвы, которые помогли спасти человечество, не были забыты, хотя даже память о них кое-кто старался покрыть пеленой подозрительности и недоверия. Значительная доля этого недоверия — сейчас люди должны понять это — была результатом односторонней осведомленности в течение целых десяти лет, результатом того, что слишком мало была известна, как говорят англичане, «точка зрения коллеги».

Сейчас же повсюду широко распространено мнение, что дружба явится залогом познания и понимания друг друга.

Вот почему директивы, которые были даны в Женеве министрам иностранных дел для обсуждения в октябре, воспринимаются с таким удовлетворением.

К тому времени, когда эта статья будет напечатана, председатель Московского городского Совета, возможно, будет в Лондоне как гость мэра города, который сам посетил Москву в июле и чья похвала достижениям в строительстве и городском планировании Москвы стала широко известна после его возвращения.

Другие города собираются последовать примеру Ковентри, чья историческая связь со Сталинградом поддерживается обменом делегаций. В Гринвиче, восточном округе Лондона, уже проводится добровольный сбор средств среди жителей с целью обеспечить достойный прием советской делегации, которую хотят пригласить для ознакомления с муниципальными учреждениями. Уже послано приглашение из Бирмингама Городскому совету Свердловска.

Подобные настроения отражаются и значительной частью прессы, хотя далеко не всей. Позиция газет в отношении возможностей действительного урегулирования международных противоречий стала много теплее после «второй Женевы» — Международной конференции по мирному использованию атомной энергии. «Пикчер пост», наиболее популярный британский иллюстрированный еженедельник, выходящий тиражом в несколько миллионов экземпляров, с полным одобрением отмечает то, что барьеры засекреченности были наконец уничтожены учеными, и особо выделяет ту роль, которую сыграли в этом ученые-атомники Советского Союза. «Ньюс кроникл», ежедневная газета, поддерживающая либеральную партию, вслед за посещением советской сельскохозяйственной делегации Англии устроила конкурс среди читателей, главным призом которого будет поездка в СССР. Но, может быть, еще интереснее является цель этого конкурса: выяснить преобладающее мнение читателей газеты о том, что следовало бы показать маршалу Н. А. Булганину и Н. С. Хрущеву, когда они приедут в Англию следующей весной.

Совершенно невозможно переоценить ту глубокую радость, которую доставила почти всем кругам общественности перспектива этой поездки. Энтузиазм, с которым было встречено в парламенте сообщение Идена, уже известен. Широкие народные массы реагировали не менее тепло и искренне и постоянно выражают это в самых простых, повседневных делах.

Знакомый мне парикмахер из рабочего района Лондона рассказал любопытный случай. У него есть постоянная клиентка, пожилая женщина. В последний ее приход парикмахер спросил, ждать ли ее снова в конце года. И эта старая женщина, которая никогда раньше не выражала интереса к политике, неожиданно заявила: «Нет, я хочу экономить для того, чтобы в следующий раз сделать действительно хорошую завивку. Мне хотелось бы выглядеть как можно лучше, когда я выйду приветствовать маршала Булганина...»

Каждый понимает, что между осенью и весной может произойти много значительных событий, и можно полагать, что усилия людей доброй воли дадут положительные результаты. Однако было бы ошибкой считать, что добрая воля является универсальным средством: существуют еще — и это нельзя забывать — силы, которые недовольны последними событиями и которые угрожают, насколько это в их власти, восстановить атмосферу «холодной войны». Поэтому перед всеми, кто трудится над делом укрепления мира, стоит неотложная задача — сделать так, чтобы замыслы враждебных сил не оправдались.

Интересное предложение в этой связи было сделано недавно Эньюрином Бивеном в газете «Трибюн». Он предложил, чтобы на сокращение вооруженных сил в Советском Союзе Англия ответила бы тем же еще до октябрьского совещания в Женеве и чтобы одновременно «внести серьезные изменения в эмбарго» на торговлю с Пекином.

Организованное движение за мир в нашей стране усиленно готовится к октябрьскому Женевскому совещанию.

Наиболее важным для нас является, несомненно, массовое воздействие на членов парламента. Он собирается 25 октября, как раз накануне Совещания министров иностранных дел. Подготовка к этому дню будет проводиться в профсоюзах, в женских организациях, в церквах и среди различных общественных группировок, и мы надеемся, что новое отношение к миру, создавшееся в официальных кругах, обеспечит мирную и успешную демонстрацию. Главная опасность в ближайшем будущем, как я уже говорила,— это опасность самоуспокоения, а осознать опасность — уже значит сделать важный шаг, чтобы избежать ее.

Если атмосфера, установившаяся после Женевы, станет устойчивой, то дружба будет содействовать миру, и мир, в свою очередь, будет укреплять дружбу между английским и советским народами.

ПАТРИОТЫ МАЛЕНЬКОГО ГОРОДА

Николай **КРУЖКОВ**

Фото Ивана Великанова.

Александр Ефимович Дмитриев у памятников 1812 года.

Уж одно название города — Малоярославец — показывает, что он невелик. Но хоть и мал город, и река, на которой он стоит, носит неказистое название — Лужа, а есть в нем невыразимая чарующая прелесть. Улицы, заросшие травой, которую лениво пощипывают козы, сады, полные яблонь и вишен, чистенькие домики с резными наличниками, с неизменными лавочками у ворот, городской «сквер» с фонтаном, который, видимо, отродясь не работал,— на всем лежит печать какого-то добродушия. Уютно в Малоярославце. Особенно после шумного большого города, где все гремит и грохочет, где люди движутся бесконечными потоками.

Но маленький город этот стоит на больших путях. Мимо станции мчатся поезда с далекого юга и юго-запада; на вагонах надписи: «Москва — Кишинев», «Москва — Чоп», «Москва — Львов»; город, как саблей, перерезан гудронированным шоссе Москва—Брест, и потому тишина малоярославецкая обманчива: городок-то маленький, а кругом него и рядом с ним шумит большая жизнь. По шоссе мчатся отличные автобусы дальних маршрутов «Малоярославец— Калуга», «Малоярославец — Медынь». Можно сесть на автобус, и он исправно довезет вас до Калужской площади в Москве.

История этого городка полна бурных событий; не каждому крупному городу выпало на долю столько тревог, испытаний, пожарищ, нашествий, как Малоярославцу — калужскому городку, ставшему на рубеже двух областей: Московской и Калужской. Жгли его в войнах много раз, и возрождался он, как птица-феникс: враги уходили, поверженные в прах, а город жил и расцветал вновь.

До 1936 года стоял в городе обелиск — памятник, на котором красовалась горделивая надпись: «Малоярославец — предел нападения, начало бегства и гибели врага». Слова эти принадлежат Кутузову, поразившему французов именно в этом городе. Какой-то «деятель», возглавлявший в ту пору Малоярославецкий горсовет, приказал обелиск срыть. Хоть и нет теперь обелиска, но в памяти жителей этого славного городка и всех русских людей слова Михаила Илларионовича сохранились накрепко. Исконные жители малоярославецкие любят свой город, законно гордятся его историей и оберегают его старинную славу...

Живет в Малоярославце старый учитель Александр Ефимович Дмитриев. Вот уже 38 лет преподает он рисование и черчение в школах. Весь город знает этого хорошего и интереснейшего человека. Ходить с ним по Малоярославцу вместе — нелегкое дело: на каждом углу встречаются знакомые, которые непременно остановятся поговорить с ним — расспросить о том, о сем. Александра Ефимовича знают все, да и он знает всех. В холщовой блузе, в фуражке, низко надвинутой на глаза, с неизменной корявой палкой в руке, Александр Ефимович, буде вы заслужите его расположение, неутомимо поведет вас по всем закоулкам города и расскажет столько всякой всячины, что вы можете больше не обращаться к историческим справочникам. Александр Ефимович не историк по образованию своему, но он страстный патриот своего родного городка, влюблен в Малоярославец и его историю изучил досконально. С историческими персонажами даже весьма далекого прошлого Александр Ефимович обращается запросто, как с добрыми знакомыми:

— Вот в этом месте Владимир Андреевич заложил башню...

— Кто это Владимир Андреевич?— спрашиваете вы, полагая в простоте душевной, что речь идет о каком-нибудь руководителе коммунального хозяйства...

— Владимир Андреевич? Двоюродный брат Дмитрия Донского, серпуховской князь, доблестный участник Куликовской битвы,— отвечает Александр Ефимович, и в глазах его светится искреннее сожаление к своему собеседнику...

Уж на что мала речка Лужа, опоясывающая город с трех сторон, и уж, казалось бы, что в ней примечательного, а смотрите, какими нежными красками описывает ее Александр Ефимович Дмитриев на страницах местной газеты «Искра»:

«Нужно пройти по ее живописным берегам, проехать на лодке по ее неожиданным поворотам, среди привольно купающихся ветвей в журчащих струях, полюбоваться зарослями тростника, белоснежными лилиями и желтыми кувшинками, чтобы почувствовать всю поэтичность и красоту нашей природы».

Но если вы хотите затронуть самую чувствительную струну в душе Александра Ефимовича, то поговорите с ним о 1812 годе. Вы увидите, как загорятся глаза у старого учителя, с каким жаром он начнет объяснять, где какая русская батарея вела огонь по неприятелю, откуда пошла в стремительную атаку на город дивизия Дельзона, как малоярославец-

Уголок старого Малоярославца. У монастырской стены. Графика А. Е. Дмитриева.

Петр Николаевич Демидов за работой.

Александр Николаевич Пожарский готовится к занятиям кружка.

кий городничий Быковский вместе с другими гражданами сжигал мост через Лужу, как повытчик земского суда Савва Беляев разрушил плотину у мельницы («вот на том бугре») и хлынувшая вода приостановила наступление французов на целые сутки, как из-под Тарутина «маршем марш» бежали на выручку города доблестные войска корпуса Дохтурова и прямо с марша бросались в бой...

Старый учитель рассказывает вам все это, и увлажняются его глаза, и голос становится по-молодому звонким...

— Подумайте только: на целые сутки задержать Наполеона! И кто же это сделал? Савва Беляев — наш гражданин, вечная ему память, — говорит Александр Ефимович и добавляет: — У нас теперь школа имени Саввы Беляева, и памятник ему стоит у школы.

Памятник этот поставлен по инициативе и по настоянию Александра Ефимовича, о чем он по скромности своей умалчивает.

Школьницы Малоярославца у дуба, посаженного Петром I.

Впрочем, по его же инициативе поставлены памятники Радищеву, Кутузову и в скором времени будет поставлен памятник Дохтурову...

Любовь старого учителя к родному городу нашла свое выражение в том, что именно он стал во главе Малоярославецкого исторического музея 1812 года, восстановил его после фашистского нашествия и сейчас отдает ему все силы и думы, всю страсть своего сердца...

Музей разместился в небольшой часовенке, в нем всего только одна комната, но комната эта привлекает внимание тысяч людей. С мая по сентябрь нынешнего года Малоярославецкий музей посетило 16 тысяч человек; тут были и школьники, и крестьяне из ближайших сел, и гости из Москвы, и военные, и туристы из Франции и Америки...

У музея разбит небольшой садик, весь в цветах. Здесь можно посидеть, отдохнуть. Действительно, придешь сюда — и какая-то тишина, покой вселяются в душу, и невольно думы обращаются к прошлому; вглядываешься в дальние холмы, в синеющий лес и представляешь, как оттуда двигались на город солдаты в чужеземных мундирах, на маленький русский город, лежащий на перепутье больших дорог. И французы в 1812 году и гитлеровцы в 1941 году появились под городом со стороны Боровска, из того леса, где сейчас малоярославецкие ребятишки собирают грибы и ягоды.

На обрыве у старого кладбища мы присели с Александром Ефимовичем на поверженную каменную плиту, обозначившую место, где в 1828 году схоронен был безвестный «маёръ Самойла Самойловичъ Гунтъ» (как занесло сюда на малоярославецкую землю этого Гунта?!), и Александр Ефимович показал нам, где стоял Наполеон со своими маршалами, и бетонную долговременную огневую точку, откуда советские пулеметчики в 1941 году вели огонь по наступавшим гитлеровцам. Все здесь сплелось вместе, в этом городе-музее: и давнее прошлое и недавнее,— в городе, где сейчас каждый камень дышит миром, где сады полны плодов, где по вечерам на площадке городского сада гремит оркестр и молодежь танцует вальсы, польки и кадрили.

Энтузиазм всегда заразителен. Александр Ефимович Дмитриев, горячо любящий свой родной город и его славное прошлое, как-то невольно объединил вокруг себя целую группу патриотов Малоярославца. Вместе с ним они изучают историю города, ведут лекционную работу, стараются сделать свой Малоярославец краше и лучше...

Одним из таких болельщиков города является Петр Николаевич Демидов — воспитатель ученического общежития железнодорожной школы. Какая, спрашивается, сила заставляет этого молодого человека все свои свободные часы просиживать в музее, реставрировать экспонаты, копаться в сквере, чинить скамейки, сажать цветы?.. Только неиссякаемая любовь к своей родной стороне, к своему славному городу.

Некоему скульптору, фамилию его называть не будем, был заказан бюст Кутузова для памятника. Скульптор, начав работу, заказ не выполнил, бросил дело «на полдороге». Завершил работу Петр Николаевич Демидов. И, право, очень хорошо завершил!

Ободренный успехом, Петр Николаевич превратил сейчас свою скромную квартиру в некое подобие скульптурной мастерской: делает лепные украшения для ворот музея. Способный человек — Петр Николаевич, а главное, старательный. Руки у него хорошие, умелые; надо думать, что со своей работой он справится не хуже профессионального скульптора.

Два шкафа книг в комнате Демидова. И значительную часть его личной библиотеки занимают книги, посвященные истории 1812 года и, в частности, малоярославецкому сражению... Заработок воспитателя ученического общежития, можно догадаться, не очень велик. Но когда дело доходит до книг, волнующих сердце, денег, как известно, не жалеют.

Александр Ефимович Дмитриев очень дружит с Николаем Васильевичем Дмитриевым — своим учеником в давнем прошлом, а теперь заведующим железнодорожной библиотекой.

— Он и мальчишка был очень настырный,— говорит о своем ученике Александр Ефимович,— что захочет сделать, обязательно настоит на своем. И сейчас в нем эта черта осталась. Когда надо «пробить какой-нибудь вопрос», я пускаю вперед Николая Васильевича: у него хватка крепкая, а я человек тихий, да и годы мои уже немалые... Вместе действуем.

Николай Васильевич, рослый человек с копной рыжеватых седеющих волос, с загорелым лицом старого охотника, внешностью своей скорее напоминает военного, чем библиотечного работника. И голос у него зычный; с таким голосом командовать бы на плацу. Но страсть своей души Николай Васильевич вложил в книги. Неутомимо разъезжает он со своими передвижками по всем станциям и разъездам железнодорожного отделения и энергично сеет «разумное, доброе, вечное». Столь же энергично он помогает и Александру Ефимовичу, своему учителю, ибо оба они любят родной город.

У Николая Васильевича есть свой актив. Вот когда понадобилось к юбилею Кутузова привести в порядок сквер 1812 года, Николай Васильевич кликнул зычный «призыв», и дело закипело. Мастер прорабского пункта станции Малоярославец Шаршаков провел беседу со своими рабочими о жизни Кутузова, и рабочие Озеров, Кудинов, Борисов, Кубаткин во главе с бригадиром Бабышкиным за счет сэкономленных материалов соорудили в неурочное время садовые скамейки, поставили их в сквере, привели в порядок дорожки, цветники и тем самым внесли свой вклад в благоустройство родного города. Небольшое как будто дело, а хорошее!..

Александр Ефимович Дмитриев, конечно, не остался в долгу: он прочитал железнодорожникам лекцию о прошлом Малоярославца. Как же еще он мог выразить свою признательность? «Чем богаты — тем и рады».

На тишайшей уличке, где раздолье курам и козам, стоит домик с садом. Золотая китайка в этом году дала несметный урожай: в домике, кажется, все пропахло яблоками. В этом домике, охраняемом с двух сторон не столько свирепыми, сколь горластыми собаками, живут известный нам Александр Ефимович Дмитриев и его сосед Александр Николаевич Пожарский, человек также в высшей степени примечательный.

Как и Александра Ефимовича, его знают все. И не только в городе, но и в селах.

Александр Николаевич руководит художественной самодеятельностью в Малоярославецком районном доме культуры вот уже более 20 лет. Сколько способных, талантливых людей вырастил этот неутомимый человек, энтузиаст культурно-просветительной работы! Сам незаурядный музыкант, он создал отличный оркестр народных инструментов, еще до войны с успехом выступил с ним на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, а с малоярославецким народным хором — в Колонном зале московского Дома Союзов.

В села района часто выезжает агитбригада, созданная Александром Николаевичем, и агитбригаду эту встречают в колхозных клубах с почетом и уважением.

Несколько лет тому назад возникла идея создания коллективного спектакля, посвященного городу Малоярославцу. Трудно сказать, кто, собственно, является автором этой идеи. Во всяком случае, все, кто мог, хотел и что-то умел, приняли участие в создании спектакля. Так родилось на сцене «Сказание о граде Малоярославце»— литературно-музыкальный и художественный монтаж, в котором приняло участие до 200 исполнителей. Много раз «Сказание» шло на сцене Малоярославецкого дома культуры с огромным успехом. Тысячи людей посетили этот спектакль — тут были и малоярославецкие, и калужские, и московские зрители. Музыку к спектаклю написал Александр Николаевич Пожарский, он же и *поставил этот спектакль*. Небезызвестный нам Петр Николаевич Демидов вместе с местными поэтами Чубкиным и Шмакиным сочинили текст. Маляр-железнодорожник Дмитрий Трещалин с большим воодушевлением читал этот текст. Запевную былину пел помощник машиниста Осипов. Аккомпанировал ему на гуслях колхозник Федоров из деревни Боболи (гусли он сделал сам). Школьники Светлана Горюшкина и Толя Косарев выступали с дуэтами. Декорации нарисовали местные художники Анвельдт и Пахомов...

А со вступительным словом к спектаклю при каждой постановке неизменно выступал Александр Ефимович Дмитриев—тонкий знаток истории Малоярославца.

Надо полагать, что именно он и Александр Николаевич Пожарский, сидя в садике своего общего дома под сенью вишен и яблонь, и породили идею создания этого спектакля, явившегося своеобразным гимном родному городу, выражением большой и чистой любви к родной стороне.

«Вы послушайте, люди добрые,
Что скажу я вам и поведаю
В песне, сложенной на
старинный лад,
На старинный лад под
гуслярный звон
Славу русскую воспеваючи...»

Таково начало былинного запева «Сказание о граде Малоярославце».

Когда познакомишься с такими людьми, как Александр Ефимович Дмитриев, как Александр Николаевич Пожарский, как Петр Николаевич Демидов, как Николай Васильевич Дмитриев, то проникаешься к ним чувством уважения. Они рассмеются, если кто-нибудь возьмется утверждать, что они живут в атмосфере «провинциальной скуки». Какая может быть скука в родном городе! Жители города уважают их, партийные и советские организации всячески поддерживают.

Хорош город Малоярославец своей славной стариной, пышностью своих садов, чудесными по красоте своей окрестностями, хорош он и своими добрыми гражданами — патриотами родного края...

В ГОРАХ ТИБЕТА

Януш ПШИМАНОВСКИЙ,
польский писатель

Еще вчера окружал нас пейзаж китайских равнин: сочная, влажная зелень рисовых полей, освещенная снизу зеркалом спокойной воды; дома, крытые рисовой соломой, спрятавшиеся за живой бамбуковой изгородью, по которой вился широколистный табак с большими чашечками ярких желтых цветов. Вечером развеялись полосы голубоватого тумана, ветер слегка шевелил плюмажи бамбуков, мягко выступавших на темнеющем небе, воздух наполнился гостеприимным дымом фанзы, и на дневке я говорил своему товарищу по поездке Жукровскому, что после возвращения из Китая мы будем тосковать по китайским полям, по людям со спокойными лицами крестьян, носильщиков, плотников и кузнецов, строящих и создающих новую историю своего народа.

Рисовые поля, бамбук, тихий вечер — все это было вчера. А сегодня низкий, угрожающий шум реки Минцзян глушит рокот автомобильных моторов. По дороге, пробитой в скалах, мы все время идем вверх, но стены долины растут еще быстрее, и в узких горловинах проломов они нависают над нами сухими, затвердевшими склонами, заслоняют небо. Камень тут голый, острый и шершавый. Единственная зелень — пучки сухих трав, режущих пальцы, а единственный цветок — большие белые лилии на уступах скал. Маленькие участки ячменя за стенкой из камней. Дома, стены которых выложены из гранитных глыб, имеют плоские крыши и маленькие оконца, пробитые высоко над землей. Люди, попадающиеся навстречу, носят коричневую грубую одежду из овечьей шерсти, войлочные шляпы, ножи у пояса и длинные буддийские четки. Они с удивлением глядят на наши лица. Белые так же редки здесь, как тибетцы где-нибудь возле Кракова. Нам тоже интересно посмотреть на них, поговорить, но... машины останавливать нельзя: маршрут высчитан с точностью до одного километра, базы разбросаны далеко друг от друга, надо спешить, чтобы успеть в случае хорошей погоды форсировать гору Попугая — Цекусан.

— За Цекусаном вы увидите настоящий Тибет,— перекрывая шум мотора, кричит полковник Цан, — сейчас только преддверие!

Непривычное, дикое это «преддверие». Впервые за много дней мы едим обед не в доме, а прямо на дороге. Сидя на плоских камнях, мы палочками выбираем из мисок кусочки сушеного мяса, заедая его лепешками.

Шоферы проверяют моторы, тормоза, заливают воду в радиатор; впереди перевал Гремящей Воды. Дорога вьется резкими закрутами, затем, как безумная, мчится прямо к пропасти, чтобы в следующее мгновение ринуться в туннель, где воет ветер. Мы останавливаемся у выхода из него. В двухстах метрах ниже ревет и бесится река, бросая на скалы огромные стволы, которые она несет с гор.

На противоположном берегу видна узкая тропинка для пешеходов и лошадей, на ней ворота, запертые на засов. Выше, на обрыве, как заводская труба, стоит сторожевая башня и не то форт, не то замок.

— Еще несколько лет назад,— говорит полковник Цан, — там сидел тибетский феодал, у которого был вооруженный гарнизон. И каждый, кто хотел пройти к верховьям реки, должен был платить феодалу деньги за проход через ворота...

— Этого феодала убрала народная власть? — подсказали мы с Жукровским.

— Нет. Мы проложили шоссе, и никто не желает теперь ходить по этой тропке.

Навстречу нам идет группа тибетцев. Женщины несут детей и мотыги, мужчина — топор. Мы обмениваемся приветствиями, пожеланиями счастья и здоровья, а затем Жукровский дарит молодому тибетцу значок Союза польской молодежи. На прощание одна из женщин приглашает:

— Когда будете возвращаться, просим к нам на чашку чая. Наш дом недалеко, сразу за поворотом...

— Гостеприимные и симпатичные люди! — с удовлетворением констатируем мы.

Полковник Цан улыбается:

— Да... Но раньше они не приглашали никого, и с чаем тут было довольно трудно... А то, что вы услышали,— знамение времени, которое идет к ним. Некогда единственными товарами, поступавшими сюда из городов, были водка, оружие, порох, а сегодня...

— У этих встречных была фабричная обувь, полотенца, чайник... — вмешивается Жукровский. Его зоркие глаза очень точно «фотографируют» все, что видят.

Полковник утвердительно кивает головой и говорит:

— Я вам скажу еще о том, чего вы не могли заметить. В гоминдановские времена тибетцы получали за сажень древесины один цзинь макарон из кукурузы, полцзиня риса или четверть цзиня соли. Теперь же за ту же сажень леса он получает семь цзиней хороших макарон, четыре цзиня риса и три цзиня соли или полцзиня масла, которого раньше ему даже не удавалось попробовать. Чтобы создать населению возможность получать продовольствие и промышленные товары, мы должны были проложить шоссе через перевал на Цекусан...

— ...и выполнить множество иных работ! — по-польски добавляет Жукровский, садясь в машину.— Например, победить врага, организовать народную власть... Запиши об этой политике, выраженной в цене сажени древесины: это доходит до любого человека!..

Долина суживается еще больше. С гор к дороге спускаются сосны, ели и березы, появляется густой лес. Вода в реке становится пепельно-голубой от перемолотого волнами гранита. Мы то и дело обнаруживаем выходящие на поверхность пласты угля, асбеста с почти полуметровым волокном, ржавые отблески железных руд. Все это еще дремлет тут, не тронутое рукой человека,— ждет транспорта, горняков, металлургических заводов. Дорога в долине Минцзян еще переживает первые годы юности и пока кончается в высокогорной степи. Но она уже победила феодала и изменила цену на сажень древесины. Что она свершит завтра?..

* * *

За нами уже ночевки в Юнпанкай и Санциопа, остался позади и перевал горы Попугая, о которой нам столько говорили перед выездом.

— Старые люди сказали бы, что дракон Цекусана был милостив к вам... — улыбается переводчик, старший лейтенант Лю. — Ведь всего два завала форсировали мы, да и то в самом низу.

Я не знаю, был ли благосклонен к нам дракон горы: он заслонил густым туманом склоны, а вершину затянул тучами. Мы буквально ничего не видели. Резкий, холодный воздух морозил лица, не хватало кислорода, сердце бешено колотилось в груди, мозг работал лениво и сонно. Кое-где густая грязь достигала высоты осей, в иных же местах нас подбрасывало на камнях и мы проезжали под огромной поваленной елью, как под каким-то необычайным мостом. Низкие тучи, обволакивая нашу машину, усиливали сумерки. За стеклом, покрытым мелкими капельками влаги, мелькнуло несколько черных лохматых силуэтов с огромными рогами — яки. А потом где-то внизу начали дрожать красноватые пятна окон: это уже был Сатинцзы — поселок в тибетской горной степи, построенный на месте, где раньше было несколько жалких юрт кочевников.

Мы сидим теперь в казармах кавалерийского полка. На шнуре с потолка свисает электрическая лампочка, свет которой пульсирует в ритме работы машины временной электростанции. Закутанные в солдатские ватники, мы жадно, обжигая губы, пьем чай и беседуем с нашими друзьями.

— Все было бы так, как обычно, если бы не этот дикий холод и нехватка воздуха. Голова болит... Наверно, даже чернила замерзли в наших авторучках, хотя

В этом замке несколько лет назад сидел тибетский феодал.

они и спиртовые,— жалуется Жукровский.— Не хочется даже записывать впечатления дня...

— Нет, не все, как обычно! — возражает полковник Цан. — Мы теперь находимся в новом мире, за перевалом. Поговорите с местным жителем.

«Местный житель» — это худощавый низкорослый начальник штаба полка. На нем брюки, подшитые кожей, у пояса висит длинный пистолет в деревянной кобуре.

— Я тут уже четыре года, — начинает рассказывать он.— Пришел сюда с первыми отрядами народных войск. Я полюбил этот трудный край. Он действительно совершенно иной, чем вы думаете. Мы застали здесь нетронутый феодальный строй, беспрерывные войны из-за скота и пастбищ. Люди здесь были полунагие, голодные, они ели сырое мясо. Никто тут не пахал и не сеял. Из десяти младенцев наверняка умирало восемь: старинный обычай повелевал женщинам рожать в конюшне или прямо в степи, но ни в коем случае не в юрте. А ведь тут мокро, холодно, зимой морозы держатся на 30 градусах... Кругом свирепствовали гоминдановские банды: Фу Пин-шин, бывший командир корпуса у Чан Кай-ши, собрал вокруг себя три тысячи конников, а Ма Лян — две тысячи. Пехота не могла сражаться с ними в степи: они были неуловимы. Наши лошади, приведенные с равнин, падали через сутки: им нечем было дышать. Чтобы победить врага, надо было обрести поддержку населения, купить местных коней, достать верных и знающих горы проводников. А это нелегко... Чан Кай-ши называл этот район своим «островом на континенте». С помощью самолетов он перебрасывал сюда оружие и сыпал листовки с приказами. Но мы овладели этим «островом». Фу был убит в стычке, а Ма Лян попал в плен... Потом мы построили дорогу через Цекусан. Рабочие и солдаты пробивали ее в скалах, вися на канатах, переносили грузы по вечным снегам, боролись с водой и дождем, с морозом, вихрями и снегом. Старые тибетцы говорили: «Не построите! Легче научить рыбу есть с руки...» Но мы провели разъяснительную работу среди молодых тибетцев, и они пришли помогать. Однако их еще пришлось учить владеть киркой и ломом: они не имели ни малейшего понятия о такой работе и пытались копать гору... руками! Когда тут пошли первые транспорты, люди все поняли. В прошлом году тибетцы послали на трассу работ две тысячи четыреста вьючных яков и массой двинулись на работы. Они теперь знают, что на дороге можно за один год заработать сразу на два сильных яка... Мы учим теперь тибетцев оседлой жизни, строим им теплые дома на зиму, лечим больных в лазаретах...

Несмотря на страшную усталость, мы слушали внимательно и не перебивали рассказчика вопросами.

Начальник штаба встал.

— Я все говорю и говорю, а вам пора спать. Нужно хорошо отдохнуть. Никто безнаказанно не переходит горы Попугая. Но на сон грядущий я хотел бы сказать еще о будущем этих степей... На глубине одного — двух метров под землей лежат тут золото, серебро и асбест, железная руда и уголь. Земля здесь хорошо родит пшеницу, кукурузу, ячмень и овес. Отлично плодоносят яблони, груши и персиковые деревья, есть сочная «пи-па». Люди здесь сильные, отважные, смышленые и трудолюбивые. Им, конечно, нужна помощь и наука, им надо указать пути выхода из темноты и суеверия...

Через несколько минут свет предупреждающе мигнул два раза и погас. Укутанные в одеяла и шкуры гималайских медведей, мы сидели на нарах, тщетно пытаясь заснуть. О том, чтобы лечь, нечего было и думать: легким явно не хватало воздуха. Мы тоже чувствовали себя, как те кони, о которых рассказывал начальник штаба: кровь болезненно стучала в висках, медленно текла из носа.

* * *

Два дня провели мы в Сатинцзы, чтобы хоть немного привыкнуть к резкому, разреженному горному воздуху. Мы посетили поселок и осмотрели два самых больших его здания, к которым за много сот километров стягиваются кочевники. Это были театр и универмаг. Вероятно, впервые в истории Тибета на театральной сцене молодежь поет старинные песни. В жарком ритме барабаны выбивают военный танец и танец стрижки овец. В универмаг приходят люди, которые никогда в жизни не бывали в магазине. Они радостно ошеломлены и изумлены. Впрочем, этот универмаг, хотя и меньше варшавского, мог бы все же стать гордостью любого областного города в Польше.

Сегодня утром мы выезжаем в степь. Наши автомобили выскакивают из долины, дорога идет между пологими зелеными взгорьями, перед нами широко раскрывается горизонт. Кажется, что степи нет конца: мы едем по ней час, два, взбираемся на невысокий перевал, поросший елями, и снова видим внизу обширные мокрые луга, по которым широкими руслами разливов течет ленивая река.

Минуем еще одно взгорье, и вдруг по обеим сторонам дороги зачернели огороженные валами квадраты жирной вспаханной земли. «Государственное хозяйство»,— говорят нам. Затерянные в степи, единственные на протяжении сотен километров, постройки госхоза притягивают к себе взор. Но мы быстро проезжаем мимо: едем в гости к Фан-эр Хун Чан Ле, а до его юрты еще очень далеко.

Там, где в степи кончается дорога, нас ожидают оседланные кони. Трогаем рысью.

Через полчаса мы уже видим темное полотно тибетского шатра. Из отверстия наверху тянется голубоватый дымок. Хозяин встречает нас у порога. Он протягивает руки и по обычаю жестом показывает, что в них нет ни ножа, ни другого оружия. Приглашает нас войти внутрь.

В шатре холодно. Мы усаживаемся на шкуры яков поближе к огню. Над котлом поднимается пар. В углу жена Фан-эра сбивает масло. Перед маленьким алтарем с коричневым Буддой и красочной картинкой, представляющей Лхассу, теплятся благовонные палочки.

Мы обмениваемся «кхата» — ленточками из легкого шелка — в знак дружбы. Фан-эр наливает чашку зеленого чая, бросает в нее кусок масла, сыплет туда же горсть ячменной муки и, собственноручно мешая все это пальцами, приготавливает национальное тибетское кушанье — цамба... Мы угощаем хозяина сигаретами и вешаем на шест шатра яркую ленточку.

Мы встретились с группой тибетцев.

Фан-эр Хун Чан Ле.

Во время оживленной беседы мы узнаем, что мирное совещание между племенами А-па и Тесе, организованное секретарем партийной ячейки, принесло позитивные результаты — вдове Шеми Тай-тай вожди вернули захваченный у нее скот. Внимательно осмотрев нашу одежду, Фан-эр уговаривает нас купить себе в Сатинцзы теплые сапоги, которые прислала народная власть. Потом спрашивает, есть ли в Польше достаточно соли, риса и котлов для варки пищи, — у них, например, они значительно подешевели...

Когда вечером мы уезжаем, Фан-эр решает проводить нас и, пользуясь случаем, заглянуть в госхоз. Уже давно собирался он в третий раз посмотреть на «людей из света, бегающих по стене» (так называет он кинофильмы), послушать, что надо сделать для того, чтобы земля родила хлеб из зерен, которые кладут в нее. При случае он расскажет там начальнику, какими травами надо лечить больных яков.

Фан-эр надевает шляпу, войлочную одежду, привязывает к поясу полуметровый меч в ножнах, выкованных ручным способом из чистого серебра, а через плечо надевает длиннющее ружье.

Мы дружно галопируем до остановки наших машин, а там приглашаем Фан-эра в автомобиль. Тибетец слегка упирается — он несколько опешил,— но потом любопытство побеждает, и в госхоз мы едем втроем на нашей машине. Там прощаемся.

— Пусть Будда ведет вас по далеким дорогам! Желаю вам счастья на горе Попугая, которая не прощает никому. Арро!

— Арро! — отвечаем мы, несколько озадаченные этим новым напоминанием о перевале.

Машина не спеша ползет по дороге, объезжая выбоины, образованные прошедшим дождем. Справа какой-то странный силуэт лопочет во мраке, белыми пятнами колыхаясь на ветру. Неужели это духи гор? А может быть, степей?.. С поля доносится рокот трактора. Свет его фар касается холмика, и таинственное явление становится ясным: на высоких шестах колышутся полосы шелка, на которых тибетскими монахами написаны молитвы...

Перевод с польского.

В. Н. Гаврилов. МАЙ. СЕВЕРНАЯ НОЧЬ. 1954.
Всесоюзная художественная выставка.

А. М. Грицай. СУМЕРКИ. 1954.

Всесоюзная художественная выставка.

А. М. Грицай. ВЕЧЕР НА ПАШНЕ. 1954. Всесоюзная художественная выставка.

О. К. Татевосян. НАТЮРМОРТ. 1953.

Всесоюзная художественная выставка.

Наш самолет делает круг над большим селением, где в 1934 году на берегу реки уныло стоял один домик. Теперь это полярный городок. В этом месте река Колыма со своим притоком так широка, что Волга по сравнению с ней может показаться маленькой речонкой. Мелькнула посадочная площадка — и мы на земле.

Солнце палит, огромный бассейн реки нагревается, и видно, как в Колыме купаются жители этого заполярного поселка. Воздух здесь так напоен ароматом, так насыщен хвоей, что порой кажется, не в хвойную ли «ванну» ты попал: столь резкий запах у северной лиственницы.

Река соблазняет, и мы тоже идем купаться. Вода, конечно, не слишком теплая, и для купанья в ней нужна тренировка. Поэтому, не задерживаясь в воде, мы на автобусе едем в гостиницу, в ресторан, где нас ожидают какие-то свои, колымские, необыкновенные рыбные блюда. Мы едем мимо лиственничных поредевших рощ. Нашлись все-таки и здесь головотяпы, которые вырубили в поселке и за поселком целые рощи на дрова. Эти бывшие рощи, сильно поредевшие, с многочисленными, уже почерневшими пнями, остаются как бы постоянным укором для нерадивых хозяев.

А ведь за пять километров вверх по течению Колымы сколько угодно дров.

Теперь местные власти хватились и пытаются делать насаждения, но северная лиственница до толщины 15—20 сантиметров растет лет сто.

Мы сидим в ресторане, и Виктор Федорович Бархаянов «заказывает погоду», разговаривая с дрейфующей станцией «Северный полюс-4».

Входит инженер ЛЭРМа (летно-эксплуатационные ремонтные мастерские) и заявляет, что нашему самолету необходим регламент, то есть, как говорят автомобилисты, профилактика.

— Нет, это невозможно, это же задержка на сутки,— говорит Бархаянов.— На обратном пути сделаем.

— Нельзя,— говорит инженер.

Я тоже решаю вмешаться в разговор:

— Виктор Федорович, лучше один день задержаться здесь, чем где-нибудь на льдах открывать новую дрейфующую станцию «Северный полюс-6».

— А вы как считаете, Иннокентий Григорьевич?

— Регламент необходим,— предельно лаконично ответил Бахмутов.

— Ну, ладно. Только не больше суток, я вас знаю: раскидаете самолет и затянете регламент черт знает на сколько.

— Досрочно сделаем. Все механики вышли на работу. Они уже, как мухи, облепили самолет.

С командиром я пошел на берег.

— А здорово все-таки поставлено здесь дело! — говорю я Бахмутову.

Он хитровато подмигнул и сказал:

— Самолет-то министерский... Пойдемте на «Каталину», там у меня друг, у него удочки есть, так с собой и возит.

Тихая, спокойная, как озеро, Колыма. В этом месте она как будто и не течет. «Каталина» стоит у своего «причала». Под крылом ее Иннокентий Григорьевич насаживает со всей серьезностью червячка. Он то и дело вытаскивает рыбу.

— Отличное занятие перед серьезным полетом,— говорит он и рассказывает о сложности предстоящего перелета.

Уженье рыбы меня не увлекло. Я уехал с попутной машиной в поселок.

У Бархаянова во всех пунктах бесконечные совещания то с одной группой работников, то с другой, то с местными властями. Райком, райисполком, дом Советов, среднюю школу, больницу, магазины — все построил Главсевморпуть. Теперь строит электростанцию. Секретарь райкома просит построить еще баню и тогда... все.

— Да, все... А театр? — говорит Виктор Федорович.

...И вот после «регламента» мы вновь на самолете. Пролетаем над последним кусочком земли, маленьким островом Шалаурова.

Бархаянов смотрит вниз.

— Вот видите, один домик,— говорит он.— Здесь живут уже второй год три человека. Одни, как на необитаемом острове. К ним можно попасть только на вертолете, хотя с некоторыми трудностями попадают и без вертолета. Могли бы вы жить так?

— Сейчас нет, а в молодости мог бы,— ответил я.

— Три разных человека живут здесь, все время на глазах друг у друга. Они же вывернули душу друг другу наизнанку. И ничего, живут без всяких склок, работают добросовестно.

Островок уже скрылся. Наверное, его обитатели выбегали посмотреть на самолет, провожая взглядом черную точку нашего воздушного корабля, пока она наконец не исчезла в полярных далях. Так же они выбегают смотреть на проходящий пароход, где много людей, где люди живут шумно, а не так тихо, как живут они.

Мы летим над сравнительно молодым ледовым образованием. Лед, лед кругом. Изредка небольшие, как ленточки, разводья; блестят на солнышке снежницы. Мы идем курсом на полюс, а солнце здесь такое же, как и везде. Небо высокое, голубое, безоблачное, и такой простор всюду, что слово «дали» здесь даже и не подходит. Внизу распласталась ледовая пустыня, ровная, как стол, и похожая на обширную степь ранней весной. Хочется, чтобы самолет вышел на многолетние льды, на торосы, но их нет и нет.

Так в безграничном просторе

Рассказ о полете в Арктику

Тихон СЕМУШКИН

Фото научных работников «СП-4» и «СП-5».

над изумрудно-спокойными льдами, в этой солнечной тишине мы летим уже три, четыре, пять часов. Вдали на нашем пути показывается облачность. Через час мы вошли в нее, и сразу все исчезло. От берега уже 1 600 километров. С нами держат связь дрейфующие станции. Среди экипажа нашего самолета молчаливое беспокойство за посадку. Вероятно, некоторое волнение есть и на дрейфующей станции. Гордиенко не очень охотно дал согласие на посадку «ИЛ-12».

Мы уже в районе станции «Северный полюс-4». Самолет кружит. Штурман говорит, что под нами станция. На первый взгляд, это кажется непостижимым. Как можно найти в полюсных льдах при густой облачности маленькие, затерянные палатки поселка? Радист станции передает, что облачность держится высоко, а на земле, то есть на льду, видимость хорошая. И опять предупреждение о рыхлости посадочной полосы.

Я вспоминаю разговор с Бахмутовым под крылом «Каталины». Обычно в нормальных условиях самолет такого типа садится на площадку не менее тысячи метров. Нам же на льду, окруженном разводьями, предстоит сделать посадку на 600 метрах.

Бархаянов, уходя из кабины пилота и обращаясь совершенно официально, говорит:

— Товарищ командир, решайте сами. Я не настаиваю на посадке. Можем вернуться на материк.

Бархаянов молча садится в свое кресло, рядом с ним молча усаживаюсь и я.

Командир кружит, видимо, для размышлений. Наконец к нам подходит второй пилот и говорит:

— Товарищ начальник, командир принял решение садиться. Каковы будут ваши указания?

— Выполнять решение командира.

Высота падает, Бахмутов пробивает облачность. Вот под самолетом мелькнули черные крыши палаток станции. Штурман предлагает нам уходить в «хвост».

— Рискованная посадка,— говорит Бархаянов.

Торопливо мы проходим в хвостовое отделение. Я невольно прикоснулся к клипер-боту, стараясь скрыть свое движение, но Бархаянов заметил это и, не будучи суеверным, сказал:

— Самолет тонет две минуты.

Острота ощущений, граничащая с чувством страха, нарастает. Все-таки не хочется, чтобы наш удобный самолет в неудержимом порыве превратился в своего рода подводную лодку, если он не сможет остановиться на льдине до разводьев.

Как и у летчиков, мозг работает с предельной четкостью. И напряжение действительно достигает предела. Мысль останавливается на двери. «Почему конструктор открывает дверь в сторону винта? Ведь сильная струя воздушного потока не даст открыть дверь до полной остановки самолета. Так и клипер-бот не успеешь выбросить».

Словно угадав мою мысль, Бархаянов говорит:

— Здесь все правильно сделано. Иначе вырвет дверь.

И вдруг мы все затаили дыхание от сильного толчка и от какой-то неясности, неопределенности. Самолет побежал по льду,

Продолжение. См. «Огонек» № 40.

чуть приподнял хвост и... мгновенно остановился. Мне показалось, что он задрожал. И он действительно задрожал от резкого торможения.

Подошел командир корабля Бахмутов. В первый момент мне показалось, что он еще не отдышался, но Иннокентий Григорьевич спокойно сказал:

— Сели на трехстах восьмидесяти метрах. Никому не говорите об этом: не поверят. Технически невозможно.

В самолет вбежал довольно плотный Гордиенко — начальник дрейфующей станции «Северный полюс-4». И от полноты чувств все стали с ним целоваться.

Здесь нас ждал вертолет.

Вертолет стоял в сторонке. Странное и непривычное впечатление производило это сооружение на четырех колесиках. Он казался даже ассиметричным и уродливым. Он и похож был на большого головастика. Несущие плоскости распластались, как клешни гигантского краба, и где-то в конце хвоста, сбоку, подобие винта.

Через открытую дверь вертолета мы вошли внутрь, человек пятнадцать, именно внутрь, ибо не назовешь же это кабиной. Под ногами у нас была платформа, как у товарного вагона. Вверху передней стенки, под лобовым стеклом, словно ласточки, прилепились летчик и механик этого воздушного корабля.

Вертолет прилетел сюда из Москвы. Над льдами Ледовитого океана он прошел на бреющем полете 2 500 километров.

И все же, несмотря на эти заслуги, вертолет не вызывал симпатии. Казалось, что он еще не сконструирован окончательно.

Заработал мотор, и нас, с ощущением, будто вырывают у тебя внутренности, потянуло вверх, вертикально.

Затем мгновенная задержка в воздухе, и мы не полетели, а нас понесло в горизонтальном направлении, как буря несет бумажный змей. Мы неслись на очень маленькой высоте в стоячем положении. Но не успели мы переброситься словом, как вертолет что-то сработал системой своих винтов и довольно осторожно поставил нас на лед.

Дверь моментально открылась, и я тут же выскочил из машины.

И все же, уходя от вертолета, несмотря на все его несуразности, я думал о «ковре-самолете».

Здесь кругом в намеренном беспорядке, рассредоточенно стояло много всевозможных легких домиков и палаток. Они стояли как бы на ледовых постаментах, так как кругом лед таял, а под жилищами сохранялся. Всюду вода в снежницах, как тут назывался поверхностный слой воды.

В лагере нас ждали. И так как было уже обеденное время, нам предложили идти в «кают-компанию», как громко именовалась здесь, правда, не совсем обыкновенная, но все же палатка.

Со стороны входа она вся была в воде, так как процесс таяния поверхностного слоя льда происходит и на Северном полюсе. Около входа в палатку стояли большие ящики, на них разложены толстые доски, заменявшие здесь совершенно необходимый тротуар. Сделано, однако, это было весьма и весьма непрочно. Во всяком случае, здесь можно пройти только в абсолютно трезвом виде. Не с целью ли сделал это начальник станции Гордиенко?

«Венеция» на Северном полюсе.

Отовсюду бежали обитатели лагеря, а один мой знакомый, аэролог Семен Семенович, как венецианец, плыл к «кают-компании» на байдарке, ловко и торопливо перекидывая с борта на борт легкое весло.

Из кухни, или, как тут называют ее, из «камбуза», доносились очень аппетитные запахи. Вероятно, в силу такого обстоятельства место это всегда привлекало четырех абсолютно полноправных в отношении питания псов. На берегу снежницы они сидели полукругом, повидимому, тоже собираясь отметить такой факт, как прибытие самолета с земли.

Особенной важностью и, казалось, малой подвижностью выделялись из них медвежатник Цыган, довольно крупный пес, и Профессор — пес средней комплекции. Обращала на себя внимание своим полным безразличием ко всему окружающему вследствие ожирения и собачья мадам Шельма. Она лежала здесь на берегу снежницы, растянувшись во всю длину, и изредка страшно лениво приоткрывала левый глаз. Шельма до того откормилась, что у нее исчезло даже и собачье любопытство. Но, несмотря на все эти отрицательные качества, начальник станции Гордиенко снабжал щенками не только своего соседа, начальника станции «СП-5» Волкова, но и посылал их на полярные станции материка, потому что топить щенят на глубине 3 400 метров, по мнению Гордиенко, было бы варварством.

Собаки вели себя здесь благородно. Они, например, не питались с помойки, хотя и там было чем поживиться. И, чтобы не пропадали отбросы, рачительный хозяин Гордиенко как представитель нации, уважающей сало, недаром все время просит, чтобы привезли ему пару поросят. У собак же выработалось пренебрежительное отношение к выброшенной пище.

Когда однажды в лагерь прилетела розовая чайка — довольно редкостный экземпляр вообще — и приземлилась на помойке, где ей, повидимому, после столь долгого перелета необходимо было подзаправиться, никто не побежал спугнуть ее: ни Цыган, ни Профессор, ни третий безымянный пес. И только Шельма потрусила туда слабоватой рысцой, чтобы спугнуть эту далекую и редкую гостью. Как говорится, «сама не ем и другим не дам». Помойка находилась на берегу большой снежницы. Как только приблизилась собака, чайка взлетела, а на ее месте, даже не понюхав, развалилась сама Шельма. Чайка покружилась над ней и улетела на противоположный берег снежницы и там села на чистый лед. Шельме и того берега было жалко. Она тяжко вздохнула, лениво поднялась и потрусила опять к чайке. Чайка зорко следила за ней и, подпустив на метр собаку, поднялась, в один миг опять перелетела на помойку. Пока Шельма возвращалась, чайка покормилась и снова стала уводить собаку. Шельма от природы не была особенно догадливой, и розовой чайке легко было вводить ее в заблуждение. Это продолжалось долго, пока повар, следивший за коварной гостьей, не отозвал простофилю Шельму и не посадил ее на цепь.

Мы вошли в «кают-компанию», которая представляла собой продолговатую палатку с двумя окнами и со специально сконструированной печкой под кафель, с очень низким матерчатым потолком, почерневшим от времени.

Здесь вдоль стен палатки стояли два длинных стола человек на тридцать. Эти столы, как и вся здешняя мебель, были тоже специально сконструированы и сделаны из алюминия. Мебель была легкая и прочная.

Основная «твердь» пола состояла из двухметровой толщины льда, покрытого фанерой и ковровыми дорожками. Пол не отличался особенной прочностью, и фанера под ногами «разговаривала».

В палатке висели стенные газеты, отражающие с большой долей юмора производственную деятельность и быт дрейфующей станции. На стенах также висели литографии исследователей Арктики и карта дрейфа этой станции.

За перегородкой помещался камбуз, соединявшийся с «кают-компанией» парусиновой дверью. Около этой двери на тумбочке стояли графин и чайный стакан.

Я взялся за графин, но меня сразу же остановил доктор:

— Осторожно. Чистый спирт.

Этот графин нес здесь бессменную вахту. Любой член коллектива дрейфующей станции в любое время дня и ночи имел совершенно свободный доступ к этому спасительному сосуду.

Но при всем этом на станции существовал жесткий сухой закон. Его никто не устанавливал, выработала его сама жизнь, и он никогда не нарушался. Здесь никто не пил. И только в виде исключения, когда прилетал самолет, устраивался торжественный, праздничный обед. Тогда на столах появлялись коньяк и сухие вина.

Графин же со спиртом стоял для скорой и неотложной помощи тому, кто проваливался в холодную воду.

— Доктор, а не бывает симулянтов?.. Чтобы нарочно проваливаться?..

Доктор усмехнулся и ответил:

— Сейчас светло, темных ночей еще нет, и, слава богу, последние два месяца никто не проваливался. Графин не приходилось доливать. Это ведь моя обязанность.

Столы были уже накрыты. И несмотря на то, что сервировка была скромна, все же надо отдать должное: столы выглядели, как в хорошем московском ресторане. Повар вчера еще знал

пуночка или чайка, пришел ли белый медведь, забежал ли обалдевший при виде необычного поселка песец, появилась ли трещина, послышалось ли вдали торошение льдов, показался ли на горизонте неизвестный самолет (бывает и такое). Даже собачья драка, и та отмечается. Словом, у дежурного до всего есть дело.

Обед уже закончился, все разошлись по своим рабочим местам. В «кают-компании» остались мы с Гордиенко. Меня, как приезжего, повар решил угостить изысканным блюдом. Он приготовил великолепную медвежью отбивную.

— Надо же вам попробовать: отличная пища,— сказал повар.

И действительно, котлета была так приготовлена, что ее с аппетитом можно было съесть даже после плотного обеда.

В этот момент в «кают-компании» появился гость из соседней «ледовой усадьбы» — Волков, начальник дрейфующей станции «Северный полюс-5».

Это был человек средних лет, хотя и выглядевший довольно молодо. Для этих высоких широт одет он был легкомысленно: на нем была легкая куртка и ботинки с резинками.

Мне особенно приятно было встретиться с этим гостем. Николай Александрович Волков — мой старый друг. Ровно двадцать лет назад мы вместе с ним высадились на мысе Дежнева и зимовали год в Уэлене. Оба мы были тогда моложе ровно на два десятка лет. В пургу мы иногда собирались играть в «дурачка» у местного врача Калиновской. Теперь же Волков был известным гидрологом, кандидатом наук, готовящим докторскую диссертацию.

Он до боли сжимал мою руку и говорил:

— Вот не думал, что двадцатилетний юбилей придется нам праздновать на Северном полюсе!

— Садись, садись обедать, Николай! — предложил Гордиенко.

— Нет, благодарю. Сейчас только пообедал у себя дома и прямо на самолет.

— Чудак! Это же медвежья отбивная!

— Медвежья? Ай-яй-яй, Павел!

Перед обедом у «кают-компании».

о прилете самолета и вложил в этот прием все свое искусство. А мастер он был великий. Да и ассортимент продуктов был отличный и самый разнообразный.

На столах вазы с фруктами и даже по одной дыне на стол. Здесь, на Северном полюсе, за этот год я впервые попробовал ломтик дыни. Тут же красовались, как произведения искусства, всевозможные салаты, как мне показалось, из свежих овощей, разнообразные торты. Среди узорчатых тортов, салатов и фруктов стройным рядом стояли бутылки отборного коньяка. Занимали здесь свое место и разные копчености, икра, семга, лососина, рыбы сибирских рек.

Словом, на столах была как бы выставка всех продуктов, какие только были в складах дрейфующей станции, которыми ведал, за неимением работы по своей специальности, доктор, весьма приятный и, по всему видно, вполне довольный жизнью во льдах человек.

В качестве официанта в этот день дежурил инженер Жаринов, на обязанности которого было: накрыть стол, подать все, что нужно, к столу, подать первое, второе и третье и затем, когда все уйдут, вымыть посуду. Один раз в месяц выпадал такой трудоемкий день каждому. Жаринов выполнял свои обязанности весьма охотно и расторопно.

Павел Афанасьевич Гордиенко, отягощенный положением хозяина, все же не утрачивал своего благодушия. В этом настроении он поднял тост за виновников торжества. В «кают-компании» становилось непринужденно, весело и радостно. После второго бокала Павел Афанасьевич стал каяться в том, что он допустил на дрейфующей станции один неблаговидный поступок. Дело в том, что на станции, вопреки полярным традициям, ни разу не появлялся «земляк» — белый медведь. Не было его даже и в окрестностях станции.

— Вы сами понимаете, — говорил он шутливо, — как горестно было коллективу ощущать этот пробел в нашей полнокровной жизни. Не имея возможности написать своим родным, как мы здесь сражаемся с белыми медведями, мы чуть ли не впали в глубокую тоску. В самом деле, не писать же родным, как мы меряем толщину льда, загоняем в стратосферу радиозонды, измеряем океанские глубины и занимаемся всякими научными изысканиями. Дело дошло до того, что наш коллектив разрешил этот вопрос скульптурно. Из снега вылепили отличного медведя с черным носом, глазами и даже когтями. Скульптура удалась на славу. И когда наши люди потом с этим снежным медведем фотографировались (а у нас 22 фотографа), получалось полное впечатление только что убитого зверя. Сколько радости доставляли эти снимки нашим родным! Они и не подозревали фальсификации!

И вот всего несколько дней назад к нам все-таки заглянул «земляк». Он был исхудавший и обозленный. Но любопытство и неопытность его во взаимоотношениях с людьми и в особенности с собаками были поистине безграничны. Первую схватку он провел с Цыганом, которого наддал лапой так, что пес в воздухе пролетел несколько метров, чем привел в совершеннейшее неистовство всю нашу собачью свору и даже Шельму.

Но, не обращая внимания на собак, медведь стал угрожать нашему имуществу, аппаратуре магнитного павильона. Дежурный по лагерю доложил мне об этом, и я спросонья, подумав и взвесив все «за» и «против», скрепя сердце вынес ему смертный приговор. Его убил инженер Жаринов. Над трупом нашего «земляка» мы дали слово, что убивать белых медведей больше не будем. Будем просто отгонять их от станции.

Павел Афанасьевич закончил свое покаяние и предоставил слово Бархаянову. Виктор Федорович встал и предложил тост за кудесника-повара, от которого зависит здоровье и плодотворная работа всей дрейфующей станции.

Все встали с поднятыми бокалами, а из камбуза, совершенно растроганный и сияющий, выглянул сам повар — старый полярник, проведший не одну зимовку в Арктике.

Но не успел Виктор Федорович закончить свой тост, как в «кают-компанию» вбежал тракторист — дежурный по лагерю — и крикнул:

— Солнце!

Пожилой магнитолог-астроном резко опустил свой бокал, немного расплескав на стол вино, и кубарем выкатился из «кают-компании».

— Что это значит? — спросил я.

— Недели полторы не было солнца, — сказал Гордиенко, — и мы определялись по счислению и радиопеленгам, но это не совсем точно. Нужно обязательно установить координаты по солнцу. Наш астроном ждет этого солнца знаете как? Как невесту. Весь коллектив заботится об этом...

А через некоторое время дежурный по лагерю уже более спокойно и деловито возвестил:

— Срок!

Еще один выбыл из «кают-компании»: ушел аэролог запускать радиозонд.

Так вся жизнь дрейфующей станции расписана круглосуточно по часам, и никакие обстоятельства не могут нарушить ее нормальное течение.

Каждый научный работник, каждый специалист знает точно свои обязанности. Но, кроме того, каждый из них находится под контролем дежурного по лагерю, у которого в памятке тоже все расписано по часам: кто, где, когда и что делает. У дежурного также на заметке все отлучившиеся — в каком направлении и примерно на какое время. Весь коллектив дрейфующей станции переплетен и связан нитями разных обязанностей.

Дежурный всю территорию держит под неослабным наблюдением и фиксирует все, что происходит на льдине: прилетела ли

Начальник «СП-4» П. А. Гордиенко запускает ледовый бур конструкции Комарова.

Три друга-аэролога «СП-4»: Дунаев, Гайгеров и Долганов (слева направо).

Как тебе не совестно, медведей бьешь! Что у тебя, есть нечего? Как в экспедиции Франклина, поджаривали свою меховую обувь?

— Ты меня не просвещай. Это я все знаю. Медведя убили в порядке самообороны. Он у меня чуть не разворотил магнитный павильон.

— Ракетницами отгоняй. Уходит он от них. Вообще я смотрю, непорядок у тебя. Сырость развел на льдине — жить нельзя. В ботинках еле-еле прошел. Ты прилетай ко мне, у меня знаешь, как сухо.

Гордиенко кашлянул в ладонь и сказал:

— Это не важно, сырость. Зато у меня льдина стабильная: как весила три миллиона тонн, так весит и по сие время. Хозяйство свое надо уметь сберегать. А у тебя что?.. Ведь в апреле, когда тебя высадили и доверили льдину, в ней было веса сорок миллионов тонн. Мой же ледовед Жаринов высчитывал. А теперь от этой льдины остался всего-навсего один миллион. Ну, можно тебя ставить на такое ответственное дело? Сырость... Подожди, Николай Александрович, вот обкорнает тебя совсем, начнется осеннее торошение, будешь еще проситься ко мне на жительство.

— Ни под каким видом,— прервал его Волков.— На одном квадратном метре останусь, а буду плавать самостоятельно. Льдина у меня стала, правда, не очень надежная, но мой самолет не сидит дома. Он облетал с гидрологами все вокруг, все льдины обследованы и поставлены на учет. Знаешь, сколько у меня есть возможностей кочевать?

— Вот спустится полярная ночь — покочуешь. Кругом все твои льдины так и светятся электрическими огнями, попробуй сядь.

— Ничего. У меня такой летчик, он сам фару приделает, как прожектор... Да... Виктор Федорович, вертолет-то вышел у меня из строя окончательно, а ведь он мне очень нужен.

— Пришлю. Сегодня он должен уже прибыть в Игарку.

— А зачем присылать? — спросил Гордиенко.— Пусть возьмет мой. Мне он совершенно не нужен.

— Что ты, Павел Афанасьевич, как это не нужен? — удивился Бархаянов.

— Так, очень просто: не нужен он мне, Виктор Федорович, он порождает у меня на станции беспечность. Бдительности такой при нем нет. Думают: ну, вертолет есть, и все нипочем, море по колено! Я этот вопрос, Виктор Федорович, продумал и честно говорю: не нужен он мне.

— Подожди, подожди, Павел Афанасьевич, ты не горячись. Вертолет у тебя брать я не буду. Он окончательно остается у тебя здесь.

— Ну, хорошо. Пусть остается. Тогда экипаж с него заберите, чтобы люди не думали о перелете на нем.

Бархаянов рассмеялся и сказал:

— И экипаж останется здесь.

— Ваше дело! — осердился Гордиенко и, вздохнув, почесал себе голову, шевелюра на которой давно исчезла.— Только это напрасно.

«Ледовая усадьба» Волкова находилась в двух часах полета от «усадьбы» Гордиенко. Обе эти «ледовые усадьбы», как в шутку иногда они именовались здесь, были совершенно различны по своему рельефу. У Гордиенко льдина ровная, как украинская степь, с далекими горизонтами, а у Волкова гористо, как на Кавказе. У него всюду были нагромождения торосов, и среди них расположены строения дрейфующей станции. Лишь на северо-востоке за высокими торосами была полоска, на которую садился самолет «АН-2», приданный этой станции. Наш самолет «ИЛ-12» Волков категорически отказался принять. Поэтому он и явился сюда на своем самолете.

Бархаянов подробно объяснил задачи и цель вызова. На утро был назначен отлет на ледовую разведку в район мыса Сердце-Камень.

В «кают-компанию» зашел летчик высокого роста, в пиджачной паре. Будучи известным полярным летчиком, он поздоровался со всеми, как со своими старыми знакомыми, и спросил Волкова:

— Каковы наши планы, Николай Александрович?

— Да вот, Виктор Михайлович, увозят меня на землю. Примерно на неделю.

— В таком случае я сейчас вылетаю домой. У меня там еще не закончены дела с гидрологом. Надо будет успеть сегодня сделать один вылет на северо-восток.

— Пожалуйста. Передавай там привет. Скоро вернусь и я домой.

— Виктор Михайлович, ты закуси на дорогу,— предложил Гордиенко.— Медвежатины...

— Благодарю вас,— усмехнулся летчик,— привыкли дома питаться. А медвежатину принципиально не едим.

— Подумаешь! У вас что, на пятой сектанты, что ли, живут? — обиделся Гордиенко.

Мы вышли на улицу.

— Скучная у тебя льдина, Павел,— сказал Волков.— Равнина, покрытая лужами.

— Не лужами, а внутренними озерами, каналами. В красоте ты ничего не понимаешь. Это же арктическая Венеция. Смотри, вон едут на байдарках, плохо? Недаром мою станцию для отображения в искусстве избрал художник Рубан,— подмигнув, сказал Гордиенко.

Мы подошли к деревянной ферме, на которой вялилось медвежье мясо и где Рубан натянул свое полотно и писал действительно эту картину.

— Но что же вы работаете в рукавицах? — спросил его Бархаянов.

— Руки мерзнут, когда простоишь здесь несколько часов с кистью,— ответил он.

В стороне тарахтел «француз», как называли здесь маленький гусеничный трактор французской системы. Он тащил в собранном виде какую-то палатку на более сухое место.

— Слушай-ка, Павел, работает у тебя тракторишко-то!

— Батенька мой, это не тракторишко, а золото. Мы без него пропали бы. Там, где «ГАЗ-69» буксует, этот идет хоть бы что. Каждый день у него работа. Маленький, рассчитан французским конструктором, повидимому, на единоличное хозяйство, а работает здорово. Лемех привинтим к нему — получается бульдозер. Ты знаешь, я в любом месте могу им сделать посадочную площадку. За милую душу расчищает ледовые бугры.

— А у меня не работает. Обращаться, должно быть, не умеют...

— И у меня не работал. Валялся вот под навесом. А прилетел настоящий тракторист и в один миг наладил его. Отлично работает.

— Павел Афанасьевич, отпусти потом мне твоего тракториста наладить и мой. Я за ним пришлю самолет. Это же очень здорово.

— А что ты мне дашь за это? У тебя трактор не работал, бензин лишний образовался...

— Гордиенко! — с укоризной перебил Бархаянов.— Ты торгуешься, как Собакевич.

— Да-а,— со смехом протянул Волков,— Николай Васильевич Гоголь многое потерял, что Гордиенко не был его современником.

— Слабого всегда защищают, таков советский закон жизни,— отговорился Гордиенко и, обращаясь к Волкову, сказал: — Вот что, друг мой, сажай сейчас же на свой самолет моего тракториста. Но с условием, чтобы через три дня, невзирая ни на какую погоду, он был здесь. Согласен?

— Согласен. Виктор! — крикнул Волков летчику.— Забери с собой тракториста на три дня.

Мы идем мимо палатки, в которой размещена радиорубка. Рядом, у самой двери, стоят груженые нарты. Груз под брезентом прочно, добротно, по-хозяйски увязан отличным манильским тросом. Оказывается, здесь упакован полный комплект оборудования переносной радиостанции. В случае спешной необходимости перебазироваться в другое место по аварийному расписанию в эту нарту впрягаются радисты.

Я обратил внимание на то, что около каждого домика, около каждой палатки стояли такие же груженые нарты с продовольствием и необходимыми вещами. Эти нарты с грузом лучше всего свидетельствовали о том, что люди здесь живут, что называется, начеку. В любой момент они могут сняться и уйти из своего обжитого места и где-то организовать новый временный лагерь. Это может произойти внезапно. Их предшественники в течение года переживали многократные частичные изломы ледяного поля.

На станции «Северный полюс-3» с декабря прошлого года ледяное поле почти непрерывно подвергалось сильным сжатиям. Это приводило к разлому и торошению льдины. На краях разводий вырастали громадные торосы, надвигавшиеся на лагерь. Зимой несколько раз трещины проходили даже под самими домиками и палатками. Не один раз лагерь расчленяло широкими разводьями на отдельные изолированные части. Люди во мраке полярной ночи, при морозах, доходивших до 46 градусов, четырежды переносили свой лагерь на новые места. Поразительно, что и во время этих спешных переселений никогда не прерывались научные наблюдения. Бывало, что пространство чистой воды вокруг льдины, где обосновались полярники, было настолько велико, что о ее края разбивались морские волны. Эти условия жизни требовали от людей постоянной готовности к решительным и быстрым действиям в случае разлома льдины.

— Вот почему сама жизнь породила сухой закон на этих дрейфующих станциях,— сказал мне Бархаянов.

Окончание следует.

ВЕЛИКИЙ ГРУЗИНСКИЙ ПОЭТ

К 250-летию со дня рождения Давида Гурамишвили

Георгий ЛЕОНИДЗЕ

Среди великих поэтов Грузии Гурамишвили как народный поэт, вдохновенный певец больших гуманных чувств и страданий своего народа, философ, историк, просветитель занимает особое место. Его популярнейшая книга «Давитиани», написанная живым, разговорным народным языком, была самой любимой книгой грузинского читателя после Руставели.

Жизнь и творчество Гурамишвили тесно связаны с Россией и Украиной и выражают идею дружбы грузинского, русского и украинского народов.

Давид Георгиевич Гурамишвили родился в 1705 году в оскудевшей феодальной семье в Сагурамо, недалеко от Мцхеты. Юность поэта совпадает с самым трагичным моментом истории Грузии, когда Иран, Турция и горные племена Кавказа раздирали страну.

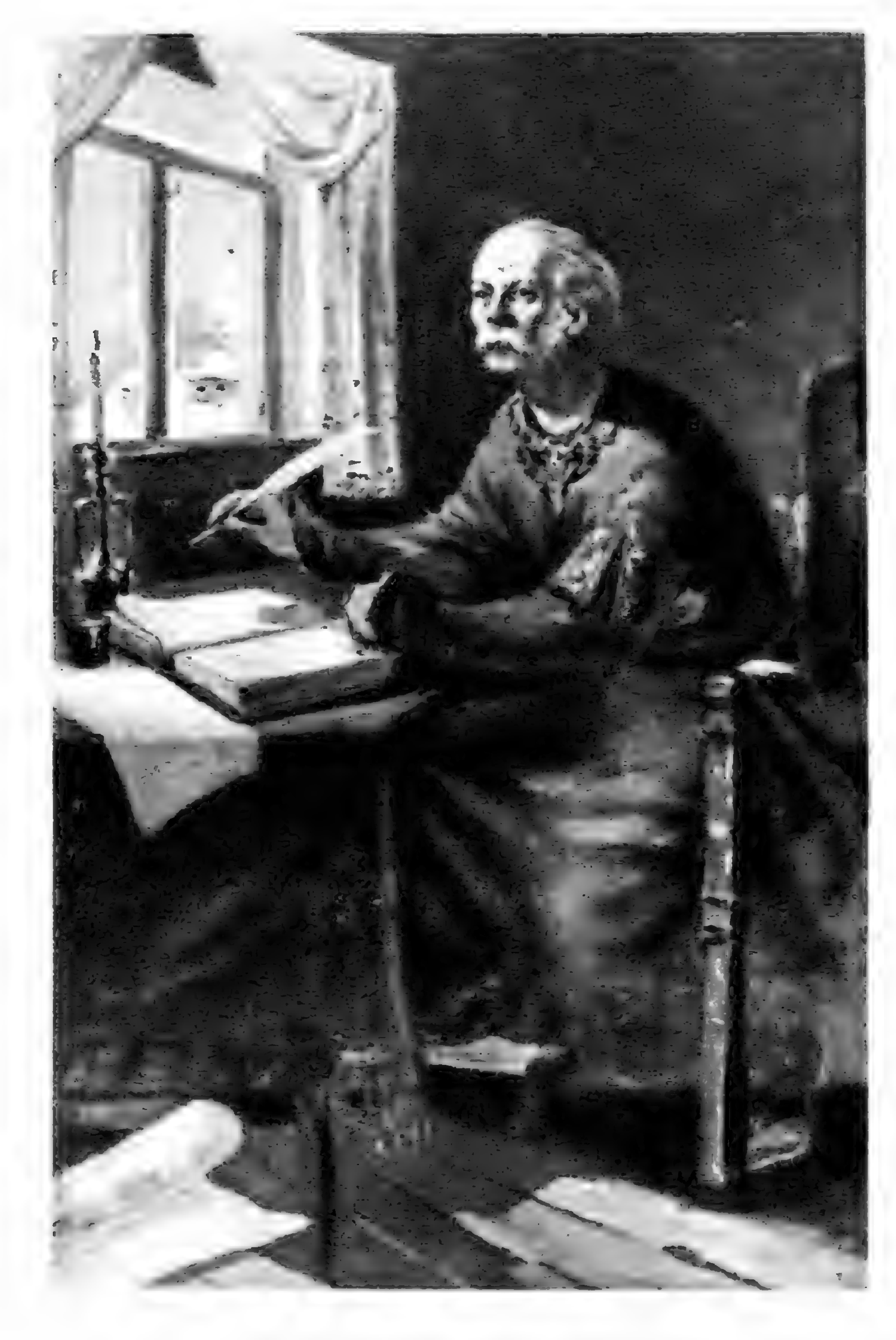
В 1723 году турки, овладев Тбилиси, довершили разорение Грузии. Грузинский царь Вахтанг был вынужден со всей своей свитой эмигрировать в Москву. Губительные нашествия восточных варваров привели Грузию в полное разорение и опустошение. Военные экзекуции турок и иранцев, бандитские набеги горцев, феодальный сепаратизм, своеволие и жестокость грузинских князей, похищение и продажа крестьян со всем имуществом и скотом привели к тому, что несколько лет, как говорит очевидец, «не производилось ни посевов, ни пахоты, не зажигалось огня, не производилось молотьбы на гумне и не было слышно крика петуха».

Двадцатидвухлетний Гурамишвили был взят в плен рыскавшими по стране лезгинами и увезен в Дагестан. Он бежал из плена, его настигли, избили и посадили в яму. Ему удалось бежать во второй раз и пробраться на Северный Кавказ, где с братской заботливостью его приютил русский поселенец некий Лазарь. Поэт рассказывает:

Был казак в селенье этом,
Мне ниспосланный судьбою.
Как родной отец за сыном,
Он ухаживал за мною.
Обнял он меня с любовью,
Оросил мне грудь слезою...

С 1729 года поэт живет в Москве, при дворе царя Вахтанга, «оружейным надзирателем» царева арсенала. Гурамишвили стал популярным грузинским поэтом, любимцем царя и всей грузинской эмиграции. Вскоре Гурамишвили, принявший русское подданство, был зачислен в эскадрон грузинского гусарского полка рядовым гусаром, а в 1739 году уже участвовал при взятии турецкой крепости Хотин. Грузинский гусарский полк принял участие и в Семилетней войне. В сражении при Кюстрине Гурамишвили погнался за неприятелем, лошадь его увязла в трясине, он разбил плечо и был взят в плен, откуда освободился только через полтора года.

Пройдя суровую школу войны, Гурамишвили после 22-летней службы был уволен в отставку в чине поручика.

Давид Гурамишвили на Украине.
С картины художников В. Торотадзе и Г. Гулисашвили.

После многих мытарств поэт поселился на Украине, в Миргороде, где он приобрел крохотное имение.

Гурамишвили знал лучших, передовых людей Украины, дружил с великим украинским мыслителем Григорием Сковородой. Здесь, на Украине, вдали от родины, Гурамишвили создал свои лучшие произведения. Добрый, мужественный украинский народ, приютивший и обласкавший его, стал его родным народом. Зная нищету украинских крестьян, поэт заботился об облегчении их непосильного труда. Гурамишвили составил проект орошения и чертеж мельницы, но полуослепшему старцу не удалось реализовать свои планы. Он умер в 1792 году скромным хлеборобом в тиши Миргорода.

* * *

Гурамишвили — народный поэт Его стихи и сейчас распеваются в Грузии наравне со стихами великого Руставели. Поэзия Гурамишвили отличается гуманистическим и демократическим характером. Простота и искренность великого художника-просветителя, проповедника любви, верности, мужества, глубина его произведений, мелодичность его песен, высокое поэтическое мастерство сделали Гурамишвили любимым поэтом грузинского народа.

Поэт известен как великий новатор и реформатор грузинского стиха. Основываясь на народной поэзии, Гурамишвили разработал и ввел в грузинскую литературу новые ритмы. Поэт сделал основой литературы живое народное слово, он поднял жанр народной песни на небывалую поэтическую высоту.

В монументальной поэме Гурамишвили «Бедствия Грузии», в которой отражена бурная политическая жизнь Грузии XVIII века, создан величавый образ поэта-гражданина. Эта мужественная и трагичная поэма вся пронизана горечью. Потрясенная страданиями родины, суровая муза поэта клеймит виновников бедствий Грузии, изменников-князей, продавших за вражеское серебро честь родины:

Чем оправдывать злодея,
Лучше мучеником стать!..
Недостойных не прославлю,
Не унижусь в лицемерье.

Скитаясь вдали от родины, поэт всем сердцем желал ей служить, до конца своей жизни не терял он надежды вернуться на родину: «Как разлучил с отчизной, так дай мне встретиться с нею».

В другой поэме Гурамишвили, «Веселая весна», с большой теплотой рассказывается о жизни грузинских и украинских крестьян. Нравственные устои наиболее прочны среди трудового народа — таков основной лейтмотив поэмы.

Благотворное воздействие на Гурамишвили оказала русская литература. Поэт много сделал для сближения грузинской и русской литератур. Он был знаком с творчеством Ф. Прокоповича, А. Кантемира, М. Ломоносова и других. Знание русской литературы способствовало освобождению поэзии Гурамишвили от пустозвонности, присущей восточной эротической поэзии. Русская литература помогла и выработке передового мировоззрения поэта.

Д. Гурамишвили ввел в грузинскую поэзию мотивы русских и украинских песен. Поэма «Веселая весна» выражала чувства и стремления украинского народа, который высоко оценил труд поэта. В 1949 году была отыскана его могила в Миргороде. День открытия памятника на могиле Гурамишвили вылился в праздник дружбы народов нашей страны.

Во вступлении к своей книге Гурамишвили говорит, что он взрастил «деревья этих строк», «чтоб каждый отрок их плода отведать мог».

Голос великого грузинского поэта жив и сегодня. Он призывает к братской дружбе народы нашей великой социалистической Родины.

Коротко о книгах

Публицистические статьи Вацлава Вацлавовича Воровского, выпущенные недавно Госполитиздатом в отдельном сборнике, нельзя читать без волнения. Написанные в дни первой русской революции, они отражают бурное время жестоких схваток с царизмом. Страстный призыв к борьбе звучит со страниц этой замечательной книги. Легендарный подвиг броненосца «Потемкин» Воровский воспел в своей статье, звучащей, как гимн, — «Корабль-скиталец». Он верил, что восставший броненосец — символ русской революции — победит.

Впоследствии, как известно, В. В. Воровский был крупным деятелем Коммунистической партии и Советского государства. Он пламенным словом пропагандировал ленинскую тактику, гневно клеймил меньшевиков-дезорганизаторов, крепил ряды партии Ленина, отстаивал ее единство. «Мы будем всеми силами отстаивать и партию, — писал Воровский, — и чистоту наших принципов... Партия, работающая в самой гуще пролетарской массы, кость от кости и плоть от плоти этой массы...»

Высокохудожественная публицистика В. В. Воровского — яркий пример того, как надо творчески, увлекательно популяризировать марксистско-ленинское учение.

Ник. ПИЯШЕВ

ПОЛОСАТЫЕ МЕШКИ

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото В. Кругликова.

Прежде всего познакомимся с главными «героями»: они сшиты из крепчайшего брезента; на одних — полосы широкие, на других — узкие; на этих — вертикальные, на тех — горизонтальные; каждый имеет свой цвет, свою эмблему.

Они всю «жизнь» путешествуют: на скоростных самолетах вздымаются в заоблачную высь, в экспрессах пересекают континенты, в трюмах океанских кораблей огибают земной шар. У них и вид заправских путешественников. Они в меру запылены от далекого пути, краски на полосах слегка поблекли, да и брезент потерял былую свежесть.

В этих полосатых мешках перевозят международную почту из всех стран мира, со всех частей света.

Мы увидели их на Московском почтамте. Каждый представляет определенную страну: это можно увидеть по окраске и ширине полос. Посланец Нидерландов покрыт узкими полосками черного и красного цвета, солнечной Италии — двумя широкими зелеными полосами. Мешки из Швейцарии, Египта, Западной Германии, Венгрии... Они только что прибыли в нашу страну.

Тут же лежат мешки белого цвета с двумя красными полосами. Они завязаны, опечатаны, готовы в рейс. Это почта из Советского Союза.

Тысячи полосатых «туристов» прибывают ежедневно в Москву, и тысячи их отправляются отсюда во все концы мира. Число мешков растет из месяца в месяц.

На Московском почтамте работают люди, знающие все языки мира. Это в основном молодежь, недавно окончившая высшие учебные заведения. Трудно было найти человека, знающего вьетнамский язык. Связи нашей страны с Демократической Республикой Вьетнам сильно возросли. Бывают дни, когда туда отправляется несколько сот мешков корреспонденций и немало полосатых мешков прибывает из Вьетнама в Москву. Теперь переводчик найден. Откуда бы ни пришло письмо, на каком бы языке ни был написан адрес, он будет переведен на русский и доставлен адресату.

В операционном зале почтамта в нескольких окошках принимают корреспонденцию за границу. Вот пожилой мужчина передает для отправки письмо, адресованное в Париж.

— Вы имеете в виду французскую столицу? — спрашивает девушка, прочтя адрес.

— Это ясно каждому грамотному человеку.— В голосе мужчины слышится раздражение.

— Тогда напишем: «Франция». Так будет вернее: на свете шестнадцать городов имеют название Париж.

— Да, да, вы правы. Я не подумал об этом.

— Это случается. Я всегда говорю таким забывчивым клиентам, что в США одиннадцать городов именуются Москвой, а в Канаде и США в общей сложности десять Одесс.

Письмо принято. Но раньше, чем оно попадет в мешок с двумя широкими красными полосами и эмблемой службы связи СССР, его направят в зал с сортировочными клетками. Над каждой — название города, для которого собирается здесь корреспонденция. Рядом с Парижем клетки для почты в Веллингтон, Кантон, Коломбо, Франкфурт, Сидней, Калькутту...

Посмотрим, что посылает сегодня Москва в другие государства. В Рим отправляется книга А. Макаренко «Флаги на башнях», изданная на французском языке. В Женеву, в адрес Международного Красного Креста, идут плакаты, выпущенные Союзом обществ Красного Креста и Красного Полумесяца.

Много книг советских ученых посылается зарубежным профессорам и научным учреждениям. Лондонский профессор Ричардсон получит труд «Народы Африки». Вот связка книг в Кембридж. Это труды по истории Азербайджана, записки Южно-Казахстанской археологической экспедиции, материалы о научной сессии Ленинградского университета. Советские ученые посылают своему коллеге доктору Ротэ в Страсбург сейсмограммы с записями землетрясений, имевших место 9 и 10 сентября прошлого года. В югославский город Загреб в полосатом мешке будут доставлены научные материалы в адрес профессора Д. Курепа.

Мы видим корреспонденцию, адресованную шведскому профессору К. Зигбану, копенгагенскому ученому Кофед-Хансону, нью-йоркскому профессору С. Ц. Ву, аргентинскому доктору Р. Зингеру, калифорнийскому доктору К. Хэббсу.

Нина Сафронова раскладывает по полкам корреспонденцию в разные страны мира.

Сегодня отправляется зарубежным ученым биологический журнал Академии наук СССР. Специальная адресопечатающая машина штампует адреса на книжках, которые конвейер подает ей.

Машина штампует: «США, главной библиотеке университета Калифорнии», «Вашингтон, Пентагон, военной библиотеке № 5257», «Институту технологии в Калифорнии», «Вашингтон, Американскому метеорологическому обществу»...

Много номеров журнала идет в адреса ученых стран народной демократии, в Китайскую Народную Республику.

В нескольких сортировочных клетках мы видим большие, свернутые в трубочку чертежи. Это техническая документация, которую отправляет наша страна дружественным странам в порядке технической помощи.

— А это что за мешочки? — спрашиваем мы, указывая на маленькие аккуратные пакетики; мы видим их во многих сортировочных клетках.

— Образцы советской пшеницы, — отвечают нам связисты.

В другой посылке магнитофильмы с записью произведений Скрябина, Глазунова, Шостаковича. В маленькой коробочке лежит пионерский галстук. Его шлет девочка Таня своей подружке Мирославе в чехословацкий город Мельник-Роусовица. Такие посылки встречаются часто, и связисты уже знают, что скоро из чехословацкого города поступит ответная посылочка в адрес советской девочки Тани.

В металлические ящики упакованы кинофильмы. Их так много, что, установленные друг на друга, они почти достигают потолка. Читаем наклейки с адресами: Варшава, Ханой, Дели, Рим...

А вот и посылки, прибывшие в Советский Союз. Связисты безошибочно определяют.

— Граммпластинки, — говорят они про посылку, поступившую в адрес Большого театра.

— Ноты, — уверяют они, беря в руки небольшой пакет, полученный из Франции на имя популярного советского артиста.

Лондон шлет научной библиотеке Министерства высшего образования объемистые справочники о всех государствах мира, изданные в 1954 и 1955 годах. Научные труды своих заграничных коллег получают президент Академии наук СССР А. Н. Несмеянов, ректор Московского университета И. Г. Петровский, профессор С. Б. Крылов, академик М. М. Дубинин.

А вот письмо, адресованное московским связистам. Его можно вскрыть без опасения нарушить тайну переписки. Оно от почтового ведомства Соединенных Штатов Америки. К сожалению, в нем содержатся неприятные вести: приводится длинный перечень конфискованной корреспонденции, прибывшей из СССР и не доставленной адресатам. Оказывается, 80 фотографий, посвященных 200-летию Московского университета, не попали американо-русскому институту в Сан-Франциско. Конфискованы книги «Жатва», «Как закалялась сталь», «Повесть о настоящем человеке», «Алитет уходит в горы», посланные нью-йоркской фирме. И даже номер третий «Журнала московской патриархии» за 1955 год не вручен нью-йоркскому священнику Джону Гельсингеру.

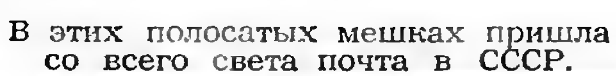
Мы просмотрели этот номер журнала. В нем напечатано много поздравлений, полученных патриархом Алексием ко дню своего рождения и десятилетия пребывания на посту патриарха. В нем приводится запись, сделанная в книге посетителей патриархии американским журналистом В. Р. Херстом: «Я чувствовал себя здесь более дома, чем где-либо в Москве». Есть в нем статья архиепископа Бориса и его секретаря доцента Шишкина, высланных из США, в которой выражается уверенность, что «допущенная несправедливость по отношению к духовенству и чадам православной церкви в Америке и его первосвятителю Экзарху будет устранена».

Нам попались на глаза цветные открытки с видами Нью-Йорка. Их получатель — гроссмейстер В. Смыслов. На следующий день мы позвонили ему по телефону:

— Кто сделал вам этот подарок? Не секрет ли?

— Что вы! Это от американского шахматиста Эванса. Теперь я пошлю ему открытки с видами Москвы. Что ж, и такой вид обмена неплох!

Без устали путешествуют по миру полосатые мешки, и чем их больше, тем прочнее мир и дружба между народами.

В этих полосатых мешках пришла со всего света почта в СССР.

Дети Дурсун Аннаевой

Иван **ГОРЕЛОВ**

В гостях у матери. Слева направо: народная артистка Туркменской ССР Сона Мурадова, солистка балета Набат Аннаева, Дурсун Аннаева, народная артистка Туркменской ССР Сурай Мурадова.

Фото автора.

Она сидит на невысоком дощатом помосте на ковре, скрестив ноги. Над ее головой шатром свисают зеленые виноградные лозы. Яркий полушалок в крупных цветах спадает на плечи.

— Здравствуйте, бабушка Дурсун!

Дурсун спокойно поворачивает голову, щурит глаза от нещадного солнца, произносит приветственное «салам» и приглашает садиться.

Присаживаюсь на край помоста, спрашиваю о здоровье, сообщаю о цели своего приезда в Ашхабад:

— Хочется подробнее узнать, как три родные сестры — Сурай Мурадова, Сона Мурадова и Набат Аннаева — стали актрисами.

— А вы у них спрашивали об этом?

— Мы беседовали очень долго. Но они сказали, что вы все-таки лучше расскажете. Особенно о начале их судьбы.

Она молчит, будто припоминая что-то улетевшее из памяти. Затем, волнуясь, разглаживает ладонями загорелое лицо, покрытое морщинами, и задумчиво смотрит вдаль. За оградой в лиловатой кисее зноя недвижно стоят громады порыжелых верблюжьих горбов Копет-Дага.

— Да, мои дети. И Сурай, и Сона, и Набат — все мои. А знаете, что такое по-туркменски «набат»? Прозрачная конфетка, леденец. Вот как я свою младшую дочь назвала. Она родилась позже, уже в Ашхабаде, в счастливое время. А мы пережили что!.. О, это страшная история! Солнце чернеет, когда вспоминаешь ее...

В один из весенних дней 1919 года в ауле Эррик-Кала умер дехканин Мемед Мурад. Бедный был человек. От отца достался ему только самодельный кетмень да ветхая войлочная кибитка. Он поливал байские огороды, пас отары чужих овец. Но никогда не унывал Мурад. С песней да с побасенкой было легко ему на земле. Арык расчищает — поет, дома детей забавляет смешной припевкой, жену Дурсун успокаивает тоже песней.

И вот сглодал его туберкулез. В кибитке осталось шестеро: вдова Дурсун — рослая, с крепкими руками и отважным сердцем, четверо малышей да еще древняя, полуслепая старушка.

Всего два года минуло после смерти Мурада, а чья-то невидимая рука вплела в косы Дурсун белые серебристые нити.

— Это к перемене в жизни, — сказала соседка.

И перемена действительно пришла.

Из аула Кыпчак, что лежал у самого Копет-Дага, неожиданно приехал старший брат Дурсун — Клыч Мурад. Поздним вечером примчался на запыленном черном коне. По двору ходил, будто хозяин. Глаза орлиные, хищные, лицо сухое, в сердитых складках. Чаю напился, помог кибитку починить. А потом, когда уснули дети, такой разговор завел:

— В нашем ауле, сестра, есть человек один. Очень хороший человек. Сосед мой, Аман Сопар. Правда, он стар уже, шестьдесят лет ему... Но у него есть бараны и деньги есть. Этот вдовец хочет взять тебя в жены.

— Нет! — решительно оборвала его Дурсун.

— Ты не горячись, сестра. Сопар дает за тебя много зеленого чаю. Лошадь дает, четырех баранов дает. И еще два шелковых халата обещает. Больше, Дурсун, нельзя за тебя просить... А дети пускай в кибитке останутся.

— Нет, Клыч, я никогда не оставлю своих малюток. Никогда! Уходи, брат! Недобрые вести привез ты в мой дом на черной лошади.

— Но у меня есть право старшего! — зло прошипел Клыч Мурад и привстал на колени. — Волею не хочешь — на вожжах уведу. Ты не забывай закон предков!

Он даже не попрощался, молча сел на коня, огрел его плетью и скрылся в облаке пыли, словно растаял в синеватом сумраке.

Не прошло и недели, как ночью к кибитке Дурсун подъехали четыре всадника. Дети уже спали, а хозяйка растирала на камне пшеничные зерна. Всадники спешились у дувала. Один остался с лошадьми, а трое подошли к Дурсун. Она узнала Клыч Мурада и двоюродного брата Кувонча. Третий, высокий, был не знаком ей.

— Собирайся, сестра! — властно приказал Клыч.

Дурсун метнулась в кибитку, к детям, обхватила их сонных, заплакала навзрыд.

— Нет, злые люди, живая я не уйду отсюда! Только труп мой увезете в Кыпчак, если у вас нет сердец!

В темноте кто-то схватил ее за руку и потянул наружу. Она рванулась, ногой оттолкнула Кувонча, выбила веревку из рук высокого незнакомца и с отчаянным криком понеслась по аулу.

Послышались голоса. Люди стали выходить из кибиток. Тревожно залаяли собаки. Кое-где зажглись огни.

Клыч настиг ее и, будто джейрана, опутал арканом. Она упала на колючую траву, отбивалась головой, ногами, локтями — чем только могла.

Кто-то застонал от ее удара, кажется, Кувонч. Затрещал халат на Клыч Мураде.

— Нет, брат, не пойду я к Сопару. Не брошу детей моих на голодную смерть!..

Клыч в ярости рванул ее за косу, поднял с земли. Высокий незнакомец заткнул рот тряпкой, намотал на кулак другую косу, и ее повели к дувалу, чтобы привязать к седлу.

Но Дурсун услышала плач дочери и рванулась изо всех сил. Тяжелый камень настиг ее. Очнулась Дурсун в глинобитном низеньком домике. Испуганно осмотрелась вокруг. Да, это — обиталище Клыч Мурада, она приезжала сюда с покойным Мемедом в первую весну их замужества. Ощупала рукой лицо, голову. Нашла кувшин с водой, напилась, смыла кровь с лица, с распухшей шеи. К вечеру принесли еду.

А через неделю брат привел Сопара. Он был в новом халате, в чистой рубашке. Сопар молча осмотрел Дурсун, будто лошадь на базаре, подумал с минуту, вздохнул, за бороду взялся.

— Нет, Клыч, такую не возьму. Вылечи, тогда говорить будем. — И ушел.

Сорок дней прошло уже, раны заживать стали, в голове перестало шуметь, но Клыч никуда не выпускал ее из глиняной темницы. Он только ругался сердито да упрекал в безделии.

Еще сорок дней прошло. Из Ашхабада Ашир приехал, младший брат Дурсун. Он учился там, жил в интернате.

Ашир не посмел упрекнуть старшего брата, но ходил мрачный, молчаливый.

Вечером принес Дурсун воду, расплакался и сказал:

— Сестра моя, надо бежать. В Ашхабад бежать надо. Там женотдел есть. Теперь никто не должен бить и продавать за калым женщину. Так Ленин сказал!

Над горами

Оде **АБДУЛАЕВ**

В синем небе самолет,
В самолете дети.
Над горами он плывет
К морю в Кобулети.

Горы складками сошлись,
Силясь прогреметь:
— Мы привыкли сверху вниз
На детей глядеть!

Ты огромен, ты велик,
Но, старик Кавказ,
Смотрят дети с высоты
На тебя сейчас.

Перевел с туркменского В. ГОНЧАРОВ.

Утром Клыч Мурад заставил Дурсун приодеться, к Сопару повел.

Старик седло мастерил, отложил работу в сторону, спину разогнул и стал кашлять. Долго осматривал будущую жену, на небо посмотрел, бороду сухими ладонями разгладил и хмуро процедил:

— Якши...

И тут же сказал Клыч Мураду, что чаю он даст за Дурсун теперь меньше, баранов тоже меньше, а халатов и вовсе не даст.

Клыч в отчаянии махнул рукой и тоже сказал — якши.

Ночью Дурсун на цыпочках вышла из кибитки Сопара. Над ее головой горели большие звезды. Давно не видела она ночного свободного неба. Ашир ожидал ее у хауза.

Они взялись за руки и огородами выбрались на едва различимую верблюжью тропу. И почему-то припомнились слова старого бахши, который приезжал в аул Эррик-Кала в день ее свадьбы: «Смелее шагай по тропе — тропа выведет на дорогу, а дорога приведет к людям».

В отдалении послышался свисток паровоза. Дурсун показалось даже, что он позвал ее смелым железным голосом. Значит, там Ашхабад, там люди, которые спасут ее детей.

И они побежали быстрее, все дальше и дальше уходя от аула...

В ашхабадском женотделе она долго плакала и не могла вымолвить слова. Ее успокаивали двое: русская светловолосая женщина Мария Петровна и молодая туркменка Огультач.

Наконец Дурсун овладела собой и сказала Огультач:

— Спасите моих детей. Они остались в ауле одни.

И все-все рассказала, обливаясь слезами.

Поместили ее в Доме дехканина. У дверей стоял высокий человек в военной гимнастерке и с револьвером на поясе. Он, конечно, не пропустит сюда ни Сопара, ни Клыч Мурада.

Спустя день этот человек привез на тачанке троих ее детей — Сурай, Сона и исхудавшего, черного от грязи Нияза. Маленькая Тешли умерла от голода.

И началась у Дурсун Аннаевой другая жизнь. Детей определили в детский дом, а Дурсун дали работу при Доме дехканина. По воскресеньям они собирались вместе, варили плов. Сурай и Сона наперебой рассказывали о том, как их обучают грамоте, русскому языку, как они поют «Интернационал» и революционные песни, учатся танцевать украинский «Гопак», а к октябрьскому празднику большой концерт готовят. Сурай танцевать будет, а Сона — читать стихи.

...Дурсун Аннаева устало вздохнула, краем полушалка вытерла заплаканные глаза и снова задумчиво посмотрела за ограду, на раскаленное белесое небо.

От калитки послышались шаги—сухо захрустела галька, которой был посыпан дворик.

— Вот, пожалуй, и вся история, — заключила Дурсун, полуобернувшись и стараясь разгадать, чьи шаги.

Подошла Сона Мурадова, средняя дочь Дурсун, народная артистка Туркменской ССР, директор драматического театра.

— Пускай остальное Сона расскажет: дни счастья она хорошо помнит.

Сона не хочет признаться, что устала. Лицо спокойное, сосредоточенное. Умные, живые глаза. Увлеченно рассказывает о только что закончившейся репетиции «Отелло», о большом успехе Амана Кульмамедова в роли главного героя спектакля, о своей роли Эмилии в этой пьесе.

— Завтра с утра репетируем «Ревизора», потом — «Семью Аллана». Такая жара, а мы не сдаемся. Хочется, чтобы и москвичи полюбили нас так же, как зрители Ашхабада.

Сона улыбается, поправляет упавшую на лоб смолистую прядку и рассказывает о своей жизни.

Выросла в Ашхабаде, в детском доме. Здесь жила и Сурай. Их белые опрятные кроватки стояли всегда рядом. В огромной кирпичной «кибитке» было куда лучше, чем в войлочной, оставшейся в ауле Эррик-Кала.

Запомнилась заботливая воспитательница, бывшая медицинская сестра Нина Прокофьевна. Она обучала их рукоделию, заставляла учить таблицу умножения, показывала, как нужно писать буквы. Старательно, затаив дыхание, выводили девять туркменских девочек первое русское слово: «Ленин».

И вот уже старший класс, и Сона — пионервожатая. Сколько новых радостей появилось у нее и сколько забот!

...Пионеры, приехавшие в Москву на Всесоюзный слет, жили в рабочих семьях. Седовласый машинист с Красной Пресни Алексей Федорович за руку водил Сона по улицам Москвы, провожал на трамвае до Красной площади. И когда Сона вместе с Сурай поступала в педагогическое училище, ей хотелось стать такой же заботливой и доброй к людям, как Нина Прокофьевна и Алексей Федорович.

Сурай с третьего курса педагогического училища перевели в студию при Туркменском драматическом театре, а Сона стала учительницей и уехала работать в аул Безмеин. Когда осенней ночью на аул налетели басмачи, старенький, сухощавый сторож артели Курбан спрятал ее в кладовку и, рискуя жизнью, спас молодую учительницу от гибели.

Приезжая в Ашхабад с попутным караваном, она навещала мать, брата и долгие часы проводила с любимой Сурай.

Как-то ожидала сестру в театре. Шла репетиция. Сона сидела в зале как на иголках. Ей не нравилось, как девушки создают сценические образы. Не так бы надо играть... И не удержалась, вызвалась показать, как точнее передать разговор сельской учительницы со старым чабаном. Уж она-то знала, что такое учительница в ауле!

А потом Сона пригласили к режиссеру театра и заставили прочитать стихи. Читала неуверенно, робко, сильно волновалась. В коридоре села на стул и чуть было не расплакалась.

Но подошел плечистый молодой актер, дружески пожал руку, участливо посмотрел в глаза:

— Что ж вы нас испугались? А мы такие же простые люди, как и все. Не с неба упали... Сыновья и дочери дехкан. Я вот из Кара-Кумов, из Геок-Тепинского района. Сын пастуха. Чего же нас бояться?

Это был Аман Кульмамедов, ныне народный артист СССР. Он сказал, прощаясь:

— Хочу поздравить вас, девушка, с первым успехом. Если отбросить волнение, вы хорошо выдержали экзамен. У вас прекрасное актерское чутье. Нужно много-много труда — и вы станете актрисой. Право же, не боги горшки обжигают.

И Сурай подошла и тоже долго успокаивала. И снова они стали жить и работать вместе.

Сурай уже выступала в спектаклях. По вечерам Сурай вслух разучивала роль Оксаны из пьесы «Гибель эскадры». И, конечно, Сона тоже выучила роль Оксаны. Просто захотелось попробовать: получится или нет?

И надо же было так случиться: за день до премьеры Сурай неожиданно слегла в постель. Тогда в первом спектакле «Гибель эскадры» роль Оксаны успешно сыграла Сона Мурадова. Даже программу перепечатывать не пришлось: инициалы и фамилии совпадали полностью.

Так началась творческая судьба Сона Мурадовой.

— А совсем недавно о школе пришлось вспомнить. И даже взгрустнулось немножко,— взволнованно рассказывает она. — Представьте, иду по проспекту, а навстречу юноша в шелковой косоворотке. Остановился, почтительно голову склонил. «Салам, — говорит, — моя первая учительница. В ауле Безмеин вы научили меня читать и писать. А теперь я сам учитель и работаю в той же школе в Безмеине»...

В 1940 году Сона вступила в партию. В 1942 году ей присвоили звание заслуженной артистки республики. А через семь лет и она и Сурай стали народными артистками Туркменской ССР.

...Вечером в воскресенье у бабушки Дурсун собралась вся семья.

На столе в фарфоровых чайниках — зеленый чай, приятно утоляющий жажду. На блюде — янтарно-фиолетовые грозди винограда. Стройная черноглазая Набат режет большую дыню и, лукаво улыбаясь, говорит:

— А знаете, как зовут самых маленьких участников декады? Героиню зовут Марал — горный олень, а героя — Байрам — желанный праздник.

Немного помолчав, она сказала:

— Хотите, я покажу их?

Мне подумалось, что она принесет фотографии юных артистов. Но на руках у вернувшейся Набат были два малыша:

— Это близнецы нашей Сурай. Вместе им восемь месяцев. Они тоже поедут в Москву!

Набат подсела к матери и ласково обняла ее за плечи:

— Вот кто виноват в том, что все дочери стали актрисами...

— Ашир тоже виноват,— заметила Сурай.— Он указал маме дорогу на Ашхабад.

Назвали еще несколько имен и учителей и режиссеров.

Дурсун задумчиво молчала, отрезая ножом маленькие ломтики дыни.

— Нет, дети мои, и не я и не Ашир, — спокойно сказала она и, склонившись, достала с полки большую книгу. Она раскрыла ее и показала всем нам портрет Ленина: — Вот кто!

Ашхабад.

Сцена из спектакля «Семья Аллана» Г. Мухтарова. Аллан — народный артист СССР Аман Кульмамедов, Бике — народная артистка Туркменской ССР Сона Мурадова.

Фото И. Тункеля.

К декаде туркменской литературы и искусства в Москве

→ «Ревизор» Н. В. Гоголя в постановке Туркменского государственного драматического театра имени И. В. Сталина. Городничий — народный артист СССР Аман Кульмамедов, Хлестаков — народный артист Туркменской ССР Алты Карлиев.

Фото И. Тункеля.

Исполнительница песен народов СССР и песен стран народной демократии заслуженная артистка Туркменской ССР Маргарита Фараджева. Дирижирует оркестром народных инструментов Курбан Кулиев.

Туркменский государственный ансамбль танца. Танец «Пиала», постановка Коша Джапарова.

Хореографическая сюита «Хлопкоробы», постановка Танхо Израилова.

ХОЗЯИН

Рассказ

Беки **СЕЙТАКОВ**

Рисунок Г. Храпака.

Буран начался с вечера, и Гуйчгельды лег спать не в духе. Он долго ворочался с боку на бок, кряхтел и ворчал.

Когда рано поутру, все еще надеясь, что за ночь распогодится, он босиком подошел к окну, протер рукавом рубахи запотевшее, скользкое стекло и прильнул к нему лицом, досада овладела им с еще большей силой. В синеватых сумерках рассвета вихрило, завывало и мело с такой силой, будто на улице все взбесилось. Невозможно было разобрать, что там делалось, почему и из-за чего такая кутерьма. Сквозь вой ветра доносился то печально-жалобный скрип дерева, то грохотал где-то, наверное, оторвавшийся от крыши и повисший на уголке лист железа, то стучала на чьем-то дворе незапертая калитка.

Гуйчгельды покачал головой и лег в постель. Но уснуть ему больше не удалось. Он лежал и рассуждал сам с собой:

— Польет крупный дождь — скоро перестанет, а мелкому, который сеет, как сквозь сито, не будет и конца... А снег? Что снег? Густой и пушистый повалит — тоже ненадолго его хватит, а вот если закружит метель, то может лопнуть терпение, пока она стихнет. Не так ли?..— Он вздохнул и после долгого молчания с каким-то огорчением ответил на свой же вопрос: — Так...

В комнате постепенно светлело. Начали вырисовываться стол с посудой, стулья, одежда на вешалке, фотографии на стене, часы и ружье... Завывание метели, холод, тянувший низом из-под дверей, и тягостное настроение, с которым он проснулся, невольно заставили Гуйчгельды вспомнить о далеких годах его молодости. Самым лютым врагом была в ту пору для нищего бедняка хотя и короткая в Кара-Кумах, но зачастую холодная зима. Худой халатишко и рваные чарыки из сыромятной верблюжьей кожи не держали тепла, холод пронизывал насквозь, да и теплу-то в тощем теле, при вечно пустом желудке неоткуда было взяться.

Гуйчгельды батрачил у богатого бая. С утра до ночи работал он на чужом дворе, ходил за скотом, и за это мог лишь глодать кости с хозяйского стола и выпивать пиалу жидкого, как ополоски, чая. Вернется, бывало, едва волоча ноги, Гуйчгельды с хозяйского двора в свою нетопленную кибитку, голодный, озябший, ляжет под ворох ветхого тряпья и до утра дрожит так, что не попадает зуб на зуб. А чуть забрезжит рассвет — снова на холод, на байский двор... На всю жизнь, казалось, остался в костях Гуйчгельды леденящий озноб от пережитых зим того далекого, горького и безрадостного времени.

— Почему же ты теперь ругаешь метель? — неожиданно прервал невеселые свои воспоминания Гуйчгельды.— Почему недоволен? Нехорошо... Зима приносит снег — это должно радовать твое сердце! На полях будет много влаги — уродится богатый хлопок...

Он уселся на кровати, свесив ноги, обвел посветлевшими, с близоруким прищуром глазами комнату и принялся одеваться.

— Нехорошо, Гуйчгельды... Нехорошо!— повторил он.— Ты старый человек, а хуже маленького... У тебя теплая кибитка и сколько угодно дров... Есть хлеб, есть баранина, можешь хоть целый день пить зеленый чай и есть плов... Но ты ворчишь. Почему? Метель тебе помешала, ишь ты!.. Должен идти в гости, а тут разыгрался буран. Ну так что? Это твое личное дело... Хочешь побывать в гостях — иди! Шубу баранью имеешь, теплые сапоги есть, папаха найдется — собирайся и ступай себе с богом...

— Что ты там все ворчишь?— раздался из кухни голос жены.

Она приоткрыла дверь, и в комнату, где сидел Гуйчгельды, потянуло запахом свежеиспеченного хлеба и вареной баранины.

— Я не ворчу,— кашлянув, сказал Гуйчгельды,— я рассуждаю...

Натянув сапоги с мягкими и теплыми стельками из кошмы и накинув на плечи халат, Гуйчгельды отправился в кухню умываться.

— Есть я не стану,— сказал он, плескаясь под начищенным до зеркального блеска медным рукомойником.— На плов пойду...

Жена повернула к нему раскрасневшееся от очага лицо, удивленно подняла брови.

— Да, да... и не отговаривай!— поспешил добавить Гуйчгельды.— Я знаю, что делаю...

Он взял махровое полотенце и принялся усердно вытирать свисавшую на грудь мокрыми сосульками жидкую седую бороду, стараясь при этом всем своим видом показать полную независимость. Гуйчгельды не смотрел на жену, все время отводил глаза в сторону. Он знал наперед, что она скажет, какие станет приводить доводы, а вот их-то как раз ему и не хотелось слышать; он и сам еще не совсем твердо был уверен, что в такую непогоду пойдет в соседний колхоз. И поэтому он недовольно поморщился под полотенцем, когда жена сварливо, хотя и с ноткой заботы в голосе, затараторила:

— Чего ты так трешь бороду? Куда бы ты ни пошел, твоя борода с тобою всегда! Лучше протри хорошенько глаза да взгляни в окно... Где это видано, чтобы в такую погоду по гостям ходили?

— Меня ждут,— сказал упрямо Гуйчгельды.

— Нетрудно сбиться с пути, если так метет,— не слушая его, продолжала жена.— Разве ты попадешь на мост?.. Замерзнешь где-нибудь.

— Я пойду напрямик, по льду.

Жена скрестила на груди руки, вид у нее был грозный. Не зря в ауле говорили: «Гуйчгельды покорен только своей жене!»

— Никуда ты не пойдешь,— сказала она.— Вечером неподалеку от моста провалилась корова...

Гуйчгельды сверкнул на жену глазами, молча снял с гвоздя папаху, баранью шубу и, волоча ее по полу, старался на ходу попасть рукой в рукав.

— Нашла с чем меня сравнить!..— обиженно буркнул он уже с порога, нахлобучивая папаху и беря палку.

Ветер подхватил полы незастегнутой шубы и завернул их за спину Гуйчгельды, запорошив черную овчину снежной пылью. Старик повернулся к ветру спиной, сердито запахнулся. Он все еще был в обиде на жену и в душе был доволен, что настоял на своем.

— Останься!.. Ишь ты!..— бормотал Гуйчгельды, направляясь вдоль улицы.— Друзья приглашали... ждут... и на тебе, не пришел... испугался...

Снегопад, повидимому, прекратился недавно: только отдельные снежинки все еще кружили над улицей и опускались на землю. Но зато мела такая сильная поземка, что почти на глазах переметала навьюженные сугробы с места на место. Встречный ветер забивал дыхание, запорашивал и без того слабо видевшие глаза Гуйчгельды морозной пылью, трепал подол шубы. Старик шел ссутулившись, чуть ли не всей головой утонув в кудлатой папахе, и, как человек деловой и занятый, взмахивал и постукивал палкой.

В конце улицы Гуйчгельды окликнул высокий, как минарет, бригадир Оразкули. Он, сидя на корточках, прилаживал на место оторванную ветром калитку. Из кармана ватных штанов у него торчал большой молоток.

— Здравствуй, Гуйчгельды!— закричал бригадир, силясь перекрыть свист ветра и краснея от натуги.— Хорошо, что ты пришел!.. Сейчас попьем чаю, сыграем в шахматы.

Гуйчгельды подошел к бригадиру и удивился тому, что Оразкули, присевший на корточки, был выше его, хотя Гуйчгельды и стоял, вытянувшись и нарочито гордо, до боли в позвоночнике распрямив сутулую спину.

— Стало быть, это твоя калитка всю ночь не давала людям покоя, стучала, как бешеная,— вместо приветствия сказал Гуйчгельды.

— Сломалась вот...

— Хороший хозяин ее на ночь запирает,— с упреком проговорил Гуйчгельды и хотел было направиться дальше.

Оразкули ухватил его за полу шубы.

— Погоди, куда же ты?.. А чай, а шахматы?..

— Я в гости к нашим соседям спешу, меня ждут...

— Охота же в такой холод бродить! Собака, и та из конуры не вылезает...

Гуйчгельды сердито выдернул из рук бригадира полу и, насупившись, зашагал прочь от его двора.

— И навязались же на мою голову...— расстроенно бормотал он.— Та корову в пример ставит, этот — собаку! Будто на свете ничего другого нет... Пустомели!..

Он пересек огороды с торчащими из-под снега капустными кочерыжками, прошел хлопковым полем бригады Оразкули, разделенным на карты различной величины и покрытым сейчас кучами не разбросанного еще навоза, и стал спускаться к замерзшей реке.

«Хороший хозяин Оразкули,— подумал Гуйчгельды.— Ишь, сколько уже успел вывезти на свои карты навоза... Зря я его калиткой попрекнул, мало ли что в хозяйстве случается...»

Берег реки зарос высоким камышом. Ветер раскачивал его из стороны в сторону, пригибал, тряс, скручивал, но камыш вновь упруго выпрямлялся и поднимал в небо пушистые рыжие метелки. Как будто сердясь на свое бессилие, ветер гудел и тарахтел окостенелыми стеблями, путаясь в густых зарослях.

Отыскивая знакомый проход к реке, Гуйчгельды вскоре заметил неподалеку от поля бригады Оразкули широкую полосу поваленного камыша. Полоса уводила вглубь чащи. Буран намел в этом месте большие сугробы. Из-под одного из них, в самой глубине камышей, торчал какой-то железный стержень.

Гуйчгельды размел вокруг него варежкой снег и понял, что это рычаг сеялки. Он был

так поражен, что даже не поверил своим глазам, и быстро стал разгребать снег палкой и руками. Приоткрылась голубая крышка, тонко звякнули под палкой металлические диски.

Находка озадачила Гуйчгельды. Он стоял и, наморщив лоб, размышлял, что бы это могло означать. Он забыл, куда и зачем шел, все его мысли сосредоточились на брошенной в камышах сеялке. Судя по охапкам камыша, наваленным поверх сеялки, можно было не сомневаться, что попала она сюда не случайно. Ее прятали! Но зачем? Кому пришло это в голову, и какая в том могла быть выгода?

Гуйчгельды терялся в бесчисленных догадках, пожимая плечами, и по своему обыкновению что-то ворчал себе под нос. Наконец махнул рукой и зашагал обратно в аул.

Часа через два он снова появился на берегу, верхом на верблюде и с лопатой в руках. Повозиться и попотеть пришлось ему немало, пока сеялка оказалась отрытой из-под снега и наваленного на нее камыша. Гуйчгельды впряг верблюда и повез сеялку на колхозный двор. Находившиеся в то время на хозяйственном дворе колхозники и председатель в один голос признали, что сеялка эта из бригады Оразкули.

Ничего никому не говоря, Гуйчгельды направился к бригадиру. Когда он постучался и вошел в дом, Оразкули сидел на кошме и пил чай.

— Ну, так бы и давно!..— улыбнувшись, сказал он гостю.— Садись, сейчас мы сыграем в шахматы и попьем чаю.— Но, взглянув на разгневанное, потное лицо Гуйчгельды, с всклокоченной и смерзшейся бородой, осекся и умолк.

— Я уже наигрался там, где ты бросил сеялку, — переведя дыхание, хрипло вымолвил Гуйчгельды.

Оразкули покраснел и неловко отставил в сторону пиалу, расплескав на кошму чай.

— Как понимать такие слова, Гуйчгельды-ага?— дрогнувшим голосом спросил он.

— Понимай, как знаешь... Худая арба за сорок дней до развала скрипит, как и твоя калитка... Где ты забыл совесть, Оразкули? Как можешь спокойно смотреть в глаза людям? Из-за твоей халатности в прошлом году пропала лошадь. Кто ее нашел? Гуйчгельды. А теперь ему довелось наткнуться и на сеялку... Кто я тебе, нянька, чтобы ходить и прибирать за тобой?.. Так-то ты бережешь колхозное добро?

— Я берегу... берегу, — перебил старика бригадир, не поднимая глаз. — Ты ничего не знаешь, Гуйчгельды-ага... Я признаюсь, раз тебе известно, где моя сеялка. Я ее не бросил!.. Это очень хорошая сеялка... Она может весной достаться другим бригадирам, а не мне...

Последние слова Оразкули совсем вывели Гуйчгельды из себя: слышать такое было свыше его сил. Он стукнул об пол палкой и выкрикнул:

— Замолчи, а то у меня завянут уши! Вот, оказывается, какой бес точит твою душу... Ты не о колхозе болеешь, ты за свое печешься. Как бы все в свою бригаду прибрать, самому больше получать, а до других тебе дела нет? Эх, Оразкули, Оразкули! Твоя вина оказывается большей, чем я думал...

Гуйчгельды повернулся и взялся за ручку двери.

— А ты прав...— сказал он уже совсем тихо.— Ты прав. Я знаю, где твоя сеялка... Она на колхозном дворе! Ступай, там на тебя акт составляют...

Раздосадованный и как-то вдруг сразу почувствовавший усталость во всем теле и ломоту в суставах, Гуйчгельды вернулся домой и, не раздеваясь, долго сидел на лавке у окна. Потом вздохнул, встал и принялся стаскивать с плеч шубу, неожиданно показавшуюся необыкновенно тяжелой.

— Жена была права...— проворчал он.— «Никуда ты не пойдешь»,— сказала она. Так и вышло... И все из-за этого долговязого...

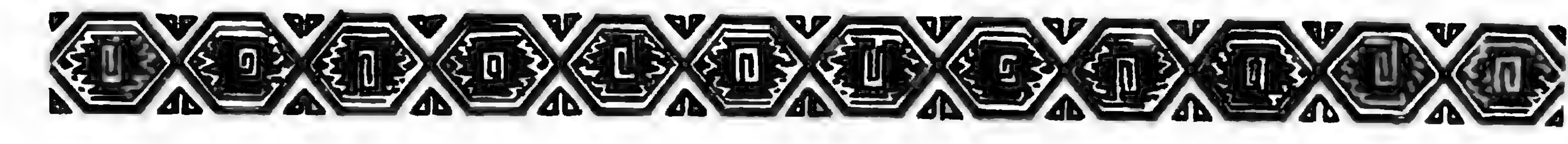
Он вдруг усмехнулся, собрав вокруг лукаво блеснувших глаз мелкие коричневые морщинки, и удовлетворенно подумал: «Будет он меня теперь помнить!..».

Перевел с туркменского А. ФЕРЕНЧУК.

Вечер в колхозе

Владимир ЛУГОВСКОЙ

Из колхозных бригад
прилетают десятки вестей.
Коммутатор работает
во всю мочь.
А скворцы начинают
шуметь и свистеть,
Шныряют в листве,
уносятся прочь.
Хромая, идет ко мне человек
В шапке большой на большой голове.
В мудрой,
чуть-чуть лукавой
улыбке его
Такой хороший, спокойный свет,
Такое веселое торжество,
Что трудно
не улыбнуться
в ответ.
А весел он:
любит людей,
Торжествует:
дела идут на лад.
Оттого он стал душой молодеть,
Оттого и хорош много видевший
взгляд.
Да, в Туркмении знают
его труды —
Председателя старого
Кубан-дурды.
Опираясь на палочку
чуть дрожащей рукой,
Отвечая с хитринкой
на каждый вопрос,
Он ведет меня,
неугомонный такой...
Как любимая книга,
перед ним
колхоз.
Вот бетонное зданье
колхозной ГЭС,
Новый клуб,
новый зал
на семьсот мест,
Школа средняя,
новый родильный дом,
Магазин,
заваленный всяким добром.
Но не в них основное дело,
хоть известны они молве.
Дело в людях,
которые были
на Выставке нашей
в Москве.
«Я сам,—
сказал председатель,—
на Выставку их повез.
Повез мастеров урожая,
повез мастериц молодых.
И те из них,
кто не слышал
стука вагонных колес,
Летали на самолетах
и были этим горды.
Мы с ними ходили по Выставке,
ночью ходили и днем,
Радуясь, словно музыке,
всему,
что являлось вокруг,
Жадно сберечь стараясь
в самом сердце своем
Великий опыт народа,
плоды его воли и рук:
Ни одной республики
мы не забыли,
По всем павильонам
вместе ходили,
Чтоб только увидеть,
что́ сделали мы для страны,
Кто работал для нас
и кому мы должны».
Говорит председатель,
прищурясь хитро:
«Я водил наших женщин
За ручку в метро,
Чтобы правильно поднимались,
На эскалаторе не спотыкались.
Я возил их на горы в университет,
Где вонзаются башни в солнечный свет...
Мы ходили повсюду —
одна большая семья.
Мы умнее и опытней
стали, друзья!
А когда
подошел
отъезда срок,
Звеньевая Зейнаб
мне шепнула тайком:
«Человек расцветает
порой,
как цветок,
Если понял
весь смысл
в назначенье своем...»
Председатель подумал,
помедлил чуть-чуть
И сказал:
«Это очень правильный путь,
Когда,
честно трудясь
на работе одной,
Ты приходишь
для встречи
со всей страной».
И пошли мы,
а солнечный шар затих.
Дальше рощица тута,
в хлопковых полях.
Повидали Зейнаб
и знакомых других,
Провожая
заката
последний взмах.
Первый хлопок,
рыча,
машины везли,
И свистели скворцы —
развеселый народ.
Теплый запах медвяный
шел от земли.
Тихо-тихо
с востока
темнел небосвод.
И когда мы вернулись
по сизым садам,
В школьных платьицах
девочки
бросились к нам,
На отца посмотрели
и на меня
в упор,
И серьезный
со мной завели разговор...
«Дочки, дочки...
Припомнил я
много лет,
Детство черное,
горький удел батрака...
Будет ждать их
Московский университет,
И судьба дочерей моих
будет легка!»

В СОПКАХ У МУРМАНСКА

Мих. ЗЛАТОГОРОВ Фото Б. Вирина.

Моряки траулера «Анатолий Бредов» в гостях у отца и матери Героя Советского Союза А. Бредова, погибшего в 1944 году. Слева направо: Стефанида Григорьевна Бредова, Федор Михайлович Бредов, капитан траулера Л. В. Рассказов, его жена Т. В. Рассказова, первый помощник капитана А. П. Степин, боцман О. М. Услугин, матрос В. И. Мельников.

Есть у каждого приморского города свои особые приметы; их взволнованно ловят взглядом моряки, возвращаясь из рейса в родной порт.

Мурманск узнают по сопке с высокой мачтой.

Еще пароход скользит меж всхолмленных угрюмых берегов Кольского залива, еще не показались пригороды с причалами ремонтных и угольных баз и разбро-

СОЮЗНИЧЕСКОЕ ВОЕННОЕ КЛАДБИЩЕ МУРМАНСК.
ЭТИ ПАМЯТНИКИ БЫЛИ ВОЗДВИГНУТЫ В ПАМЯТЬ ВОИНОВ БРИТАНСКОГО СОДРУЖЕСТВА НАЦИЙ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ ПОГИБШИХ, ПРИНЕСЯ ПОМОЩЬ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ ВО ВРЕМЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945

Надпись у входа на союзническое военное кладбище.

санными среди каменистых уступов домиками, а уже кто-то на мостике радостно объявляет:

— Мачта видна!..

И кто-нибудь на полубаке обязательно откликнется:

— Ну, значит, дома.

Мачта задевает облака, плывущие над Мурманском. Ее силуэт четко рисуется на бледном заполярном небе, парит над портом с его стрелами башенных и портальных кранов, с трубами заводов.

Но этот силуэт рождает в сердцах моряков не только радостное чувство встречи с любимым городом. Порою они смотрят на мачту с суровой задумчивостью. Когда в Мурманске говорят: «За мачтой»,— тень ложится на лица людей. Там, в сопках, похоронены мужественные защитники советского Заполярья, погибшие в годы Великой Отечественной войны. И там же спят вечным сном моряки с транспортов наших союзников — их сразили пули и бомбы фашистских пикировщиков.

Я бывал на этом кладбище с моими товарищами — моряками промысловых судов.

Помню ветреный январский день. Полярная ночь еще не кончилась. На мурманских улицах круглые сутки горели электрические фонари. Мы поднимались по дороге, забирающей круто вверх среди заваленных снегом склонов.

Из города солнца еще не было видно, а отсюда, с высоты, открывалось огромное небо, захваченное с одного края малиновым пламенем. Близился полярный день, и свою первую ласку возвращавшееся солнце посылало сюда, на военные кладбища.

Над белой пеленой, одевшей могилы, торчали кончики красных конусов надгробий.

Мы задержались перед могилой Героя Советского Союза Анатолия Бредова.

Это был мурманский юноша, комсомолец. Из семилетки пошел он к станку на судоремонтный завод, а с начала войны с первыми добровольцами вызвался защищать подступы к родному городу. Потом он воевал под Петсамо. Его пулеметный расчет остановил продвижение противника на важном направлении. Бредов дрался до последнего патрона. А когда кончились боеприпасы, когда нависла опасность пленения, этот юноша, почти мальчик, сын старого коммуниста, военкома Красной Армии в годы гражданской войны, ударив противотанковой гранатой о валун, подорвал себя и окруживших его фашистов.

Накануне в порту я видел траулер «Анатолий Бредов». И вот теперь это имя снова виднелось на скромном памятнике, увенчанном пятиконечной звездой.

Моряки траулера «Анатолий Бредов» часто навещают отца и мать героя — Федора Михайловича и Стефаниду Григорьевну Бредовых. Родители Анатолия подружились с командой корабля. Матросов они называют своими сыновьями. Они радуются, когда траулер возвращается из рейса с полным трюмом рыбы, и огорчаются, когда промысловиков постигает неудача...

...Союзническое военное кладбище. Оно обнесено аккуратной зеленой оградой, обсажено кустарником, низкорослыми деревцами.

За оградой в строгом порядке — гранитные плиты памятников с высеченными на них солдатскими именами и фамилиями, номерами и эмблемами воинских частей.

Ветер слабо шевелил венки, прислоненные к плитам.

Кто-то вспомнил военные дни... И мы видели сожженный Мурманск, где среди обломков разбитых бомбами портовых сооружений советские люди бережно несли в укрытия тела погибших солдат Англии, Соединенных Штатов Америки. Портовые рабочие шли в сопки за город, взрывали мерзлую землю, заливали бетон в основания памятников. И те же руки мурманских рабочих заботливо высаживали деревца, чтобы весной листва украсила могилы.

...Кладбищенский сторож Михаил Иванович смахнул с надгробий снежную порошу, и я прочитал имена:

«Джон Гонелли, пулеметчик...»

«Вильям Ламм, стрелок...»

«Джон Кейс, старшина...»

Сверстники Бредова — простые люди далеких стран. Они прибыли к нам за сотни миль как друзья. Они, солдаты, охраняли грузы, шедшие в Россию, на фронтах которой решалась судьба человечества. И они погибли от тех же пуль и бомб, что сожгли портовые здания, дома и школы Мурманска, что сделали вдовами и сиротами жен и детей сотен мурманских моряков.

...Недавно мне снова довелось побывать в сопках за мачтой радиостанции.

Ярко светило солнце. И свет его был уже не холодный, розовый, как тогда, в январе, а живой, теплый, ласковый. Узорная тень листвы лежала на плитах могил иностранных моряков.

Кустарник густо разросся — совсем как где-нибудь на лугу у Оки или Клязьмы. Надо знать, как трудно вырастить что-либо на этой суровой, усеянной валунами земле. Тонки стволы заполярных березок и рябин, не густы их кроны. Каждый росток, каждую веточку надо оберегать, чтобы они не погибли под ледяным дыханием ветра, снежных «зарядов». Но кто-то не пожалел труда — и маленькое кладбище было полно благодатной тени.

В дальнем углу кладбища я заметил одинокую могилу. На ней не было плиты, а только стоял крест с обведенными траурной каймой концами. И надпись по-английски гласила:

«Неизвестный британский моряк».

Почтительно, в глубокой задумчивости стоял у могилы моряк с рыболовного траулера, строго, по-военному держа фуражку на полусогнутой руке.

А на самом краю могилы лежал букет белых полевых цветов. Я не знаю, кто принес из тундры эти цветы. Они издавали слабый, нежный аромат. Да, они пахли, эти цветы Заполярья, вопреки старому утверждению, что на Севере цветы без запаха.

На союзническом военном кладбище в Мурманске. У могилы неизвестного британского моряка.

В ГЛУБИНАХ ЗЕМЛИ

Девять членов клуба туристов-любителей из французского города Гренобля спустились в июле этого года в подземные пещеры Берже на глубину в тысячу метров от поверхности земли. Тем самым они побили своеобразный рекорд. Впрочем, этот рекорд принадлежал им же: в прошлом году они достигли глубины в 903 метра.

Об этом рассказывает читателям журнал «Пари-Матч».

Девять смельчаков составляли передовую группу экспедиции в тридцать три человека. Это были студенты, рабочие, служащие в возрасте от восемнадцати до пятидесяти двух лет. Вот уже три года подряд они тренируются по нескольку месяцев, чтобы провести отпуск в недрах земли.

14 июля группа организовала базу на глубине восьмисот метров — оттуда предстояло спускаться дальше, «в неизвестное», как говорили они шутя. Через три дня передовая девятка достигла глубины девятисот восьмидесяти пяти метров. От тысячеметровой глубины их отделяло всего пятнадцать метров. Один из членов экспедиции спустился на веревке и осветил тысячный метр фонариком, но не смог стать там ногой: ему мешал бурный подземный поток, сильно набухший после дождей.

Подземные пещеры Берже были открыты 25 мая 1953 года этими же людьми и названы в честь Жозефа Берже — инициатора походов вглубь земли. Находятся пещеры в Веркоре, в известковом плато Сорнэн, лежащем на высоте тысячи четырехсот пятидесяти метров. Долгими тысячелетиями дожди и почвенные воды прорывали эту огромную цепь подземных залов, колодцев и расселин. Вход в пещеры представляет собой пятиметровую трещину. Примерно на десятиметровой глубине она суживается настолько, что там с трудом может проползти человек. Дальше начинается нечто вроде гигантской лестницы протяжением более трех километров — вертикальные колодцы, галереи, огромные подземные пещеры, колоннады. И через все это течет подземная река. Она берет начало из озера Каду, находящегося в одном из первых огромных залов пещерной системы. Эту реку исследователи назвали «Сан-з-Этуаль» (река, в которую никогда не глядятся звезды).

Из тридцати трех участников экспедиции десять остались на поверхности — налаживать связь и питание подземных групп. Четырнадцать человек не спускались ниже восьмисот метров. Они обслуживали промежуточный подземный лагерь и следили за телефонной связью. Передовая девятка пробивалась все ниже вглубь пещер. Смельчаки десять дней сносились друг с другом только условными свистками — мощный гул подземных водопадов заглушал человеческую речь.

Вглубь пещер было протянуто до трех тысяч метров телефонных кабелей. Два раза связь прерывалась: влага вызывала короткие замыкания, рвались истертые о скалы провода. 29 июля Клодина Леконт, работавшая в наземной группе, десять часов подряд не могла получить ответа от жениха, входившего в штурмовую девятку. Он оказался отрезанным от внешнего мира возле того самого каскада, который еще в прошлом году был окрещен именем его невесты...

Вода была самым яростным врагом исследователей. Им приходилось вбивать в скалу скобы для веревочных лестниц под сильными струями водопадов. Нередко они по нескольку часов простаивали под ледяным душем. Даже в лагере «500» закурить сигарету, вынутую из металлического портсигара, было невозможно.

Нижняя база была оборудована в «Зале тринадцати» — так была названа открытая в прошлом году огромная подземная пещера. На «полу» пещеры множество озерец, глубоких, с опасными водоворотами. Девятка разбила свои палатки на мысу у одного из таких озер под навесом, напоминающим нечто вроде алтаря в большом храме. Ацетиленовые лампы освещали пещеру всего на два десятка метров вокруг. Исследователи зажгли килограммовую бенгальскую свечу, но и этого огня не хватило, чтобы осветить потолок «Зала тринадцати». В зале не было больших водопадов, но единственная небольшая струйка воды, ниспадавшая со стены, вызывала звук, напоминающий пушечную канонаду. Эхо мощно отражалось сводами пещеры.

На глубине девятисот восьмидесяти пяти метров девятка увидела спуск в еще не изведанные глубины пещер Берже — их предстоит еще исследовать. Штурмовая группа покинула нижнюю базу 31 июля. Подъем на поверхность длился два дня. В лагере «500» их встретили товарищи. Дальше их тащили вверх на веревках. На отметке «250» одному из передовой группы, Марку Суласу, перебило ногу свалившимся сверху осколком скалы. Все участники похода вглубь земли были сильно измучены, дрожали от холода. Но победа над «тысячей» согревала их своим теплом. «Новая пещера, перед которой мы остановились, имеет глубину примерно в сорок метров,— рассказывали они друзьям.—Мы убедились в этом, бросая вниз зажженную бумагу. В будущем году мы побываем и там, пройдем далеко вниз от тысячеметрового рубежа».

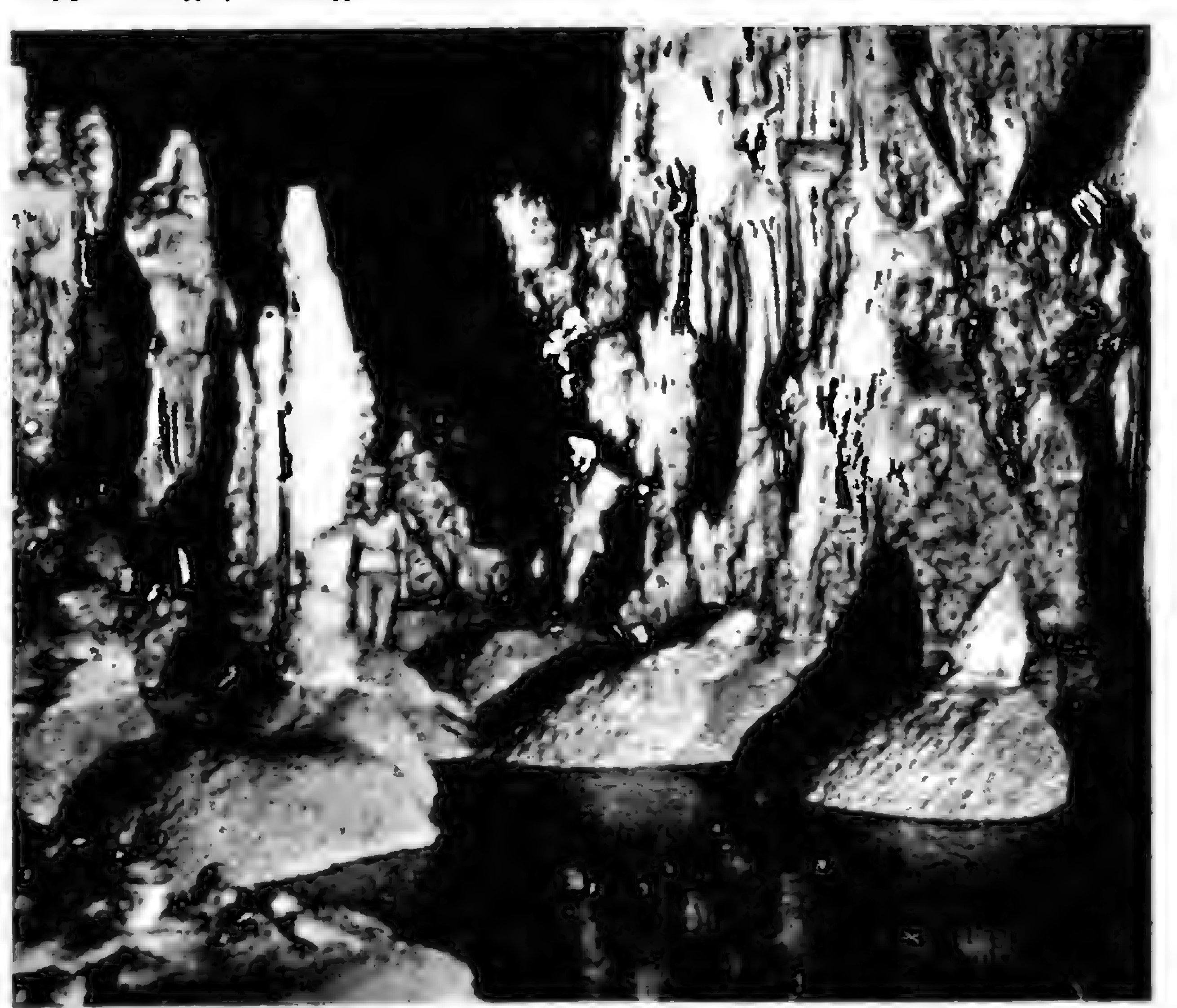
← Спуск по каскаду.

Схема пещер Берже

Вход в пещеры
Колодец Гарби
Зал 13-ти"
Озеро Каду
Зал Сен-Матье
Каскад Абель
Каскад Клодин
Лагерь в Зале 8-ми"
Каскад „30 метров"
★ Рекорд 1954 г. 903 м.
★★ Рекорд 1955 г. 985 м.

У тысячного метра.

В «Зале тринадцати».

„Ищи силу в спорте"

«Спортивная база» Тарановых.

Фото И. Шаинского.

Композитор Г. П. Таранов.

В начале лета во многих киевских дворах побывал этот высокий, худощавый человек. Он заглядывал во все закоулки, померял быстрыми, легкими шагами пустующую площадь. Обычно его тотчас окружали дети, которым он, видимо, сразу приходился по душе. Вскоре исполком Киевского горсовета получил от депутата Г. П. Таранова предложение создать десятки новых теннисных кортов и катков по примеру жителей дома по улице Ленина, где жил сам.

Рабочий день Глеба Павловича Таранова начинается с велосипедной прогулки. Ранним утром над Днепром, где проложена асфальтовая магистраль, можно встретить всю его семью. Энергично нажимают на педали девятилетняя Ира и одиннадцатилетняя Таня. Любят и понимают толк в велосипедном спорте старшие дети: Людмила, ученица десятого класса, и Сергей, студент Киевского политехнического института. Что касается родителей, то Глеб Павлович и его жена Наталья Даниловна, как говорится, «кадровые» велосипедисты, имеющие за плечами десятки тысяч километров.

Один из уголков квартиры, где живут Тарановы, в шутку называют «спортивной базой». Название вполне обоснованное. Выстроившись в ряд, стоят шесть велосипедов. На стене висят шесть теннисных ракеток. В теннис играют все члены семьи. Есть здесь зимний спортивный инвентарь — коньки беговые, прогулочные и для фигурного катания. Различные снаряды свидетельствуют, что хозяева занимаются гимнастикой. Над дверью укреплена на крюках детская трапеция, на которой упражняются Ирина и Татьяна.

Если добавить, что сам глава семьи серьезно занимается плаванием, греблей и привлек к этому всех членов своей семьи, то может сложиться впечатление, что речь идет о человеке, который ничем не занимается, кроме спорта. Но это не так. Глеб Павлович Таранов — композитор, профессор Киевской консерватории, доктор искусствоведческих наук, посвятивший всю свою жизнь музыке и воспитавший немало музыкантов в Киевской и Ленинградской консерваториях. Он автор многих музыкальных произведений. Им написана опера «Ледовое побоище». В последнее время создано новое значительное произведение — симфоническая поэма «Давид Гурамишвили», посвященная дружбе народов.

Если прибавить к этому, что Глеб Павлович ведет большую работу в городском Совете депутатов трудящихся и в президиуме Союза композиторов Украины, то становится понятен смысл двух любимых его поговорок: «Безделье — не отдых» и «Ищи силу в спорте». Спорт помогает Таранову работать и творить. И спортивные занятия используют Глеб Павлович и Наталья Даниловна для воспитания своих детей.

— Все это можно посмотреть на экране, если хотите,— предлагает Глеб Павлович. Таранов, как тут же выясняется, сам снимает спортивные кинофильмы.

В одной из комнат спускается штора. На экране зима. На льду две юные фигуристки. Это Ира и Таня, которые сейчас сидят рядом с нами. Девочки критически, но с заметным удовольствием разглядывают себя. В прошлом году маленькая Ирина завоевала первое место по фигурному катанию.

Глеб Павлович рассказывает нам историю дворового катка, показанного в фильме. Однажды (это было несколько лет назад) во дворе от холода лопнула труба, и вода залила площадку. Ночью Таранов натаскал еще сорок ведер воды — и к утру ребята уже пробовали коньками лед. Начало смешное, случайное, но, как говорят, нет худа без добра. Дворовый каток завоевал право на существование, а у Глеба Павловича появились десятки помощников-энтузиастов.

Кинолента между тем переносит нас в лето 1954 года. Водная станция на Днепре. Кто же так ловко и быстро плывет кролем?

— Так это же Татка, наша Татьяна,— смеется Ирина.— А на второй дорожке я плыву.

В семье Тарановых установлен неписанный закон: каждый должен переплыть Днепр в широком месте, у верхнего моста. Сергей это сделал в тринадцатилетнем возрасте, Людмила выдержала испытание в одиннадцать лет. В этом году и Татьяна успешно выдержала этот своеобразный экзамен. Пловца всегда сопровождает отец на лодке. После такого «экзамена» родители разрешают детям самостоятельные поездки на Днепр.

Старший из детей Тарановых, девятнадцатилетний Сергей, в детстве часто простуживался, температурил. Занятия спортом закалили юношу; он прекрасный велосипедист, конькобежец, пловец, имеет второй разряд по теннису.

Увлекаются теннисом и дочери Тарановых. Тренер теннисной секции «Юный динамовец», заслуженный мастер спорта Ольга Николаевна Калмыкова сказала, что у девочек есть способности и она с удовольствием работает с ними. Большого успеха достигла семнадцатилетняя Людмила. В этом году она заняла второе место на первенстве СССР среди девушек.

В. ШУМОВ

Заслуженный мастер спорта О. Н. Калмыкова довольна своими учениками (слева направо: Таня, О. Н. Калмыкова, Ира и Людмила).

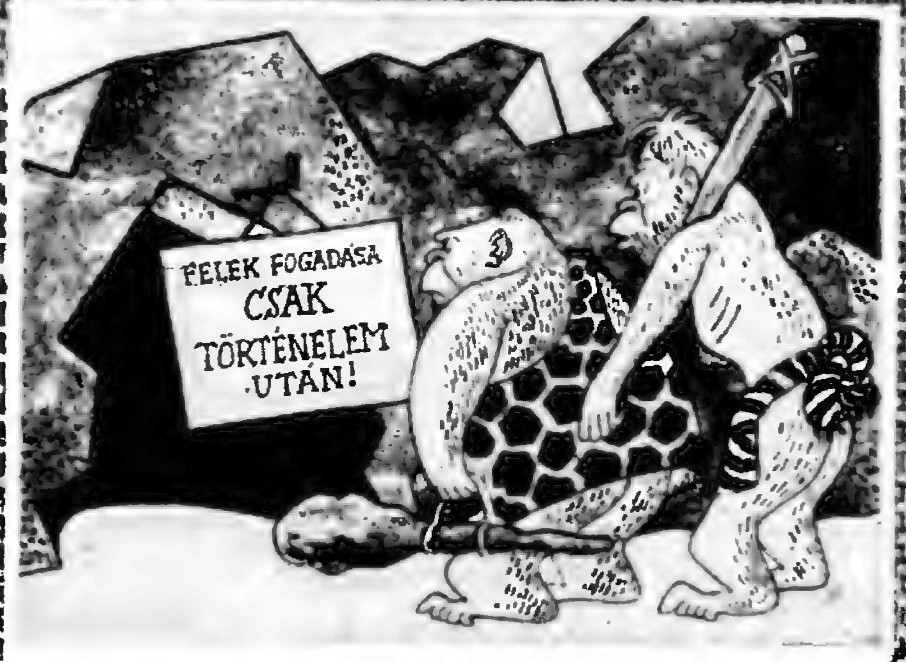
Таня любит упражнения на трапеции. Ирина страхует сестру от падения.

← Семья Тарановых на велосипедной прогулке.

Тибор Каян-Калас — талантливый представитель молодого поколения венгерских графиков. Главной областью творчества художника является карикатура. Помещаемая здесь серия его карикатур — «История бюрократии» — пользовалась большим успехом на Третьей венгерской выставке изобразительного искусства.

1. Доисторическая эпоха.

Надпись над входом в пещеру: «Прием посетителей только в послеисторическую эпоху».

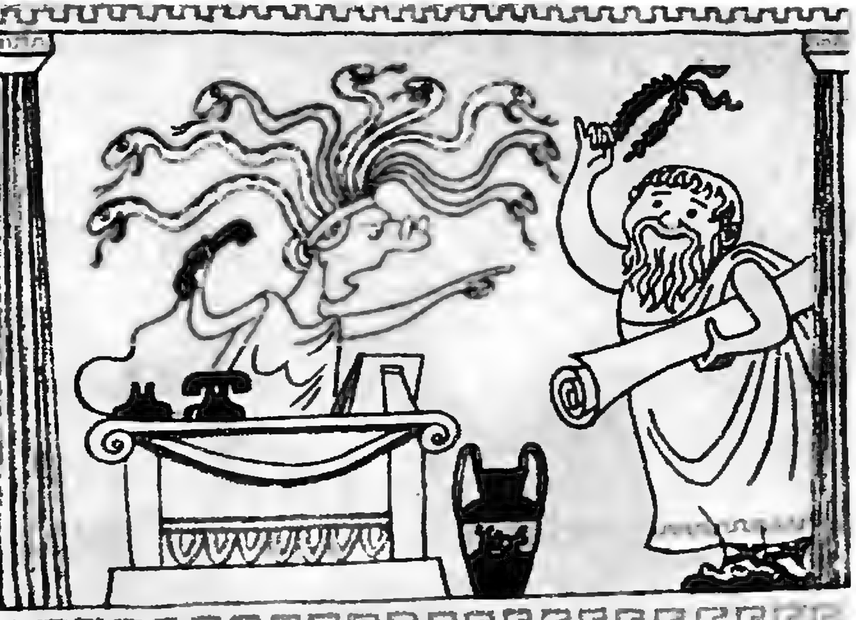
2. Каменный век.

Первый канцелярский волокитчик (венгерское выражение «передвигать документы», означающее канцелярскую волокиту).

3. Египет.

— Возвращаю заявление, слово «с уважением» нужно писать с двумя соколами на конце.

6. Афины.

Горгона-секретарь: «Вы всегда мешаете мне в такое время, когда у меня в голове кишит тысяча вещей».

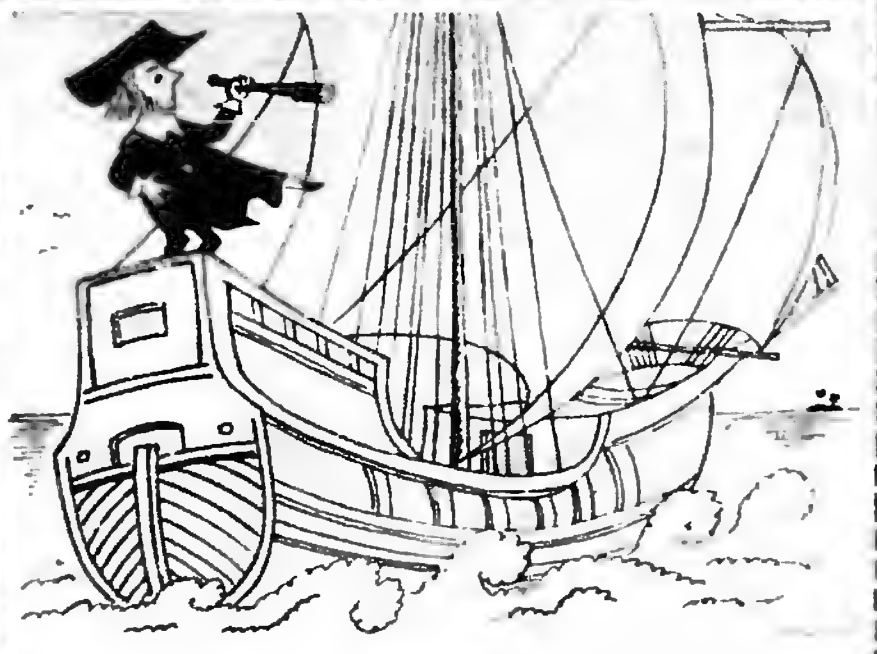
7. Рим.

— На вашем документе имеются также две арабские цифры. Извольте с этим обратиться в Мекку.

8. Рыцарский век.

— Если вы стремитесь к близким отношениям между нами, прикажите вне очереди исправить мой подъемник.

11. Новая эпоха.

Колумб: «Ну и дела! Вот она — Америка, а у меня нет разрешения на ее открытие».

12. Эпоха реформ.

— Сейчас войти нельзя, привидениям разрешается действовать только по понедельникам, средам и пятницам.

13. Эпоха Людовиков.

— Напрасно, господа, вы ожидаете здесь с государственными делами: его величество занимается только женскими делами.

о бюрократии

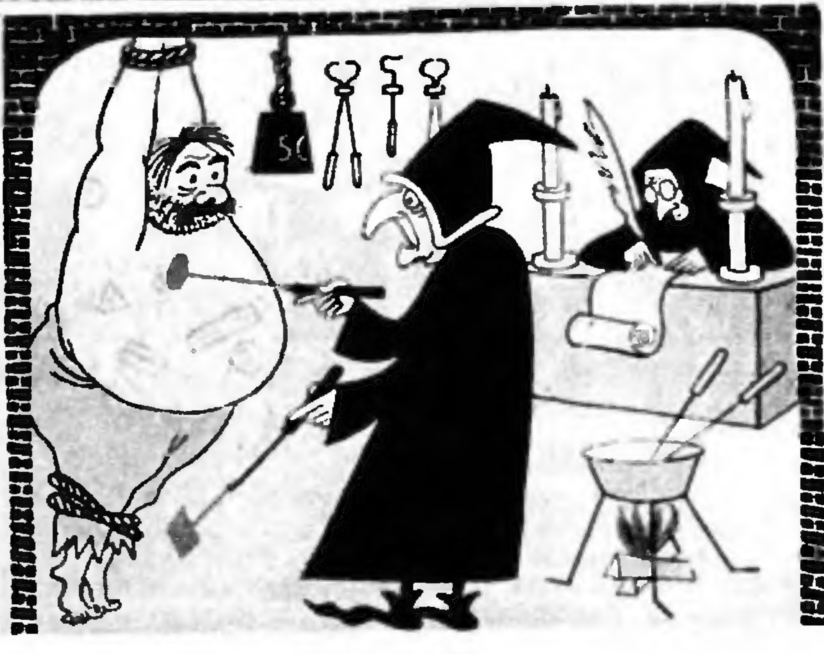
4. Вавилон.

— Ваше заявление мы выбросили, потому что у нас имеется указание оставить потомкам лишь минимум письменных памятников.

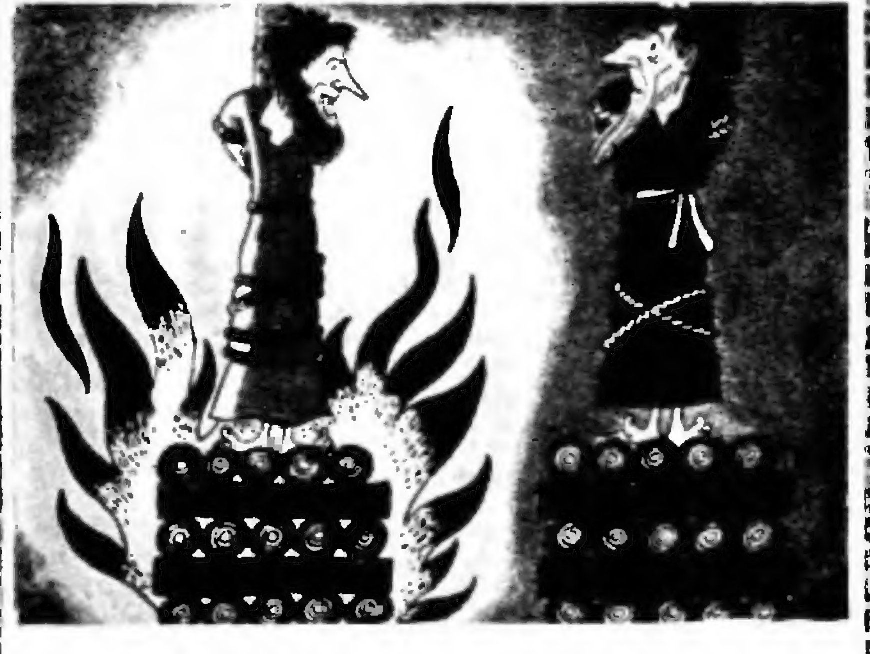
5. Древний Китай.

— Многоуважаемый господин чиновник, докладываем, что мы изобрели тушь и бумагу.
— Замечательно, вот я сразу же и смогу составить об этом документ.

9. Мрачное средневековье.

— Терпение, не хватает лишь печати главного инквизитора.

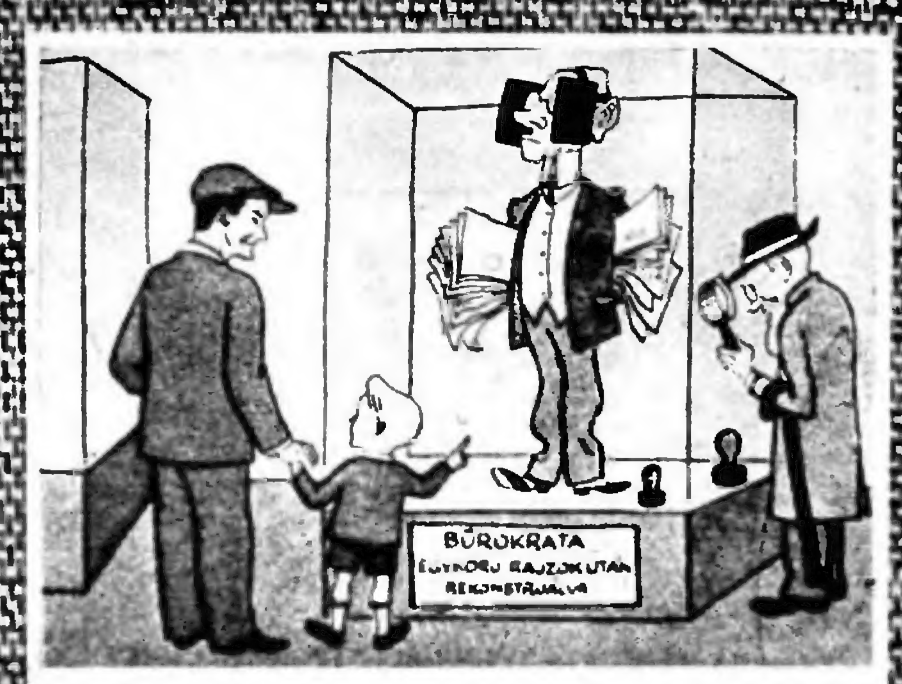
10. Еще более мрачное средневековье.

— К счастью, мое дело оказалось в руках очень порядочного инквизитора: он сразу же довел его до конца.

14. Первая мировая война.

— Сейчас мне некогда, приходите одной мировой войной позже.

15. Будущее.

На выставке в витрине можно увидеть бюрократа, реконструированного по рисункам прошедших эпох.
— Скажи, папа, в самом деле были такие люди?

О «ЧУВСТВЕ КРАЯ»

(Письма читателей о рассказе Б. Полевого «Москвичка», «Огонек» № 29)

Рассказ Бориса Полевого, как говорится, «попал в точку». В самом деле, в кино, в опере, в драме да, пожалуй, во всех видах театрального искусства, кроме, может быть, цирка, мы встречаемся с проблемой, затронутой писателем.

В рассказе Полевого артистка Елена Шубина ощутила «чувство края», поняла, что она больше не имеет права играть молодых, добровольно уступила роль москвички молодой актрисе Оксане Чумаченко.

Правильно ли она поступила? Читатели по-разному отвечают на этот вопрос.

Товарищ Кретова из города Жданова спрашивает:

«Неужели в искусстве метрическая запись имеет большее значение, чем игра артистки?.. Если человек талантлив, то его оценят. Если артистка в 50 лет имеет девичью фигуру и легкую походку, почему же ей не играть девушек?»

Товарищи В. Китаев, Л. Капранская и С. Лебеденко, студенты Томского университета, пишут:

«Большое спасибо вам, товарищ Полевой, за этот рассказ. Наконец-то нашелся человек, который вслух, на страницах большого журнала сказал то, о чем давно уже говорят, а если не говорят, то думают все кинозрители. Только самоуспокоенностью и зазнайством некоторых наших известных актеров и актрис, невзыскательностью и беспринципностью режиссеров можно объяснить то, что роли девушек и юношей в кино и в театре дают по инерции актерам и актрисам весьма пожилого возраста».

Такого же взгляда придерживаются А. Гусев, В. Клочков, Р. и С. Пигаль.

«Попробуй мастер или инженер на производстве потакать в ущерб делу своей жене, работающей с ним в одном цехе, или просто своему дружку-любимчику. Вся общественность на него обрушится. А в кино будто бы и общественности нет. Все видят и молчат...»

В. Губин из Рязани упрекает автора в том, что он не рассказал, как артистка Елена Шубина помогает молодежи.

«Думаю, что такой конец внес бы больше ясности в рассказ. Можно было бы сделать вывод, как работать пожилым артистам кино, оперы и балета».

Рассказ Бориса Полевого вызвал интерес у читателей. Советские люди любят свой театр, кино и искренне переживают его удачи и неудачи. Любовью к родному советскому искусству проникнуты читательские отклики на рассказ «Москвичка».

Елена Шубина почувствовала, что дальше уже нельзя работать в прежнем амплуа — надо искать новые пути.

Но многие ли наши «большие актеры» обладают этим очень полезным и нужным «чувством края»?

Письма читателей по поводу рассказа Б. Полевого и сводятся к этому вопросу, обращенному в адрес актеров и актрис нашей сцены и кино.

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ БАРАН

Басня

Петух однажды на дворе
В сердцах отчитывал Сороку:
«Чего ты все снуешь без отдыха, без сроку!
Я хоть бужу хозяев на заре,
А ты все тянешься к открытому окошку,
Все норовишь стянуть где ложку,
Где сережку!
Что говорить, на это ты ловка!
А что до твоего, болтушка, языка,
Так от него не жди ни толку и ни проку!»
Услышав, как Петух отчитывал Сороку,
Баран накинулся на доброго Коня:
«Чего ты на дворе торчишь средь бела дня?
То бочкой прогремишь, то бороной, то бричкой,
А уж возить навоз вошло в твою привычку,
Как будто ты не мог найти чего другого,
Что бы свалить хозяину во двор?!
Скажу тебе в глаза: пошляк ты, право слово!
Ни вкуса у тебя, ни мыслей нет!
Позор!»

———

Недавно я прочел критический обзор,
И, будучи с обзором не согласен,
Я снова обратился к жанру басен.

Сергей МИХАЛКОВ

Фото С. Башаяна.

Старинная мечеть

В городе Панфилове (бывший Джаркент), Талды-Курганской области, Казахской ССР, стоит здание, являющееся уникальным архитектурным памятником: это бывшая мечеть, построенная в конце минувшего века уйгурами — выходцами из Синьцзяна. Строил мечеть китайский архитектор, специально выписанный из Пекина. Здание целиком сооружено из дерева, без единого гвоздя и скобы.

Строительство началось в 1883 году. В течение четырех лет 73 опытных плотника под руководством китайского архитектора изготовляли части здания. Они особым образом распиливали бревна и доски, просверливали их в соответствующих местах и складывали в указанном архитектором порядке. Когда изготовление деталей закончилось, мечеть была воздвигнута в течение одного месяца.

Мозаичная отделка фасада и стенная роспись внутри здания выполнены художником-самоучкой уйгуром Хасаном Иманди. Позднее, в 1890 году, были сделаны ограда, ворота и минареты.

Ныне мечеть, как ценный архитектурный памятник, открыта для экскурсантов, а в бывшем здании медресе, находящемся рядом, создан историко-краеведческий музей, где имеется уникальная коллекция старинных уйгурских народных музыкальных инструментов.

Точно такое же здание, как Джаркентская мечеть, имеется в Пекине. Оно сооружено тем же китайским архитектором.

Л. ВАРШАВСКИЙ

Крылатые лакомки

Однажды утром я пошел в сад посмотреть, не поспела ли клубника. Вижу: на грядках сидят вороны. Осмотрел плоды — некоторые ягоды поклеваны. Тогда я взял манекен, одел его в старое пальто, сверху прикрепил шляпу с пером, к рукаву приставил метелку и установил на грядках.

На следующий день еще до восхода солнца меня разбудили лай собак и карканье ворон. Быстро оделся и поспешил в сад. Привязанные там две гончие собаки лаяли и рвались к грядам с клубникой. На шляпе пугала нахально сидела ворона и громко каркала.

Я швырнул в нее комочек земли. Она еще раз каркнула, взмахнула крыльями и полетела. Вслед за ней с гряд клубники поднялись еще две вороны. Оказывается, ворона на пугале предупреждала их криком об опасности.

Перенес собачьи будки под яблони, к клубнике. На следующее утро меня снова разбудил лай собак. Бегу. Выбирая спелые ягоды, опять разгуливают по грядкам крылатые разбойники.

Одну собаку оставил на привязи, а другую — на свободе. Вороны больше не решались разгуливать по ягоднику, но лапы Докучая погубили еще больше ягод.

Тогда я решил испробовать другой способ...

Взяв охотничьи красные флажки, привязанные к шнуру, я протянул их в две линии через гряды клубники.

С нетерпением ждал я утра. Наконец оно наступило. Быстро оделся и выбежал в сад. Слышу: каркают вороны. Неужели они сидят на шнурке с флажками?.. Осторожно подхожу к ягоднику. На клубнике — ни одной вороны. Сидят они на ближайшем дереве, с досады каркают, но спуститься на гряды не решаются.

Н. НИКОЛЬСКИЙ

Северный лотос

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной...

А на голове у русалки, как рисуют ее художники, венок из белых лилий — прекрасных цветов тихих заводей и медленно текущих вод.

Белая лилия — одно из самых красивых наших растений. Там, где склоняются над водой ивы, среди плавающих листьев выглядывают ее упругие бутоны. Над ними реют быстрые коромысла, порхают темносиние стрекозы. Лягушата карабкаются на ее большие листья, как на зеленые плоты.

Белая лилия широко известна под названием кувшинки. Ученые называют ее нимфеей. Нимфея значит «принадлежащая нимфам», по-нашему, русалкам. Как гласит легенда, одна из этих мифологических нимф — юная и прекрасная — была некогда обращена в кувшинку.

Белая лилия — северная родственница индийского и египетского лотосов, южноамериканской виктории-регии и тех лотосов, что растут у нас в дельте Волги, восточном Закавказье и на Дальнем Востоке.

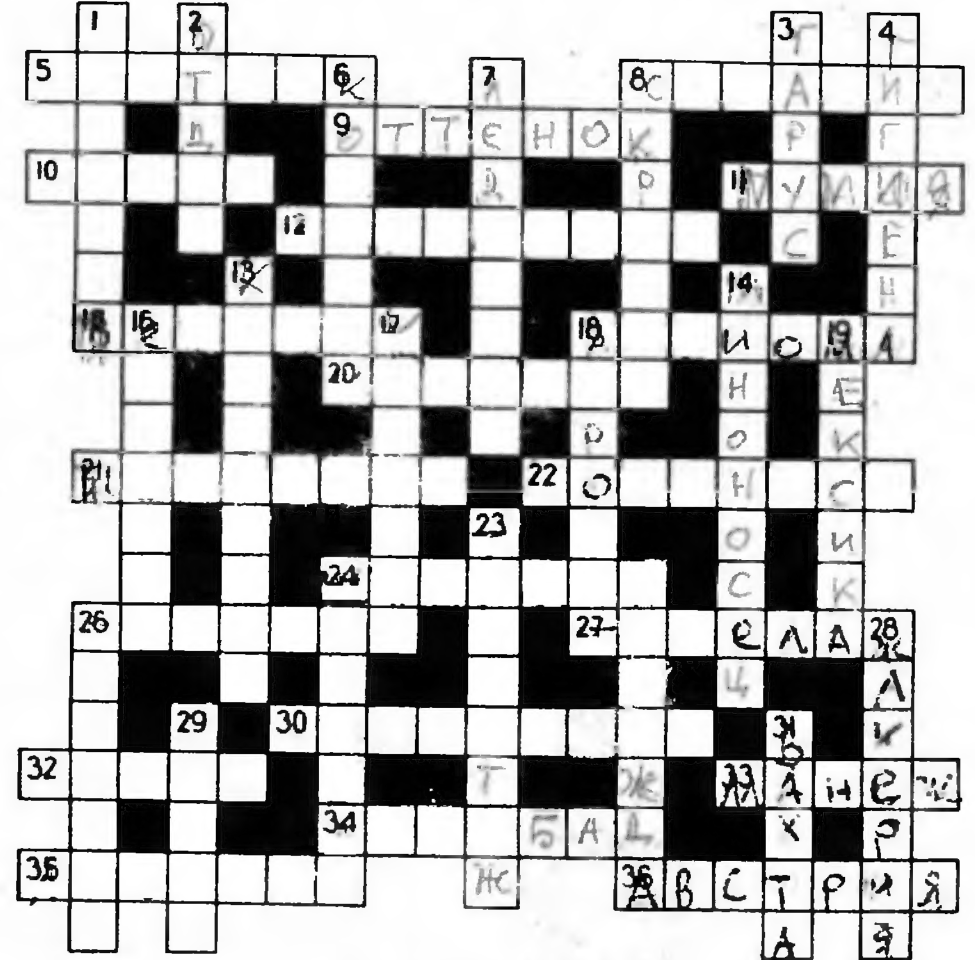
Едва повеет вечерней прохладой, белоснежные звезды лилии закрываются, превращаясь в кувшинки: это предохраняет цветы от излишнего излучения тепла. Лилия бережет его в своих кувшинчиках, раскрывая их с наступлением дня. Как наблюдалось, для 60 градусов северной широты, то есть для широты Ленинграда, это происходит около 5 часов вечера и 7 часов утра.

Белая лилия — многолетнее растение. Она зацветает в конце весны и цветет все лето. Отцветут ландыши, ночная фиалка, шиповник, наконец, липа, а белая лилия все цветет, являясь наиболее долговечной среди наших «диких» цветов.

Б. АЛЕКСЕЕВ
Фото О. Кнорринга.

В этом номере на вкладках: репродукции картин В. Н. Гаврилова «Май. Северная ночь», А. М. Грицая «Сумерки», «Вечер на пашне», О. К. Татевосяна «Натюрморт» и четыре страницы цветных фотографий.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Стихотворение А. С. Пушкина. 8. Остров у восточных берегов Азии. 9. Разновидность одного и того же цвета. 10. Сподвижник Богдана Хмельницкого. 11. Род красной краски. 12. Спортивное общество. 15. Предельная высота подъема. 18. Положение, принимаемое без доказательств. 20. Птица семейства утиных. 21. Учебное заведение. 22. Филолог. 24. Специалист по вождению судов, самолетов. 26. Разрывной снаряд. 27. Совокупность снастей судна. 30. Персонаж комедии А. Н. Островского «Горячее сердце». 32. Документ. 33. Здание для верховой езды. 34. Столица союзной республики. 35. Судно специального назначения. 36. Государство в Европе.

По вертикали:

1. Город в Сумской области. 2. Свободное от работы время. 3. Род шерстяной пряжи. 4. Раздел медицины. 6. Пушной зверек. 7. Замерзание реки. 8. Музыкальный инструмент. 13. Заведующий общественным зданием. 14. Военный корабль. 16. Группа музыкантов. 17. Овощ. 18. Исполнитель сложных гимнастических номеров. 19. Государство в Северной Америке. 23. Машинная вязаная ткань. 24. Рулевое колесо. 25. Уверенность в осуществлении радостного, благоприятного. 26. Итальянский астроном, физик и механик. 28. Историческая драма Проспера Мериме. 29. Русский музыкальный критик и композитор. 31. Дежурство.

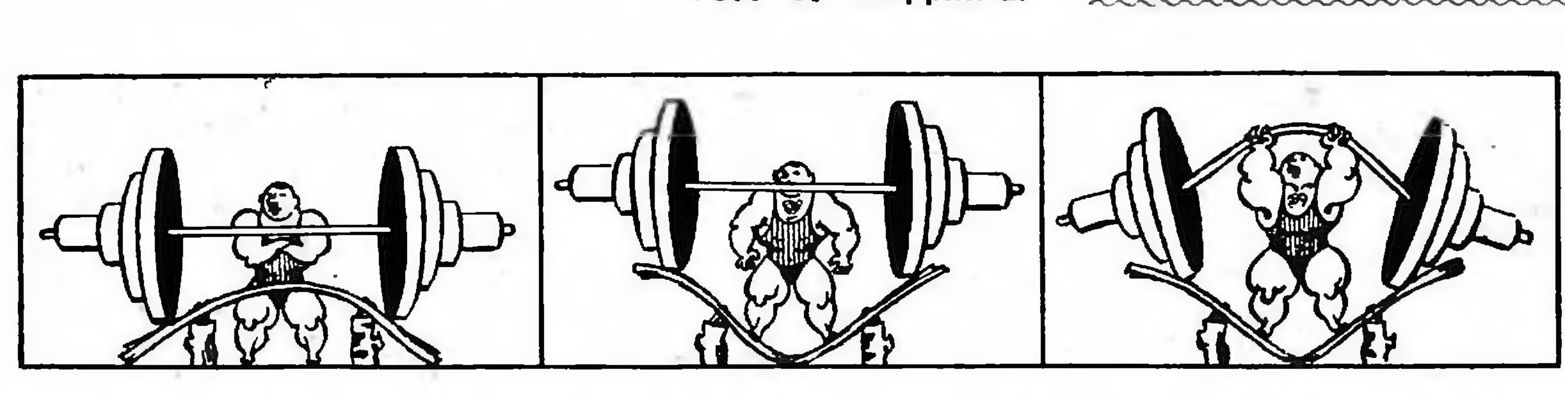
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ в № 40

По горизонтали:

4. Термостат. 7. Долгота. 8. Отрезок. 9. Колокольчик. 13. Колонна. 16. Аммонал. 17. Никитин. 18. Выполнение. 19. Патриотизм. 22. Дотация. 24. Лилипут. 25. Скандий. 28. Амбулатория. 29. Горький. 30. Антенна. 31. Полковник.

По вертикали:

1. Вентиль. 2. Полировщик. 3. Картечь. 5. «Колокол». 6. «Колобок». 9. Конъюнктура. 10. «Камаринская». 11. Покрышкин. 12. Бальзамин. 14. Чириков. 15. Витамин. 20. Рахманинов. 21. Цицерон. 23. Аньшань. 26. Абрикос. 27. Транзит.

«ВЕС ВЗЯТ...»

Изошутка Ю. Федорова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 05603. Подп. к печ. 4/X 1955 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 850 000. Изд. № 852. Заказ 2495. **Рукописи не возвращаются.**

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Моды

К ОСЕННЕ-ЗИМНЕМУ СЕЗОНУ

Художники Общесоюзного Дома моделей к осенне-зимнему сезону разработали новые модели. Для платьев из легких шерстяных тканей предлагают два силуэта: свободный лиф с широким поясом, чуть спущенным ниже талии, и узкой юбкой; прилегающий лиф, с которым хорошо сочетается и широкая и узкая юбка. Платья, сделанные по второй основе, можно рекомендовать и полным женщинам, только юбку им следует делать неширокую.

Если лиф удлиненный, его можно закончить накладной бейкой, которая, так же как и высокие отстающие карманы, делает тонкой талию. Талию красиво обрисовывает и широкий тугой пояс, кожаный или сшитый из другой материи подходящего цвета. Рукава лучше делать длинными или полудлинными: они могут быть цельнокроенными или вшивными с заниженной проймой. Воротники, и маленькие и большие, свободно лежат на плечах.

В платьях-костюмах, которые хороши для любой фигуры, жакеты следует делать короткими, прилегающими, открытыми, чтобы их можно было носить с кофточкой или вставкой, а юбки — узкие или в складку.

Цена номера 3 руб.